

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

2025. Т. 47, № 3

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025. Т. 47, № 3

Главный редактор

Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Редакционный совет

- Е. В. АНИСИМОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. Н. БАРЫШНИКОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Ю. А. ВАСИЛЬЕВ**
д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)
- М. А. ВИТУХНОВСКАЯ**
д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- В. Н. ЗАХАРОВ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)
- С. Т. ЗОЛЯН**
д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)
- Ю. ИНОУЭ**
к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)
- И. И. МУЛЛОНЕН**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- С. А. МЫЗНИКОВ**
д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)
- В. А. ПЛУНГЯН**
д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)
- К. СКВАРСКА**
д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)
- Н. А. ФАТЕЕВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- М. А. ЧЕРНЯК**
д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

- А. В. АНТОЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- М. А. БОБУНОВА**
д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)
- С. Г. ВЕРИГИН**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- В. И. ГОЛДИН**
д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)
- Т. А. ГРИДИНА**
д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)
- Р. ГРЮНТХАЛЬ**
д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)
- Н. В. ДРАННИКОВА**
д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)
- П. М. ЗАЙКОВ**
д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)
- С. Г. КАЩЕНКО**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- Д. В. КОБЛЕНКОВА**
д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)
- С. И. КОЧКУРКИНА**
д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО**
к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)
- Ю. В. КРИВОШЕЕВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- П. А. КРОТОВ**
д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)
- А. Е. КУНИЛЬСКИЙ**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- Е. И. ЛЕЛИС**
д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)
- О. В. НИКИТИН**
д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)
- Н. В. ПАТРОЕВА**
д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. М. ПАШКОВ**
д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)
- А. А. ПОПОВ**
д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)
- И. А. РАЗУМОВА**
д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)
- М. Ф. РУМЯНЦЕВА**
к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- В. И. СУПРУН**
д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)
- Л. Л. ШЕСТАКОВА**
д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)
- Ю. Г. ШИКАЛОВ**
д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2025. Vol. 47, No 3

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2025

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Yerevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Federal State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	ФОЛЬКЛОРИСТИКА	
РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ		<i>Иванова Т. Г.</i>	
<i>Дьяченко Ю. А., Праведников С. П., Ковалев А. Е.</i>		«Язык цветов» как один из феноменов фольклор- ной культуры	65
Концепт «конь / лошадь» в курских народных сказках	8	БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР	
<i>Смирнова Л. Г.</i>		<i>Братчикова Н. С.</i>	
Вопрос о грамматических средствах выражения оценки в свете синтаксических исследований А. А. Шахматова	17	Метафорические концепты и их выражение в ро- мане Т. Киннунена «Перекресток четырех дорог»	71
<i>Новоселова В. А.</i>		<i>Дементьева А. М.</i>	
Военная терминология в медиатекстах: темати- ческая группа «Беспилотные летательные аппа- раты»	24	Заголовок русской и финской научной статьи: две стратегии в рамках одного стиля	77
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА		<i>Муковская Л. Ю.</i>	
<i>Мальшиева Е. Ю., Шарифуллина С. Р.</i>		Формант <i>-kond</i> и представление множественно- сти в современном эстонском языке	82
Структурно-вероятностное исследование глаго- лов в пассивном залоге в американской и бри- танской прозе	29	<i>Чибисов Б. И.</i>	
ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН		Мировая грамота из архива Палеостровского мо- настыря: этнотерриториальный аспект	89
<i>Фирстов М. С.</i>		<i>Минвалеев С. А.</i>	
Социально-ритуальная устная монологическая публичная речь как вербальный элемент комме- моративной традиции	39	Вклад А. П. Косменко в изучение культур финно- язычных народов Северо-Запада России	95
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ		<i>Петров О. М.</i>	
<i>Грицевская И. М., Бровкина Т. В.</i>		Павел Петрович Глезденёв как организатор пер- вых газет на марийском и удмуртском языках	101
«Вопросоответы к князю Антиоху» Псевдо-Афа- насия Александрийского как источник для ста- рообрядческого полемического сочинения	47	<i>Пчеловодова И. В.</i>	
<i>Казакова М. В., Дорожко А. А.</i>		Традиционные музыкальные инструменты уд- муртов: опыт сценического воплощения	107
Фольклорные и мифологические мотивы как спо- соб создания фантастической реальности в рома- не Татьяны Мешко «Колдун здесь»	58	Научная информация	
		<i>Пашкова Т. В., Родионова А. П.</i>	
		Бубриховские чтения: традиции и новации в ис- следовании финно-угорских языков и культур	114
		Юбилей	
		К 75-летию со дня рождения В. П. Кузнецовой	116
		Научная информация	117
		Contents	118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.03.2025. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 43 экз.). Изд. № 28

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОГО
СОВЕТА ЖУРНАЛА**

Доктор филологических наук,
профессор,
член-корреспондент РАН
И. И. Муллонен

Irma I. Mullonen,
Editorial Board Member,
Dr. Sc. (Philology), Professor,
RAS Corresponding Member

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА!

В филологическом номере представлены традиционные рубрики. Как всегда, широтой тематики отличается лингвистический раздел: от истории науки до медиалингвистики. Лингвистические статьи интересуют как многообразием методов анализа материала, так и разнообразием языковых источников, среди которых фольклорные (сказочные) тексты, язык СМИ, литературная проза, коммеморативные тексты.

Литературоведческий раздел привлечет публикацией сыктывкарских исследователей, предположивших время (1682) и место появления (Соловецкий монастырь) ценного сочинения старообрядческой литературы «От послания ко Антиоху князю». В статье петрозаводских авторов анализируются фольклорно-мифологический образ мира и средства его создания в романе карельской писательницы Т. Мешко «Колдун здесь». В исследовании Т. Г. Ивановой через анализ рукописи, имеющей фольклорный характер, напоминает о так называемой русской аристократической теории происхождения фольклора.

Отдельно отметим, что журнал продолжает сотрудничать с известными центрами русской словесности – Пушкинским Домом и Курским университетом, в котором сложилась и развивается курская школа лингвофольклористики.

Широкое научное сотрудничество в области финно-угристики отражают статьи, подготовленные на основе докладов состоявшейся осенью 2024 года двадцатой конференции «Бубриховские чтения». Уже на протяжении нескольких десятилетий она объединяет исследователей языка, культуры и истории финно-угорских народов. В силу такой широкой тематической палитры разнообразна проблематика статей: от собственно лингвистических до этнографических и мемориальных. Представлены интересные результаты применения контекстуального анализа как средства изучения текста в его культурном и историческом аспектах, продемонстрирована важность корпусного исследования для выявления закономерностей образования форм множественного числа собирательных существительных. На основе анализа одного из исторических памятников получены новые данные об этническом составе населения северо-восточного Обонежья в XIV веке. Интересен результат сопоставительного анализа заголовков статей в журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» и финляндском языковедческом журнале «Virittäjä».

Юбилейная страница посвящена известному фольклористу и этнографу В. П. Кузнецовой.

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ДЬЯЧЕНКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета
Курский государственный университет
(Курск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0002-6471-2798; julytsch@yandex.ru

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ПРАВЕДНИКОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета
Курский государственный университет
(Курск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-9900-0876; spprav618@mail.ru

АРТЕМ ЕВГЕНЬЕВИЧ КОВАЛЕВ

аспирант, ассистент кафедры русского языка филологического факультета
Курский государственный университет
(Курск, Российская Федерация)
artem_kovalev_221b@mail.ru

КОНЦЕПТ «КОНЬ / ЛОШАДЬ» В КУРСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

А н н о т а ц и я . Целью исследования является анализ смыслового наполнения концепта «конь / лошадь» на материале фольклорных текстов. Эмпирической базой стали русские народные сказки, собранные на территории Курской области. В работе использовались описательный, таксономический и сопоставительный методы, применялись методики количественного, контекстуального, доминантного, лингвокультурологического анализа и сжатия конкорданса. Актуальность исследования обусловлена продолжающейся работой по изучению языковой картины мира русского народа, представленной в фольклорных (сказочных) текстах и отражающей его мировосприятие. Сказки являются излюбленным народным жанром, что и стало основной причиной выбора материала для анализа. Конь всегда был одним из самых почитаемых животных. Его считали символом мудрости, плодородия, мужества, бега времени и власти. В работе были выделены ядро и периферия (ближняя и дальняя) концепта «конь / лошадь». Исследование производилось с опорой на этимологические и толковые словари. Анализ показал, что лексемы *конь* и *лошадь* являются синонимами, которые допускают толкование одной лексемы через другую, но при этом имеют некоторые семантические различия: слово *конь* обозначает животное, которое является неотъемлемой частью образа героя-богатыря, его помощником, спасителем, другом, а в лексеме *лошадь* самой яркой является сема «рабочее животное»: лошадь была незаменимым помощником в сельском хозяйстве. Делается вывод о том, что концепт «конь / лошадь» является неотъемлемой частью сознания и мировоззрения русского народа.

К л ю ч е в ы е с л о в а : конь / лошадь, концепт, символ, текст, сказка

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дьяченко Ю. А., Праведников С. П., Ковалев А. Е. Концепт «конь / лошадь» в курских народных сказках // Ученый записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1156

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия возросло количество исследований, посвященных изучению языковой картины мира, центральной единицей описания которой является концепт. Единого общепризнанного определения этого понятия нет, потому что его междисциплинарная сущность способна «покрывать предметные области нескольких научных направлений, зани-

мающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации» [14: 6]. Концепт называют и лингвокогнитивным (а также психолингвистическим, лингвокультурным) феноменом, и абстрактным научным понятием, и базовой единицей культуры [2: 488], и «сгустком культуры в сознании человека»¹, и явлением «неразделимо соединяющим в себе элементы сознания, действительности и языкового знака»

[19: 28]. Как видно, концепт – философское понятие и имеет отношение к сознанию человека. Анализируя его дефиниции, можно выделить ряд общих признаков, которые отмечаются многими учеными: 1) концепт – это некий идеальный объект; 2) он не может существовать вне сознания человека; 3) тесно связан с другими концептами; 4) обладает национально-культурными особенностями; 5) «опредмечивается» различными языковыми средствами; 6) имеет многокомпонентную структуру, которую образуют различные концептуальные слои [1: 81]. Суммируя все вышеперечисленное, можно сказать, что концепт – это «единица коллективного знания / сознания <...> имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [4: 70].

Мы уже обращались к этому уникальному явлению на стыке различных научных направлений, анализируя концепт «подарок» в русских частушках [6]. Фольклорные произведения являются богатным материалом для исследования языковой картины мира определенного этноса, потому что в устном народном творчестве находят свое отражение народные знания, представления о мире и его оценка, а также понимание человеком своего места в этом мире.

Целью данной работы является анализ смыслового наполнения концепта «конь / лошадь» на материале фольклорных текстов. Ранее учеными уже рассматривались особенности употребления лексемы «конь» в фольклорных песнях [11] и народных сказках [12]. Авторы этих работ пришли к выводу, что в лирическом жанре образ коня «чаще всего реализуется в контекстах, где речь идет о любви, готовности к браку» [11: 56], а в сказочных текстах

«конь выступает в качестве помощника доброго молодца или Ивана-дурака, являясь ему и верным другом, и боевым товарищем, и мудрым советчиком, и находчивым соратником во всех делах» [12: 123].

В последней работе осуществлялся анализ лексемы *конь* (слово *лошадь* исследователем не рассматривалось) на небольшом количестве сказок, представленных в «Лексикографическом комплексе фольклорных текстов» [17]. В своем исследовании мы предпринимаем попытку на материале более полного собрания сказок всесторонне охарактеризовать базовые имена и структурные компоненты концепта «конь / лошадь», так как он является «значимым для понимания русской лингвокультуры. В нем сконцентрированы представления о мировидении народа, его военной и хозяйственной жизни» [8: 213]. Это обуславливает новизну данной работы. Исследование было проведено на основе описательного,

таксономического и сопоставительного методов, применялись методики количественного, контекстуального, доминантного и лингвокультурологического анализа, а также методика сжатия конкорданса, благодаря которой были учтены все случаи употребления лексем, вошедших в поле исследуемого концепта.

Сказку определяют как рассказ,

«выполняющий на ранних стадиях развития в доклассовом обществе производственные и религиозные функции, т. е. представляющий один из видов мифа; на поздних стадиях бытующий как жанр устной художественной литературы, имеющий содержанием необычные в бытовом смысле события (фантастические, чудесные или житейские) и отличающийся специальным композиционно-стилистическим построением» [7: 56].

Эмпирической базой нашего исследования стали русские народные сказки, собранные на территории Курского края. В первый сборник «Фольклор: частушки, песни, сказки, записанные в Курской области»², вышедший еще в 1939 году, вошли 24 сказки, собранные в период с середины XIX века до 30-х годов XX века. Во второй сборник – «Русские народные сказки Курского края» (РНССК)³ включены тексты из архива филологического факультета Курского государственного университета. Это собрание формировалось в основном в 70-е годы прошлого столетия, когда активизировалась собирательская деятельность на факультете. Сюда вошли 203 сказочных текста.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. ЯЗЫКОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «КОНЬ / ЛОШАДЬ»

В сказках часто присутствуют животные. Они могут быть человеку как врагом, так и другом, помощником. Кроме того, ученые отмечают, что «животные часто являются мерилем многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных. Соответственно, животные <...> всегда были в центре внимания человека» [9: 164].

Конь (лошадь, мерин и др.) – одно из самых почитаемых животных. Это «символ интеллекта, мудрости, ума, рассудка, знатности, света, динамической силы, проворства, быстроты мысли, бега времени. Это типичный символ плодородия, мужества и мощной власти» [9: 165]. Ученые, занимавшиеся изучением семантического потенциала концепта «конь», утверждают, что его базовыми именами являются лексемы *конь* и *лошадь* [3: 161], [10: 25]. Анализ частотности этих слов в сказках показал, что лексема *лошадь* встречается в 102 словоупотреблениях, *конь* – в 63, поэтому в нашей работе эти лексемы, а также производные от них *конишко*, *конёк*, *лошадка*, *лошаденка*, их синонимы *жеребец*, *жеребенок*, *жеребеночек*, *кобыла*, *кобылка*, *кобылица* и имена собственные

Полкан-Полканыч, Сивка-Бурка, Сивка являются ядром концепта. Сюда мы отнесли также слово *тройка*, так как в рассматриваемых текстах оно употребляется только в значении 'три лошади, запряженные рядом в один экипаж'²⁴ [МАС: 4: 414], и слово *скотина*, являющееся обобщенным, родовым наименованием, но употребленным в отношении лошади.

Психолингвистическое значение концепта, как утверждают ученые, «структурировано по полевому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости» [16: 68]. Это позволило выявить ближнюю и дальнюю периферию интересующего нас концепта. «Принадлежность к той или иной зоне содержания определяется прежде всего яркостью признака в сознании носителя соответствующего

концепта» [16: 81]. С опорой на ассоциативные связи к ближней периферии мы отнесли наименования масти как наиболее типичные характеристики коня или лошади (*сивый, вороной*), частей тела (*голова, грива* и т. д.), лошадиной сбруи и утвари (*седло, подкова, хомут*), соответствующих действий, связанных с лошадиной сбруей и утварью (*запрячь, оседлать* и т. д.), помещения для лошадей (*конюшня*), а также лица, ухаживающего за конями / лошадьми (*конюх*). Дальнюю периферию составили лексемы, обозначающие действия с участием лошади / коня (*пахать, пастись* и др.), лица, чья деятельность связана с этими животными (*извозчик*), а также конный транспорт (*карга, сани* и др.) (таблица, цифры рядом со словами указывают их частотность).

Языковая структура концепта «конь / лошадь»
Linguistic structure of the concept of the steed/horse

Ядро концепта	
Лошадь 102, конь 63, жеребенок 13, тройка 13, жеребец 10, конёк 9, Сивка-Бурка 6, кобыла 5, конишко 4, лошаденка 4, жеребёнок 3, лошадка 3, Полкан-Полканыч 3 (кличка коня), кобылка 2, Сивка 2, кобылица 1, скотина 1	
Периферия концепта	
Ближняя	
масть	сивый 3, вороной 1
части тела	мясо 7, копыто 6, шкура 4, голова 3, грива 3, хвост 3, кости 2 / косточки 1, лошадиный череп 2, волосик 1
лошадиная сбруя и утварь	хомут 4, подкова 1, седло 1
действия, связанные с лошадиной сбруей и утварью	запрячь 5, выпрячь 3, оседлать 3, ожеребиться 1, седлать 1
помещение для лошадей	конюшня 4
лицо, ухаживающее за конями / лошадьми	конюх 1
Дальняя	
действия и явления с участием коня	пахать 21, пашня 2, ковать-перековывать 1, пастись 1, погоня 1
лицо, чья деятельность связана с конями / лошадьми	извозчик 1
конный транспорт	карга 9, сани 6, телега 5, шарабан 1

Рассмотрим далее ядерную лексику концепта, а именно самые частотные слова – *лошадь* и *конь* – и исследуем их связи и отношения. Для начала обратимся к этимологии данных лексем. Так, слово *лошадь*, по мнению авторов «Краткого этимологического словаря русского языка», образовалось при помощи суффикса *-адь* от заимствованного из тюркского языка *алаша* 'лошадь, мерин'²⁵, а вот происхождение лексемы *конь* неясно. Ученые предполагают, что это слово могло быть образовано от основы **koby*, от которой произошло слово *kobyula* (русское *кобыла*), с помощью суффикса *-нь*²⁶. П. Я. Черных выдвигает версию, что слово *конь*, возможно, связано с общеславянским *kovati* 'обычай, искусство подковы лошадей, перенятый славянами у германцев'²⁷. Можно предположить, что «первоначально слово *конь* означало 'подкованное животное'» [8: 214].

В современных толковых словарях значение слова *конь* дается через синоним *лошадь* с уточнением, что так говорят преимущественно о самце, и встречается это слово чаще в речи военных, в коннозаводческой практике, а также в поэтической речи [МАС: 2: 98], [БАС⁸: 5: 690]. Слово *лошадь* трактуется как 'крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т. п.' [МАС: 2: 202] или как 'крупное домашнее однокопытное животное из семейства лошадиных, ходящее в упряжи или под седлом' [БАС: 6: 197]. Как видно из рассмотренных дефиниций лексемы *лошадь*, преобладает «функционально-ориентированный взгляд человека на это животное» [3], то есть преимущественно оно предназначено для выполнения каких-либо хозяйственных работ. Это находит подтверждение и в рассматриваемых нами текстах сказок:

«Когда пропели вторые петухи, старик запряг лошадь и старуха поехала» (Фольклор: 53).

«Приходит он на свое поле и видит, что два человека в красных рубахах на его лошади пахнут землю его брата» (РНСКК: 97).

Наличие в хозяйстве лошади зачастую обеспечивало семье безбедную жизнь. Даже корова порой не так ценилась, как лошадь:

«Погоревали и решили продать корову и купить лошадь. Купили лошадь и забыли про горе: без коровы не то, что без лошади» (Фольклор: 54).

В редких случаях фигурирует в домашней работе и конь:

«— Ну, бери, дурак, запрягай коней, едь у лес и руби хворосту» (РНСКК: 171).

Чаще всего конь встречается в сказочных текстах про богатырей, где это животное является неотъемлемой частью образа героя, его другом и помощником:

«Конь, увидя молодца-богатыря, ударил копытами о землю и произнес человеческим голосом: “Вот когда нашелся мне хозяин”» (Фольклор: 83).

«Приходит Незнайка к коню, а тот говорит: “Что ты, друг не весел, что ты голову повесил?”» (РНСКК: 118).

О ценности этого животного говорит и тот факт, что в сказках положительному герою или героине, помимо прочего, его часто дарят:

«Он дал ему [старичок дурню] коня, доспехи и войско» (РНСКК: 51).

«Подарил он ей [медведь Маше] стадо лошадей и сундук добра» (РНСКК: 170).

Характеристика лексем конь и лошадь в сказках следующая: лошадь может быть живой (2), быстрой (1), красивой (1), палой (1), породистой (1), слабой (1), хорошей (1):

«Приходит мать домой, а сыновья нарядные и лавками торгуют; ворота тесовые, весь двор загорожен; лошади хорошие, конюшня новая» (РНСКК: 88).

Конь – верным другом (1), вороным (1), подходящим (1): «Сколько он конюшен не обходил, нигде не было подходящего коня» (Фольклор: 83).

В отличие от лошади, конь в курских сказках может иметь имя – Полкан-Полканыч или Сивка-Бурка (Сивка как вариант). Полкан в древнерусской мифологии – полуконь-получеловек из числа берегинь мужского рода. «До пояса он имел тело и сложение человеческое, а ниже пояса являл собою коня» [5: 505]. В сказке мы наблюдаем некую трансформацию мифического полуконя Полкана в коня Полкан-Полканыча, который так же, как и его прообраз, обладает удивительной силой:

«У царя был конь Полкан-Полканыч, съедал триста мер овса и выпивал сто ведер воды, делал семь верст одним шагом» (Фольклор: 85).

Сивка-Бурка также полуконь из числа берегинь, помогающих человеку. Он «владеет речью, дает советы, укоряет героя, если тот его не послушался, иногда выполняет за него задания, а то и спасает от смерти» [15: 91]. Сказка «Сивка-Бурка» известна давно. Курский вариант схож с общеизвестным, но имеет и свои особенности: Сивка-Бурка (или Сивка) здесь не говорит, но во всем помогает главному герою, который тоже обладает некоторой волшебной силой (грибы у него сами собираются, пока он добывает перстень царицы). Полное имя коня – Сивка-Бурка, вещая каурка, то есть он трехцветный: сивый (белый, серый), бурый (темно-рыжий) и каурый (огненно-рыжий). Как считают ученые, это намек на потустороннее происхождение коня [18: 308–309]. Прилагательное *вещий* (*вечный* в курском варианте) говорит о способности коня предвидеть будущее. Недаром он знает заранее, что будет нужно герою:

«Младший становится на опушке, как свистнет, как крикнет, как заркнет: “Сивка-Бурка, вечная каурка, стань передо мной, как лист перед травой”. Сивка как прилетел. Он в одно ухо влез, а в другое вылез красавец» (РНСКК: 156).

Еще одна частотная ядерная лексема *тройка*, которая, как нами уже отмечалось, в сказках употребляется только в значении ‘три лошади, запряженные рядом в один экипаж’ [МАС: 4: 414]. Тройка лошадей – это своеобразный национальный символ, олицетворяющий такие черты русского характера, как жизнерадостность, удаль, размах. Это с одной стороны. С другой стороны, иметь тройку лошадей мог только зажиточный человек, например помещик, что может служить и символом богатства. Первое значение в курских сказках выражено неярко, а при выявлении второго значения во многих случаях в контексте указывается именно помещик как владелец тройки:

«Вдруг он видит летит тройка, поднимая пыль столбом» (РНСКК: 61).

«Жена сейчас же поведала ему о том, что приходил какой-то дурак и пригласил на свадьбу нашу Пеструшку с поросятами, и что она приказала запрячь тройку и отправила свинку на свадьбу. Возмущенный помещик сказал, что дурней своей жены он еще не встречал, и отправился в погоню на той тройке, на которой вернулся из города» (РНСКК: 150).

Остальные лексемы из ядра рассматриваемого концепта являются синонимами самых частотных слов конь и лошадь. Об этом говорят словари, и это подтверждают тексты сказок. Так, лексема *жеребец* толкуется как ‘самец лошади’, *жеребенок* – ‘детеныш лошади’ [МАС: 1: 448], а *жеребеночек* – ‘уменьш.-ласк. к слову жеребенок’ [БАС: 4: 48]:

«Жил-был мужик, было у него семь овец, **жеребец**, собака Жучка да дочка Катерина» (РНСКК: 112).

«Была у купца породистая лошадь, а **жеребеночку** ее и месяца еще не исполнилось» (РНСКК: 51).

Однокоренные слова *конёк* и *конишко* – семантико-стилистические синонимы лексемы *конь*. Слово *конёк* в словаре толкуется как ‘уменьш.-ласк. к *конь*’ [МАС: 2: 88] и встречается только в сказке «Незнайка», при чтении которой возникает стойкая ассоциация с коньком-горбунком – еще одним сказочным героем, который внешне очень невзрачен, но говорит человеческим голосом и обладает необычайной силой. Словарная помета здесь оправдана:

«Вот встречает мальчика **конёк** и говорит ему: “Ты помойся, а рубаху старую надень, а новую над огнем поддержи”» (РНСКК: 117).

Лексема *конишко* толкуется как ‘уничужит. к *конь*’ [БАС: 5: 650] и тоже встречается только в одной сказке – «Митрошка». Конишко здесь является помощником главного героя. Его полное имя – *конишко-широкий лобишко* – сопровождается несогласованным определением *верный друг*, и ничего уничижительного здесь нет: «Но тут на помощь ему пришел верный друг **конишко-широкий лобишко**» (РНСКК: 12).

Однокоренные лексемы *кобыла* – ‘взрослая лошадь-самка’, *кобылица* ‘то же, что *кобыла*’ и *кобылка* ‘уменьш.-ласк. к *кобыла*’ [БАС: 5: 546–547] являются полными (*кобыла*) или стилистическими (*кобылица*, *кобылка*) синонимами лексемы *лошадь*:

«Решила она пойти в работники к помещику, у помещика ожеребилась **кобыла**» (РНСКК: 22).

«Дождя двенадцати часов ночи, вышла Елена, он ее украл и сам сел на **кобылицу** и ускакал» (Фольклор: 87).

«Старуха свекровь еще в силе была, и ребята помогали, так и вырастили они **кобылку**, красивой которой и не было в округе» (РНСКК: 52).

Рассматривая лексемы ближней периферии, можно заметить, что наименования конской масти в сказочных текстах не отличаются разнообразием и частотностью. Прилагательное *сивый*, толкующееся в словарях как ‘серовато-сизый, пепельно-серый (о масти лошади)’ [МАС: 4: 89], в одном случае синтагматически связано с ядерной лексемой *жеребец*, а в двух других примерах выступает синонимом лексемы *лошадь*:

«Пришел волк под двор и воет: “А у дедушки, а у бабушки пять овец, и **сивый** жеребец, и курочка ряба, и телушечка-сестра”» (РНСКК: 13).

«“Чего плачешь, **сивая?**” – спросила она лошадь» (РНСКК: 34).

«“– Не горюй, **сивая!**” – успокаивает ее ворона» (РНСКК: 34).

Лексема *вороной* ‘черный (о масти лошади)’ [МАС: 1: 212] встретила лишь однажды в характеристике конька, хотя в других фольклорных произведениях, в частности в русских народных песнях, собранных на территории Курского края, является частотной [11: 53]: «Не было у них ничего, один **конёк вороной**» (РНСКК: 134).

Большинство лексем ближней периферии называют части лошади – мясо, копыто, шкура, голова, грива, хвост и т. д. В древности коня / лошадь часто приносили в жертву. «По археологическим данным, конь <...> был главным жертвенным животным на похоронах, проводником на “тот свет”»⁹ [СД: 3: 583]. В сказке мы видим отголоски этого обряда, когда герой убивает лошадь, данную ему царем, а ее мясо скармливает птицам, будто задабривая потусторонние силы. Из шкуры лошади делает шатер и дожидается в нем своих соперников:

«Дернул [лошадь] за **хвост**, снял **шкуру**, а **мясо** выбросил: “Вороны и галки, царь **мясо** прислал!”. Сделал себе шатер из **шкуры**. Сивку-Бурку призвал к себе. Едут бояре...» (РНСКК: 158).

Некоторые из лексем ближней периферии входят в состав описательных конструкций, демонстрирующих красоту и волшебную силу коня / лошади. Часто именно в гриве скрыта волшебная сила этого животного:

«**Копыты** обиты жемчугом, **грива** блестит, словно золото» (Фольклор: 83).

«Выдерни сейчас из **гривы** три **волосика**. Выдернул Иван и сразу к нему бежит кобыла богатыря. Из рта пламя, из-под **копыт** огонь» (Фольклор: 86).

Лошадиная сбруя и утварь как часть ближней периферии в рассматриваемом контексте представлены тремя лексемами – *хомут*, *подкова* и *седло*. Их наличие подтверждает ранее высказанную мысль о функционально-ориентированном взгляде человека на лошадь – без этих элементов упряжи ее не запрячь и не сесть верхом, не начать работы:

«Видят: мужик на ворота **хомут** повесил, погоняет лошадь по двору, чтобы та сама в **хомут** запряглась» (РНСКК: 137).

«Вскочил тут Иван в **седло** и поскакал» (РНСКК: 53).

«Вин **подковы** ковал-перековывал, всем он сказки гуторил-пересказывал» (РНСКК: 10).

В ближнюю периферию мы включили существительное *конюшня* – место, где содержатся лошади; а также различные глаголы, семантика которых указывает на тесную связь с конем / лошадью: *запрячь* – *выпрячь*, то есть прикрепить посредством упряжи к экипажу или к какому-либо орудию лошадь или, наоборот, осво-

бодить от упряжи; *седлать* – *оседлать*: надевать или надеть седло на спину лошади; *ожеребиться* – родить жеребенка. Эту связь подтверждает и контекст:

«Сын услышал про все это, стал ходить по **конюшням** выбирать себе коня» (Фольклор: 83).

«Барин приказал кучеру **запрячь лошадь**, уложить свинью с поросятами и отдать мужику» (РНСКК: 62).

«Натянули сапоги, **оседлали коней**» (РНСКК: 116).

«Решила она пойти в работники к помещику, у помещика **ожеребилась кобыла**» (РНСКК: 22).

Последняя группа ближней периферии содержит лексему, номинирующую лицо, ухаживающее за конями / лошадьми, – *конюх*. Это ‘работник, занятый уходом за лошадьми’ [БАС: 5: 691]. Такая репрезентация лексемы подтверждается и текстом:

«Поставила вдова вместо подписи три креста (грамоте тогда крестьян-то не учили), приняла у **конюха** жеребеночка из полы в полу и побрела домой» (РНСКК: 52).

Лексемы, представляющие дальнюю периферию, могут вызвать сомнения по поводу их связи с концептом «конь / лошадь», поэтому рассмотрим их подробнее и докажем, что такое отнесение было правомерным.

Все эти слова мы разделили на три группы. В первую вошли лексемы, номинирующие действия (*пахать*, *ковать-перековывать*, *пастись*) и явления с участием коня (*пашня*, *погоня*). Самое частотное слово группы – *пахать* – в словаре толкуется как ‘взрыхлять землю для посева’, а далее в словарной статье уточняется – ‘о животных, с помощью которых пользуются орудиями для вспашки’ [БАС: 9: 162]. На первом месте среди таких животных находится лошадь. В текстах курских сказок такое действие выполняется только этим животным:

«Пришли в поле, стали **пахать** по очереди, сначала старший. **Пахал**, **пахал**, уморился, говорит среднему: “**Попаши ты**, чтобы мы боле **напахали**”. Средний **пахал**, **пахал**, уморился, зовет меньшего. Вот он **пахал**, **пахал**, а лошадь в борозде упала и издохла» (РНСКК: 95).

С глаголом *пахать* тесно связано однокоренное с ним существительное *пашня*, которое в сказках употребляется только в синтагматической связи с этим глаголом: «**Детки станут пашню пахать**, а я буду под окном сидеть да приказы давать» (РНСКК: 105).

Глагол *ковать*, входящий в состав сложного слова *ковать-перековывать*, в словаре лишь в 3-м значении имеет отношение к лошади – ‘подковывать лошадь’ [БАС: 5: 549]. Этот глагол в рассматриваемом контексте опосредованно связан с лексемой *конь* через существительное ближней

периферии *подкова*, что обусловило его включение в состав концепта: «**Вин подковы ковал-перековывал**, всем он сказки гуторил-пересказывал» (РНСКК: 10).

Глагол *пастись* в значении ‘быть на подножном корму (о скоте, птице и т. п.)’ в рассматриваемых сказках имеет отношение только к коню: «**Нашел он тогда поляну, сел под дубом, коня пустил пастись и хотел отдохнуть**» (Фольклор: 81).

Слово *погоня* ‘преследование с целью поимки бежавшего или ушедшего’ [БАС: 10: 97] по значению также далеко от лексемы *конь*, но в нашем контексте эта операция осуществляется именно при помощи коня: «**Царь в погоню послал своего Полкан-Полканыча, но он его не догнал**» (Фольклор: 87).

Вторая группа дальней периферии содержит лексему, номинирующую лицо, чья деятельность связана с конями / лошадьми, – *извозчик* (‘кучер наемного экипажа, повозки; возница’ [БАС: 5: 67]). Здесь нет прямого указания на связь с рассматриваемым концептом, но если обратиться к толкованию лексемы *кучер*, то можно увидеть эту связь: ‘работник, правящий лошадьми, запряженными в экипаж, возница’ [БАС: 5: 959]: «**Ребенок начал кричать, ехали извозчики-мужику и подобрали этого ребенка**» (СКК: 110).

О том, что конь / лошадь часто используется для перевозки людей, мы упоминали ранее. Люди ездили не только верхом, но и запрягали лошадь в различные средства передвижения. Последняя, третья, группа дальней периферии включает в себя лексемы, репрезентирующие встретившийся в сказках конный транспорт: *карету*, *сани*, *телегу*, *шарабан*.

Существительное *карета* в словаре толкуется как ‘закрытый со всех сторон четырехколесный конный экипаж на рессорах’ [БАС: 5: 412]. Надо отметить, что это наиболее удобное и дорогое средство передвижения, поэтому в сказках карета часто становится показателем богатства и знатности: «**Не послушала царя царица, послала охотнику платье царское и карету**» (РНСКК: 80).

Сани и телега – наиболее привычные для деревенского быта сезонные транспортные средства, на которых перевозили не только людей, но и различные грузы – дрова, сено и т. д. Если *сани* – это ‘зимняя повозка на полозьях’ [БАС: 13: 79], назначение которой в словаре не уточняется, то *телега* толкуется как ‘крестьянская четырехколесная повозка с низким кузовом и оглобелной или дышловой упряжкой, служащая обычно для перевозки грузов’ [БАС: 15: 105]. В рассматриваемых нами сказках сани в основном служат в качестве средства передвижения, а телега

оправдывает свое словарное значение и используется как повозка для перевозки грузов:

«Завернул муж ее в солому, положил в *сани* и повез» (РНСКК: 141).

«Взял он с батраком взвалили этот короб на *телегу* и повезли по большой дороге» (РНСКК: 124).

Еще одно средство передвижения – шарабан. Эта лексема имеет два значения: ‘старинный открытый четырехколесный экипаж с поперечными сидениями в несколько рядов’ и ‘легкий одноконный двухколесный экипаж на высоких колесах’ [БАС: 17: 640]. Слово *шарабан* встретилось лишь в сказке «Марина и Грицко», и по контексту можно предположить, что в первом значении, так как везла шарабан тройка лошадей: «Ну, отслужил Иван, едет домой и по дороге встречается тройка. На ней никого нет, один *шарабан*» (РНСКК: 134).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы. По данным словарей, лексемы *конь* и *лошадь* являются синонимами, которые допускают толкование одной лексемы через другую, но при этом имеют некоторые семантические различия: слово *конь* обозначает животное, которое является другом, помощ-

ником, спасителем героя-богатыря, в лексеме *лошадь* самой яркой является сема «рабочее животное», без которого человек не мыслил свое существование. Лошадь была незаменимым помощником в сельском хозяйстве: перевозила людей и грузы, пахала землю и т. д. Выявление ядра рассматриваемого концепта, основу которого составили полные и стилистические синонимы, а также его ближней и дальней периферии, в состав которых вошли наименования масти, частей тела, сбруи, утвари, помещения, лица, ухаживающего за конями / лошадьми, действий, связанных с конем / лошастью, и т. д., подтвердило все это. Несмотря на различия в деталях, построении, языке, большинство русских сказок

«отражают историю единого народа и характер русского человека, который, несмотря на место его проживания, несет в себе историю, традиции, ценностные ориентации и своеобразие народного творчества» [13: 13].

В результате можно предположить, что концепт «конь / лошадь», исследованный на примере курских сказок, занимает важное место в языковой картине мира русского народа. Перспективы дальнейшего исследования видятся нам в сопоставительном анализе рассматриваемого концепта в различных фольклорных текстах (песнях, сказках, частушках и др.).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
- 2 Фольклор. Частушки, песни, сказки, записанные в Курской области: Сборник произведений народного творчества / Под ред. А. Аристовой и М. Павлова. Курск: Курское областное изд-во, 1939. 88 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием: Фольклор и страницы в круглых скобках.
- 3 Русские народные сказки Курского края. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2023. 217 с. Далее цитируется по этому изданию с указанием: РНСКК и страницы в круглых скобках.
- 4 МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1957–1961. Т. 1–4.
- 5 Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
- 6 Там же.
- 7 Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1999. Т. I. 623 с.
- 8 БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.; Л.: Наука, 1948–1964. Т. 1–17.
- 9 СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
2. Бекмурзаева Ф. Ш. Мотивирующие признаки концептов *horse* и *лошадь* / *конь* в кросскультурных концептуальных картинах мира // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21, № 2. С. 488–495.
3. Булатникова Е. Н. Семантический потенциал слова *лошадь* в современном русском языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2004 г.): Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 161–162.
4. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.

5. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Русские легенды и предания. М.: Эксмо, 2006. 672 с.
6. Дьяченко Ю. А. Концепт «подарок» в русских частушках // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 3 (50). С. 58–67 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5000 (дата обращения 20.09.2024).
7. Елизарова Г. С. Фольклорная картина мира как часть национальной картины мира // Филология, языкознание, дидактика: теория и методика исследований: Сб. науч. трудов. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2010. С. 51–58.
8. Епатко Т. А. Лексическая репрезентация концепта КОНЬ в этимологических и толковых словарях русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 3. С. 213–217.
9. Ермакова Е. Н., Файзуллина Г. Ч. Анималистические фразеологизмы с компонентом *лошадь* как система образных эталонов в русском и татарском языках // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2016. № 10. С. 164–168.
10. Илюхина Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М.: Флинта: Наука, 2010. 320 с.
11. Климас И. С. *Ой, кто ж у нас на вороном коне* («конь» в курских фольклорных текстах) // Курское слово. 2010. № 7. С. 52–56.
12. Константинова С. К. Лексема *конь* в курской сказке // Лингвофольклористика. 2023. Вып. 37. С. 117–123.
13. Корженко О. М. Южнорусские и севернорусские сказки как отражение региональных особенностей традиционной культуры // Интерактивная наука. 2018. № 8 (30). С. 13–15.
14. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
15. Жельская Т. В. Русская волшебная сказка «Сивко-Бурко» в контексте археологии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6, № 2 (62). С. 87–93.
16. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 226 с.
17. Праведников С. П. Лексикографический комплекс фольклорных текстов: Сказки Курского края. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2019–2020. Т. 1–3.
18. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Русский героический эпос. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 1168 с.
19. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М.: Флинта: Наука, 2008. 176 с.

Поступила в редакцию 04.10.2024; принята к публикации 31.01.2025

Original article

Yulia A. Dyachenko, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Kursk State University (Kursk, Russian Federation)
ORCID 0009-0002-6471-2798; julytsch@yandex.ru

Sergey P. Pravednikov, Dr. Sc. (Philology), Professor, Kursk State University (Kursk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9900-0876; spprav618@mail.ru

Artem E. Kovalev, Postgraduate Student, Assistant, Kursk State University (Kursk, Russian Federation)
artem_kovalev_221b@mail.ru

THE CONCEPT OF THE STEED/HORSE IN KURSK FOLK TALES

Abstract. The purpose of this study is to analyze the semantic content of the concept of the steed/horse (in Russ. *kon' /loshad'*) using the materials of folklore texts. The empirical basis of the study comprises Russian folk tales collected on the territory of the Kursk region. Descriptive, taxonomic, and comparative methods were used for this study, as well as methods of quantitative, contextual, dominant, linguocultural analysis and concordance compression techniques. The relevance of the research stems from the ongoing exploration of the linguistic worldview of the Russian people presented in folklore (fairy-tale) texts and reflecting their worldview. Fairy tale is one of the favorite folk genres, which was the main reason for choosing the material for analysis. The horse has always been one of the most revered animals. It was considered a symbol of wisdom, fertility, courage, the passage of time, and power. The core and periphery (near and far) of the concept of the steed/horse were established in the course of study. The analysis was carried out based on etymological and explanatory dictionaries. The findings suggest that the lexemes “steed” and “horse” are synonyms that allow one lexeme to be interpreted through another but have some semantic differences – the word “steed” means an animal that is an integral part of the image of a bogatyr hero, his assistant, savior, and friend, while the key sense of the word “horse” is “working animal”, an indispensable assistant of people who worked land for a living. Thus, it can be concluded that the concept of steed/horse is an integral part of the consciousness and worldview of the Russian people.

Key words: steed/horse, concept, symbol, text, fairy tale

For citation: Dyachenko, Yu. A., Pravednikov, S. P., Kovalev, A. E. The concept of the steed/horse in Kursk folk tales. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1156

REFERENCES

1. Anthology of concepts. (V. I. Karasik, I. A. Sternin, Eds.). Volgograd, 2005. Vol. 1. 352 p. (In Russ.)
2. Bekmurzaeva, F. Sh. Motivating signs of the concepts “horse” and “loshad’/kon” in cross-cultural conceptual worldviews. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2019;21(2):488–495. (In Russ.)
3. Bulatnikova, E. N. The semantic potential of the word *horse* in the modern Russian language. *The Russian language: historical destinies and modernity: the II International Congress of Researchers of the Russian Language (Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, 18–21 March 2004): Proceedings and materials*. Moscow, 2004. P. 161–162. (In Russ.)
4. Vorkachev, S. G. Linguoculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*. 2001;1:64–72. (In Russ.)
5. Grushko, E. A., Medvedev, Yu. M. Russian legends and tales. Moscow, 2006. 672 p. (In Russ.)
6. Dyachenko, Yu. A. The concept of “gift” in Russian chastushka. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2023;3(50):58–67. Available at: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/5000 (accessed 29.08.2024) (In Russ.)
7. Elizarova, G. S. Folklore worldview as part of the national worldview. *Philology, linguistics, didactics: theory and methodology of research: Collection of articles*. Ekaterinburg, 2010. P. 51–58. (In Russ.)
8. Epatko, T. A. Lexical representation of the concept КОНИ (HORSE) in etymological and explanatory dictionaries of the Russian language. *Philology. Theory & Practice*. 2019;12(3):213–217. (In Russ.)
9. Ermakova, E. N., Faizullina, G. Ch. Animalistic phrases with the component “horse” shaped as a system standards in the Russian and Tatar languages. *Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2016;(10):164–168. (In Russ.)
10. Ilukhina, N. A. Metaphorical image in semasiological interpretation. Moscow, 2010. 320 p. (In Russ.)
11. Klimas, I. S. *Look, who’s sitting on a black horse* (“horse” in Kursk folklore texts). *Kurskoe slovo*. 2010;7:52–56. (In Russ.)
12. Konstantinova, S. K. The lexeme “horse” in Kursk fairy tales. *Lingvofolkloristika*. 2023;37:117–123. (In Russ.)
13. Korzhenko, O. M. South Russian and North Russian tales as a reflection of regional peculiarities of traditional culture. *Interactive Science*. 2018;8(30):13–15. (In Russ.)
14. Kubryakova, E. S. Of cognitive science guidelines and vital problems of cognitive linguistics. *Issues of cognitive linguistics*. 2004;1:6–17. (In Russ.)
15. Mzhelskaya, T. V. The Russian fairy-tale “Sivko-Bourko” in the context of archaeology. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015;6(62):87–93. (In Russ.)
16. Popova, Z. D., Sternin, I. A. Cognitive linguistics. Moscow, 2007. 226 p. (In Russ.)
17. Pravednikov, S. P. Lexicographic complex of folklore texts: Fairy tales of the Kursk region. Kursk, 2019–2020. Vols. 1–3. (In Russ.)
18. Propp, V. Ya. The morphology of fairy tale. The historical roots of fairy tale. Russian heroic epic. St. Petersburg, 2022. 1168 p. (In Russ.)
19. Prokhorov, Yu. E. In search of a concept. Moscow, 2008. 176 p. (In Russ.)

Received: 4 October 2024; accepted: 31 January 2025

ЛЮДМИЛА ГЕОРГИЕВНА СМИРНОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка
Смоленский государственный университет
(Смоленск, Российская Федерация)
naksemit@gmail.com

ВОПРОС О ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В СВЕТЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ А. А. ШАХМАТОВА

Аннотация. Рассматривается работа А. А. Шахматова «Учение о частях речи» в плане отражения в ней оценочного потенциала форм и морфологических категорий слов разных частей речи. При описании грамматических классов слов Шахматов исходил из особенностей синтаксического функционирования морфологических единиц. При этом он указывал на возможность использования отдельных граммем в речи с целью выражения сильных чувств, аффекта говорящего. Приводимые Шахматовым примеры демонстрируют характер оценочного сигнала, обращенного к адресату сообщения. В качестве самых ярких средств выражения аффекта говорящего ученый указал суффиксы, различные грамматические категории существительного и глагола. Актуальность данной статьи объясняется желанием по-новому взглянуть на грамматическое наследие Шахматова, выделить те положения его научных трудов, которые в определенном смысле опередили время и способствовали развитию новых лингвистических направлений. Исследования Шахматова предвосхищали прагматическое направление развития лингвистики, функциональный аспект рассмотрения морфологических единиц. Наблюдения Шахматова уточняют номенклатуру грамматических средств выражения языковой оценки. Рассмотрение структуры функционально-семантического поля оценочности, анализ иерархических отношений его конститuentов являются важной теоретической и практической задачей современной лингвистики.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, «Учение о частях речи», языковая оценка, грамматические средства выражения оценки, аффект говорящего

Для цитирования: Смирнова Л. Г. Вопрос о грамматических средствах выражения оценки в свете синтаксических исследований А. А. Шахматова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 17–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1157

ВВЕДЕНИЕ

А. А. Шахматов обратился к синтаксическим исследованиям современного русского языка, как известно, в последний период своей научной деятельности, многие его работы в этом направлении так и остались незавершенными. Тем не менее они сохраняют важность и сегодня. Причиной этого является не только особая тщательность и скрупулезность исследователя в описании грамматических единиц языка, но и необычный, «шахматовский» взгляд на взаимодействие морфологического и синтаксического уровней языка, на функционирование частей речи и их форм, на связь грамматических, прагматических и стилистических параметров отдельных граммем. Рассуждения Шахматова, его тонкие наблюдения предвосхищают многие современные открытия в области прагматического использования отдельных грамматических

единиц, в частности грамматических средств выражения языковой оценки. Поэтому обращение к наследию выдающегося лингвиста является сегодня крайне актуальным. Общее понимание Шахматовым грамматики как структуры, оформляющей речевые намерения говорящего и уточняющей характер его прагматического сигнала, определяет новый ракурс в изучении как морфологии, так и синтаксиса.

Особенно интересной в этом плане представляется работа А. А. Шахматова «Учение о частях речи» (фрагмент его труда «Синтаксис русского языка» [10]), на базе которой написана данная статья.

* * *

Анализируя работу Шахматова о частях речи, включенную в «Синтаксис русского языка», академик В. В. Виноградов отмечал изменение в традиционном объекте исследования:

«Объем и границы синтаксиса в понимании А. А. Шахматова оказались очень широкими, А. А. Шахматов включил в синтаксис учение о частях речи, относимое им раньше к морфологии» [3: 7].

Исходным положением учения Шахматова о частях речи является следующее: «...категория грамматическая познается в синтаксисе» [10: 29]. Анализ знаменательных и служебных частей речи дается ученым в синтаксическом аспекте, при этом делается акцент не только на разнообразии грамматических форм, широком наборе грамматических категорий, присущих отдельным частям речи, но и на специфике функционирования различных грамматических форм в речи. Кроме того, Шахматов писал не только о функциональных различиях частей речи, но и об их семантическом (семасиологическом) разграничении:

«В предыдущем выяснены синтаксические основания различия частей речи. Но имеются и более глубокие основания для такого различия – основания семасиологические. Различию частей речи соответствует различная природа наших представлений» [10: 36].

Важными для Шахматова являются особенности употребления различных грамматических форм, обусловленные отношением говорящего к содержанию сообщения, его речевыми интенциями, по существу, это те компоненты высказывания, которые современная лингвистика называет прагматическими. Так, ученый отмечает:

«Грамматические значения, совмещающиеся со значениями реальными, можно назвать сопутствующими значениями. Сопутствующие значения могут основываться частью на явлениях, данных в внешнем мире <...>. Частью же сопутствующие значения основываются на субъективном отношении говорящего лица к определяемому им явлению...» [10: 40–41].

Подобный «синтаксический ракурс» рассмотрения морфологических форм и категорий позволяет выявить прагматический аспект использования говорящим собственно грамматических форм. Для обозначения прагматических характеристик высказывания, включающего ту или иную грамматическую форму, Шахматов в некоторых случаях использует термин «аффект» говорящего:

«Уменьшительные суффиксы нередко употребляются для выражения того или иного аффекта, сопровождающего произнесение всей фразы. *Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко!* Гроза, 1» [10: 62]; «Равным образом не получает особого морфологического выражения восклицательное наклонение, при ко-

тором говорящий выражает свое утверждение или отрицание в такой форме, которая, отодвигая на задний план содержание сказанного, выдвигает вперед чувство, аффект говорящего» [10: 100].

«Аффект» по Шахматову – это сильные чувства автора высказывания, его эмотивно-оценочное отношение к предмету речи. Если говорить о лингвистических категориях, реализуемых в соответствующих высказываниях, то это экспрессивность, эмотивность и оценочность. Показательно, что термин «аффектив» в отношении слов с оценочным компонентом значения использовала в своих работах Е. М. Вольф, внесшая значительный вклад в изучение языковой оценки [4].

Приводя многочисленные примеры «аффективных» высказываний, Шахматов не говорил прямо о намерениях говорящего передавать адресату сообщения именно *оценочный* сигнал («отнесись хорошо» или «отнесись плохо»), однако сами примеры наглядно свидетельствуют о наличии языковой оценки, передаваемой той или иной грамматической формой, причем характер оценки обычно поддерживается семантикой лексем. Например, приводимые Шахматовым глаголы с суффиксом *-ну* (как совершенного вида «однократного подвида», так и несовершенного вида) включают преимущественно отрицательную оценку (часто в переносном значении): *стукнуть, пугнуть, кинуть, тронуть, вильнуть, полоснуть, ругнуть, сунуть, крикнуть*; но *тонуть, тянуть, сохнуть, вянуть, льнуть, киснуть, пухнуть* и т. д. [10: 90]. В другом случае глаголы несовершенного вида с приставкой *по-* и суффиксом *-ива*, характеризующие Шахматовым как «определятельный подвид несоверш. вида», включают положительные коннотации: *«мы только посматриваем, мы только покручиваем свои усы, мы похаживаем и постукиваем каблучками»* [10: 89–90].

Самый яркий пример связи грамматики и оценочной семантики – это выделение грамматических категорий, непосредственно связанных с оценкой. Так, Шахматов выделяет у существительного особую категорию – «кате­го­рию субъективной оценки»:

«Эта категория обнаруживается не морфологически, как прочие выше рассмотренные категории, а путем словообразовательных суффиксов, дающих основание различать слова со значением увеличительным, уменьшительным, ласкательным, пренебрежительным» [10: 61].

Сходные категории наличествуют у прилагательного и наречия. Интересным представляется

наблюдение А. А. Шахматова, когда он вслед за А. А. Потемной писал о специфической «синтаксичности» морфем, выражающейся в их текстовой координации:

«...как отмечено Потемной, уменьшительные и ласкательные суффиксы имен могут влиять на форму согласующихся с ними прилагательных, которые принимают соответствующие уменьшительные или ласкательные формы: *маленький кусочек, сыночек, добренькая старушка, уютненькое местечко, беленький платочек, чистенькая рубашечка*; таким образом, эти суффиксы становятся сами синтаксическими факторами, что указывает и на их синтаксическую природу.

Приведу несколько примеров. *Мне на спорщицу-жещицу, Купить добрую плетицу, Нахрестать ее спинуцу*. Аблес. Мельн. II, 13; *Ты и не напялишь его на свои окажные плечица*. Кап. д. II» [10: 61].

Подобная интерпретация «синтаксической природы» морфем дала основание В. В. Виноградову критиковать Шахматова за то, что тот, нарушая традиционную субординацию в рассмотрении языковых единиц, «вовлекал» не только морфологию, но и морфемистику в синтаксис [3: 12]. Однако в данном случае точка зрения Шахматова представляется интересной и перспективной, поскольку в русском языке субъективно-оценочные уменьшительные и увеличительные формы существительных (диминутивы и аугментативы) образуются достаточно регулярно, они стилистически маркированы как разговорные и просторечные, причем их грамматический контекст является соответствующим (в частности, подобные дериваты функционируют в синтаксических фразеологизированных структурах: «*Легко-ли-деньжищи какие*. Ib. IV» [10: 61]).

Согласно наблюдениям многих исследователей языковой оценки, морфемы как средство выражения оценочного прагматического сигнала (аффекта) говорящего являются важнейшим ресурсом (прежде всего в формах существительных). Одним из таких ярких средств выступают суффиксы со значением лица. У Шахматова читаем:

«Противоположение слов, означающих лиц муж. и женск. полу, обнаруживается и в различных словообразовательных суффиксах. Так, с суффиксами *-арь, -ец, -ин, -ун* связываются представления о лицах муж. полу, с суффиксами же *-арка, -ица, -иха, -унья* представления о лицах женского полу, например: *старостиха, учительница, ученица*. – *И разумеется, большие говорил с дочерью, чем с управляющим и управляющей*. Что делать?» [10: 58].

Если даже в некоторых приведенных исследователем контекстах номинации лиц вполне нейтральны, оценочный потенциал их велик. По нашим наблюдениям, в современном языке

используется большое количество оценочных словообразовательных дериватов, включающих суффиксы со значением лица, число их постоянно пополняется. Так, оценочную маркированность и стилистическую окрашенность дериватов создают следующие суффиксы:

-тель (прихлебатель, соглашатель, гонитель); -льник (молчальник, висельник); -ец (лжеец, делец, льстец, сорванец, убивец); -ач (рвач, трепач, толкач, ловкач, лихач); -ун (ворчун, молчун, врун, едун, ездун); -ок (недоросток, недоносок, выродок); -аль (враль); -лк(а) (зубрилка, мазилка); -л(а) (ловчила, приставала, поддавала, воротила, зубрила); -ушк(а) (вертушка, болтушка, врушка, резвушка, дурнушка, простушка); -аг(а) (работяга, трудяга, бродяга, доходяга, дяляга); -ак(а) (зевака, кривляка, ломака, служака, вояка); -ух(а) (вековуха, потаскуха, стрекотуха, толстуха, грязнуха) и др.

Список приведенных суффиксов является далеко не полным. Чаще всего подобные морфемы эксплицируют отрицательную оценку.

Приведенные примеры демонстрируют тот факт, что суффиксы могут указывать на лицо мужского пола, относиться к лицу женского пола или маркировать существительные общего рода. Употребление существительных с суффиксами субъективной оценки – «*печеньки Нуланд*», *печалька, ответочка, повесточка* – является сегодня признаком «модного» публицистического или сетевого дискурса.

Справедливым представляется заключение Шахматова о том, что наибольшими возможностями для выражения экспрессивного, оценочного отношения говорящего к предмету речи в конкретном высказывании обладает существительное:

«Нижеследующие грамматические категории обнаруживаются в существительных морфологически, синтаксически, далее посредством словообразовательных суффиксов и интонации: число, конкретность и абстрактность, единственность и множественность, единичность, считаемость, парность, совокупность, одушевленность и неодушевленность, род, бытие или наличность, увеличительность, уменьшительность, ласкательность, пренебрежительность» [10: 44].

Отметим, что многие названные категории существительного (прежде всего, конечно, «ласкательность» и «пренебрежительность») связаны с выражением оценки, и средства ее выражения могут быть «морфологическими, синтаксическими, словообразовательными и интонационными», то есть определяющими прагматическую окраску высказывания.

Весьма проникательным является заключение Шахматова о субстантивации как приеме надления слов и выражений особой значимостью, при этом многие субстантивированные единицы получают оценочные коннотации. Примеры, при-

водимые Шахматовым, наглядно свидетельствуют об этом:

«Это “хорошо” Марья Николаевна уже с намерением выговорила совсем по-мещанскому – вот так: хорошо. Вешн. воды, XXXV; <...> Осмотритесь: ведь вас на фуфу поднимают! Св. Креч. III, 5; <...> На этом “просто дурак” сошлись все, даже и те, которые отвергали, что он застрелился. Что делать? Пред. I» [10: 65].

Оценочный компонент часто содержит однословное приложение, особенно в стилистически маркированных народно-поэтических словосочетаниях:

«У кого – праздник-ликованье, а у кого горе-гореванье. Е. Карпов, Зарево; Вон! Змеёныш..., я тебя вскормил от пота-крови. Мещане, IV; <...> Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Гроза, V» [10: 66].

Некоторые шахматовские примеры демонстрируют феномен потенциальной оценки, присущей отдельным лексемам. Так, потенциальную положительную оценку включает при абстрагировании значения лексема *люди*: «...люди давно отпахались, а он все еще почесывается; если не веришь, спроси у людей; люди его научат» [10: 66–67].

Выделяя существительное как часть речи, в наибольшей степени способную передать аффект говорящего, Шахматов отмечает также «аффективный потенциал» глагольных категорий. Так, ученый пишет о том, что в отдельных случаях «сопутствующее значение» категории лица, числа передает оценочный сигнал говорящего:

«Категория 2-го лица в сочувственных обращениях. В обращениях вместо 2-го лица единств. говорящий может употребить формы 1-го лица множ. числа. Здесь, кажется, подражание французскому. *Мы плачем? Мы ушиблись?*» [10: 74]; «Если говорящий говорит о лице, заслуживающем, по его мнению, особого уважения, выше его поставленного, то в народной речи допускается обнаружение ее в формах множ. числа. *Барин еще не приходили. Мамаши чувствуют себя нехорошо*» [10: 74].

Примеры Шахматова дают основания для обнаружения положительных коннотаций в формах «усилительных подвидов» несовершенного и совершенного вида:

«Несоверш. вид посредством повторения слова: *он сидит себе и сидит: он кричит, кричит, а толку всё нет; он кричать-кричать*, также посредством соединения *дай, дай, айда, ну, и* с инфинитивом: *он и плясать, он и ну скакать, он ну просить, он и дайвай плясать*» [10: 90].

В формах наклонения к грамматическим способам выражения прагматики высказыва-

ния можно отнести и фразеологизированную синтаксическую структуру предложений:

«Желательное наклонение выражается, во-первых, посредством морфологического сослагательного наклонения: *не видели бы этого мои глазоньки, не провалился бы я тут, ушел бы он вовремя, повинился б; <...> попроситься бы к нему, сказать бы ему, не попасть бы вам впросак*; также в соединении с *если, как, как не, что: о если бы не родиться; как бы мне посмотреть на нее; что бы ему прийти; что бы ему оставить свой адрес*» [10: 102–103].

Важным представляется также замечание Шахматова о наличии общего прагматического функционала у разных грамматических форм:

«Категория повелительного наклонения обнаруживается морфологически в спрягаемых формах глагола, но остается не обнаруженной ни при инфинитиве (*молчать!*), ни при некоторых других глагольных формах (*пошел вон!*), ни также при междометии (*цыц! стоп!*). Как видно из предыдущего, ту или иную интонацию можно признать способом обнаружения грамматической категории» [10: 43].

В развитие этих мыслей Шахматова отметим тот факт, что грамматические признаки слов различных частей речи, несомненно, коррелируют с потенциальной возможностью подобных лексем выражать оценку. Так, морфологическое разнообразие глагола обуславливает наличие целого ряда коннотаций, связанных с определенными грамматическими формами и с теми синтаксическими конструкциями, в которых эти формы выступают. Например, с точки зрения выражения оценки весьма важной является форма императива, поскольку она непосредственно обозначает интенцию говорящего по отношению к адресату сообщения. Некоторые стилистически маркированные слова (разговорные, просторечные, жаргонные) содержат компонент оценки (в подавляющем числе случаев пейоративной) в форме повелительного наклонения: *вали, проваливай, отвянь, катись ты, пошел ты*. В последнем примере в функции повелительного наклонения используется форма изъявительного наклонения прошедшего времени. В других случаях экспрессивные нечленимые предложения оценочного характера в жаргонной речи включают формы инфинитива (*Офигеть!*; *Офонареть!*) или личные формы настоящего времени (*Я тащусь!*).

Коннотативный потенциал глагольных лексем может быть связан с категорией вида и с отнесенностью слов к лексико-грамматическим разрядам, называемым способами глагольного действия. Возможность употребления глагола в форме только одного вида часто обусловлена наличием семантической общности слов, причем семантика

лексемы может быть осложнена оценочным компонентом. Например, соответствующую коннотацию имеют некоторые группы неопределенных глаголов несовершенного вида. Так, лексемы, обозначающие эмоциональное отношение, могут включать как мелиоративную оценку (*боготворить, благоговеть, обожать, почитать, восхищаться, ценить*), так и пейоративную (*ненавидеть, презирать, гнушаться, недолюбливать*).

Работа А. А. Шахматова о частях речи содержит большое количество чрезвычайно интересных наблюдений, демонстрирующих возможности грамматических форм и категорий участвовать в создании прагматики высказывания, в передаче эмоционально-оценочных сигналов говорящего. Например, это наблюдения за особенностями оформления рода существительных, лица, вида и наклонения глаголов, типами междометий. Подобный ракурс рассмотрения грамматических форм и категорий получил последовательное развитие в современной лингвистике, в частности в изучении языковой оценки.

Говоря о современном состоянии этой области отечественного языкознания, следует отметить различные ракурсы рассмотрения анализируемого феномена: прежде всего это семантический, когнитивно-прагматический, функционально-грамматический аспекты. Одним из важных объектов изучения при этом являются грамматические способы передачи оценочного сигнала в речи, соединение грамматического и семантического факторов в создании оценочных суждений. Этим проблемам посвящены работы Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой, Т. В. Маркеловой, Г. А. Золотовой, В. В. Лопатина, И. И. Просвиркиной и многих других исследователей [2], [4], [5], [6], [8] и др. В частности, О. Н. Касторновой была проанализирована частеречная принадлежность слов, передающих оценочный прагматический сигнал¹. Рассматривая семантику оценки, Т. В. Маркелова особое внимание уделила именно грамматическим способам ее выражения в тексте, в том числе морфологическим формам и синтаксическим конструкциям².

Грамматические описания системы языка, появившиеся во второй половине XX века (например, Грамматика-80 [9]), стараются учесть функцию тех или иных грамматических единиц, в связи с чем указывают на возможность некоторых морфем, форм, типов синтаксических конструкций (то есть чисто формальных структур) создавать оценочную прагматику высказывания. В этом плане исследование Шахматова предвос-

хитило важное направление в функциональном анализе грамматических единиц языка.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Учение о частях речи» Шахматова, как и его работы по синтаксису современного русского языка, остались незаконченными. В свое время В. В. Виноградов подверг критике «смешение» собственно грамматических и функциональных характеристик разных частей речи, приведшее, по его мнению, к неоправданному нарушению общепринятых границ разделов языкознания:

«Стремясь расширить как можно больше объем и задачи синтаксиса, понимая синтаксис как “ту часть грамматики, которая рассматривает способы обнаружения мышления в слове”, А. А. Шахматов опустошает морфологию» [3: 23].

Однако, переместив акцент с формально-грамматического описания частеречных парадигм на функционально-прагматический аспект рассмотрения грамматических форм и категорий, Шахматов обозначил перспективу исследования различных способов передачи чувств и намерений (аффекта) говорящего.

Дальнейшее развитие идей Шахматова о синтаксическом ракурсе рассмотрения частей речи, об «аффективном» потенциале различных грамматических категорий может продвинуть исследование разноуровневых прагматических ресурсов воздействия говорящего на адресатов сообщения. Эта тема имеет в настоящее время не только теоретическое, но и важнейшее практическое значение. Сегодня, в эпоху существования различных дискурсивных практик, в атмосфере тотального воздействия рекламных текстов, в ситуации возрождения пропаганды как социальной практики, особую актуальность приобрело исследование языковых оценочных ресурсов как факторов воздействия на сознание реципиентов и манипуляции сознанием. Подобные ресурсы проще всего ранжировать и описать, используя методы полевой лингвистики. Языковые единицы, которые используются говорящим в процессе передачи адресату прагматических сигналов «отнесись хорошо» или «отнесись плохо», чрезвычайно разнообразны, они образуют широкое функциональное поле оценочности, включающее как лексические, так и грамматические компоненты. Поскольку оценочность как тип значения грамматикализуется все же весьма слабо, основой ее языковой экспликации является лексическая семантика. В центре ядерной зоны поля находятся общеоценочные слова, из которых наиболее значимыми в функциональном отноше-

нии являются лексические единицы, способные выступать в функции *предиката* (наречия-предикативы, существительные, прилагательные: *отлично, отменно, плохо, омерзительно, красота, отпад, кринж, прелестный, мерзотный* и др.). Состав общеоценочных слов постоянно обновляется, среди них много разговорных, просторечных и сленговых. В ядерной зоне поля располагаются также частнооценочные слова разной частеречной принадлежности (*милосердие, гуманность, опустошение, оргия, предатель, целесообразный, вредный, вдохновляюще, с кондачка, созидать, воровать* и др.) и фразеологические единицы (*на крыльях любви, с огоньком, развесить уши, когда рак на горе свистнет* и т. д.). Лексико-фразеологические конститuentы поля дополнены единицами других уровней языка.

В ядерной зоне поля находится конститuent, включающий морфемные средства выражения оценки, причем суффиксы находятся ближе к ядру поля, чем приставки. В ядерную зону входит также конститuent с суперсегментными фонетическими единицами (типы интонационных конструкций ИК-5 и ИК-7). Ближе к периферии поля расположен конститuent, объединяющий оценочно маркированные синтаксемы, а также стилистические средства выражения оценки (такие тропы, как сравнение, эпитет, метафора, ирония и др.). Некоторые фонетические и графические средства пере-

дачи оценочного отношения говорящего, а также грамеммы, которые, по существу, являлись предметом рассмотрения в работе Шахматова, следует отнести к периферии функционального поля оценочности. Отметим, что в русском языке зона отрицательной оценки значительно (почти трехкратно) превышает зону положительной оценки, хотя для конкретных языковых единиц это соотношение может быть различным. Н. Д. Арутюнова писала:

«...аномальные явления представлены несравненно более богато и разнообразно, чем нормативные. Язык склонен скорее обвинять человека, чем подчеркивать его соответствие норме» [2: 70].

Н. А. Лукьянова указывала на почти четырехкратное превосходство лексики с пейоративной коннотацией в разговорном дискурсе [7: 121]. Доминирование единиц, включающих негативную оценку, демонстрируют в основном приведенные в данной статье примеры из работы Шахматова «О частях речи».

Оригинальность научного подхода А. А. Шахматова, его необыкновенное чувство языка, лингвистическая эрудиция и скрупулезность в описании отдельных грамматических категорий и форм дают возможность современным исследователям расширить номенклатуру собственно грамматических средств, которые способны в пределах высказывания передавать оценочный прагматический сигнал говорящего.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Касторнова О. Н. Частеречный статус слов категории оценки в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2005. 201 с.
- ² Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 47 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
2. Арутюнова Н. Д. О стыде и совести // Логический анализ языка: языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 54–78.
3. Виноградов В. В. Учение акад. А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке // Из трудов А. А. Шахматова по русскому языку. М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1952. С. 3–26.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
5. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
6. Лопатин В. В. Оценка как объект грамматики // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. Виноградовские чтения XIX–XX. М.: Наука, 1992. С. 70–75.
7. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.
8. Просвиркина И. И. Языковые средства выражения оценки в современном дискурсе // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2020. № 2. С. 23–27. DOI: 10.12737/2587-9103-2020-23-27
9. Русская грамматика / АН СССР. Институт русского языка. Т. 1–2. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.; Т. 2. 709 с.
10. Шахматов А. А. Учение о частях речи // Из трудов А. А. Шахматова по русскому языку. М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1952. С. 29–138.

Поступила в редакцию 10.09.2024; принята к публикации 31.01.2025

Original article

Lyudmila G. Smirnova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation)
naksemit@gmail.com

THE QUESTION OF GRAMMATICAL MEANS FOR EXPRESSING EVALUATION IN THE LIGHT OF A. A. SHAKHMATOV'S SYNTACTIC RESEARCH

Abstract. This article examines A. A. Shakhmatov's work, *The Teaching About Parts of Speech*, focusing on how it reflects the evaluative potential inherent in the forms and morphological categories of various parts of speech. Shakhmatov drew his analysis of grammatical classes from the syntactic functions of morphological units. He also highlighted the ability of specific gramemes to convey intense emotions and the speaker's affect in communication. The examples provided by Shakhmatov illustrate the evaluative signals directed toward the message's recipient. He identified suffixes and various grammatical categories of nouns and verbs as particularly effective means of expressing the speaker's affect. The relevance of this article lies in the aim to reassess Shakhmatov's grammatical heritage, spotlighting those aspects of his work that were, in some respect, ahead of their time and influenced the emergence of new linguistic paradigms. Shakhmatov's research foreshadowed the pragmatic development of linguistics and emphasized the functional aspects of studying morphological units. His insights enhance our understanding of the range of grammatical tools used to express linguistic evaluation. Furthermore, investigating the structure of the functional-semantic field of evaluation, along with analyzing the hierarchical relationships among its components, represents a significant theoretical and practical task for contemporary linguistics.

Keywords: Aleksey Shakhmatov, *The Teaching About Parts of Speech*, linguistic evaluation, grammatical means for expressing evaluation, speaker's affect

For citation: Smirnova, L. G. The question of grammatical means for expressing evaluation in the light of A. A. Shakhmatov's syntactic research. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):17–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1157

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. Types of linguistic meanings. Evaluation. Events. Facts. Moscow, 1988. 339 p. (In Russ.)
2. Arutyunova, N. D. About shame and conscience. *Logical analysis of language: languages of ethics*. Moscow, 2000. P. 54–78. (In Russ.)
3. Vinogradov, V. V. The teachings of Academician A. A. Shakhmatov about the grammatical forms of words and parts of speech in the modern Russian language. *From the works of A. A. Shakhmatov on the Russian language*. Moscow, 1952. P. 3–26. (In Russ.)
4. Vol'f, E. M. Functional semantics of evaluation. Moscow, 1985. 228 p. (In Russ.)
5. Zolotova, G. A. Communicative aspects of Russian syntax. Moscow, 1982. 368 p. (In Russ.)
6. Lopatin, V. V. Evaluation as an object of grammar. *The Russian language. Problems of grammatical semantics and evaluation factors in language. The XIX–XX Vinogradov Readings*. Moscow, 1992. P. 70–75. (In Russ.)
7. Lukyanova, N. A. Colloquial expressive vocabulary: Problems of semantics. Novosibirsk, 1986. 230 p. (In Russ.)
8. Prosvirkina, I. I. Language means for expressing evaluation in modern discourse. *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*. 2020;2:23–27. DOI: 10.12737/2587-9103-2020-23-27 (In Russ.)
9. Russian grammar. Vols. 1–2. Moscow, 1980. Vol. 1. 783 p.; Vol. 2. 709 p. (In Russ.)
10. Shakhmatov, A. A. The teaching about parts of speech. *From the works of A. A. Shakhmatov on the Russian language*. Moscow, 1952. P. 29–138. (In Russ.)

Received: 10 September 2024; accepted 31 January 2025

ВИКТОРИЯ АНДРЕЕВНА НОВОСЕЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
novosita@mail.ru

ВОЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В МЕДИАТЕКСТАХ: ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «БЕСПИЛОТНЫЕ ЛЕТАТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ»

А н н о т а ц и я . Исследование выполнено в русле актуального направления – медиалингвистики – интегральной дисциплины, осуществляющей системный подход к изучению языка СМИ. В средствах массовой информации, находящихся в фокусе общественного внимания, репрезентируются ключевые, политико-идеологически важные слова эпохи. В ряду социально значимых процессов действительности, систематически и детально освещаемых в массмедиа, находятся события, связанные с проведением специальной военной операции на Украине. В связи со значимостью для всего российского общества этих политических реалий в течение последних трех лет военная лексика вышла из сферы профессионального использования и стала активно употребляться в медиатекстах. Заметное место в этом ряду отводится названиям современных видов вооружения, в частности беспилотным летательным аппаратам. Цель исследования – рассмотреть в медиатекстах военно-политического характера дискурсивные вербальные единицы тематической группы «Беспилотные летательные аппараты» как языковые маркеры эпохи с точки зрения способов их деривации, семантики и синтагматики.

К л ю ч е в ы е с л о в а : медиалингвистика, медиатекст, медиадискурс, военная терминология, терминологическая лексика, маркеры эпохи, БПЛА

Д л я ц и т и р о в а н и я : Новоселова В. А. Военная терминология в медиатекстах: тематическая группа «Беспилотные летательные аппараты» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 24–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1158

ВВЕДЕНИЕ

Составитель актуального словаря начала XXI века Г. Н. Скляревская рассматривает военную лексику в системе вербальных единиц, отражающих языковые процессы, которые влияют «на становление русского языка и на языковое сознание его носителей» [7]. А. А. Кислякова квалифицирует армейскую лексику как «военный подъязык» [4]. Согласно «Военной энциклопедии», военная терминология – это «формализованная система установленных военных терминов, каждый из которых имеет строго определенное значение с четко ограниченными рамками применения и научным обоснованием»¹. В корпус специальных слов армейской сферы употребления входят военно-технические, оперативно-тактические, военно-административные, военно-топографические, военно-инженерные термины [3]. Терминология является основой военной лексики, которая используется в политическом дискурсе и активно функционирует в средствах массовой информации [5].

Турецкий лингвист Бидеркесен Дурду относит военную лексику к особым единицам лексической системы языка [1], при этом военная лексика – понятие более широкое, чем военная терминология, в ее состав (помимо специальных слов) включаются общеупотребительные, разговорно-просторечные, окказиональные речевые единицы армейского характера, например: *мангал* – противоударный защитный козырек над башней танка; *арта* – артиллерия; *градить* – обстреливать противника из РСЗО «Град»; *за-трофеить* – взять в качестве трофея.

В настоящее время военная лексика, находящаяся в центре социального внимания, вызывает особый интерес лингвистов, поскольку она маркирует важнейшие современные реалии общественно-политической жизни [2]. Появляются исследования, в которых рассматриваются вопросы функционирования армейской терминологии в социокультурной среде [9], в политической публицистике [6], в актуальном информационном дискурсе [8].

Авторы новостных медиатекстов, освещающие события в зоне проведения специальной военной операции, активно используют армейскую лексику, номинирующую большое количество разнообразной военной техники и вооружения. Особое внимание уделяется беспилотным летательным конструкциям, являющимся техническими новациями, которые широко применяются в ходе боевых действий.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В информационных медиатекстах военно-политической направленности лексико-тематическая группа «Беспилотные летательные аппараты» (БПЛА) постоянно пополняется новыми лексемами и уже отличается деривационным разнообразием. Номенклатурный аббревиатурный термин *БПЛА* в общепотребительном языке имеет синонимы *беспилотник* и *дрон*.

«Ранее специалисты российского концерна ВКО “Алмаз-Антей” рассказали о создании нового бортового вычислительного модуля для беспилотников» [News.ru, 22.02.24].

Как известно, слово *дрон*, заимствованное из английского языка (*drone* ‘трутень’), появилось еще в 1934 году. В США так называли бипланы, управляемые по радио, которые использовались для учебных целей. Звук низко летящих аппаратов ассоциировался с жужжанием роя пчел. С развитием новых технологий в области создания вооружений лексема *дрон* актуализировалась и стала обозначать разнообразные беспилотные летательные конструкции. *«В России создали комплексную систему защиты объектов от дронов “Ступор”»* [РИА Новости, 26.02.24].

На базе слова *дрон* быстро образовался целый ряд производных существительных и прилагательных. Так, активен в современных медиатекстах композитный сложносоставной дериват *дрон-камикадзе* – барражирующий летательный аппарат, начиненный взрывчаткой, который способен наносить точечные удары по технике противника и живой силе: *«Дрон-камикадзе – прячемся и замираем»* [БлокнотРУ, 24.08.23]. Уподобление БПЛА, использование которого завершается уничтожением силы противника одновременно с самоуничтожением самого аппарата, японскому пилоту-смертнику основано на метафорическом переносе с вполне прозрачной внутренней формой.

Содержащий заимствованную из английского аббревиатуру композитный термин *FPV-дрон* (First Person View ‘вид от первого лица’) называется БПЛА, оснащенный специальной видеокамерой:

«Такой беспилотник в отличие от GPS-дронов, рассчитанных на стабилизированную аэросъемку, позволяет вести трансляцию в режиме реального времени с камеры FPV-дрона на монитор, очки или шлем со встроенным приемником» [АиФ, 31.03.23; Петр Волков].

В связи с использованием в зоне военных действий беспилотных конструкций возникла необходимость в появлении новой специальности оператора дронов – *дроновода* (этот композит, наряду с полноценным корнем, содержит суффиксоид): *«Добровольцы-дроноводы работают вплотную к ВСУ в Запорожской области»* [РИА Новости, 07.11.24].

В разговорной речи бойцов СВО устройства для уничтожения вражеских БПЛА стали именоваться *дронобойками*: *«Поражение и дезориентирование беспилотников проводится с помощью дронобойки – радиоэлектронного ружья»* [РИА Новости, 20.11.23].

К производящей основе *дрон* восходит созданный в 2022 году суффиксальный неодериват *дронница*, именующий один из телеграмм-каналов, объединивший специалистов в области разработки летательных аппаратов и средств РЭБ. Одноименное название получил и Всероссийский слет операторов боевых беспилотных систем, который уже три года подряд проводится в Нижнем Новгороде: *«На “Дроннице 202” были представлены интересные технические разработки»*, – отметил глава оргкомитета слета А. Любимов. Организаторы «Дронницы» большое внимание уделили вопросам *дронификации* армии и войны. Термин *дронификация* получил, по крайней мере, уже два значения: а) наделение в достаточном количестве беспилотными управляемыми аппаратами войсковых подразделений; б) эффективное применение БПЛА в зоне военных действий [<https://rutube.ru/video/8f224e03a52b0757b4913da54f4db322/>].

Выступая на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2023), спецпредставитель В. Путина по цифровому и технологическому развитию Д. Песков отметил недостаточность терминологической лексики в области новых технологий и ввел в обиход новое слово – *дронострой*, под которым понимается процесс создания управляемых летательных аппаратов и средств радиоэлектронной защиты от нападения вражеских беспилотников:

«Когда легализовали в русском языке слово дрон, создав конструкцию “дронница как конница”, мы поняли, что занимаемся дроностроем» [РБК, 15.06.23].

Окказиональным словом *биодроны* автор аналитических публикаций Виктория Никифорова называет россиян, которые по указке сотрудни-

ков украинских спецслужб совершают террористические акты: «*Киев превращает россиян в беспилотников*» [РИА Новости, 25.12.24; Виктория Никифорова].

Группа родственных слов с корневой морфемой *дрон* пополнилась также именами прилагательными *дронный, дроновый, противодроновый, антидронный*. «*Дронное место: на новые беспилотники выделят 30 млрд. рублей*» [Известия, 24.10.24]. Адгерентное значение словосочетания *дронное место* – предприятия военно-промышленного комплекса, выполняющие разработку и производство дронов.

«*Дроновый негодлет. БПЛА ВСУ редко наносят точные удары из-за российской ПВО*» [АиФ, 25.11.23; Виктор Сокирко].

«*Противодроновые ружья в зоне спецоперации стали таким же привычным средством вооруженной борьбы, как и беспилотники*» [RG RU, 15.02.23; Юрий Гаврилов].

Противодроновое / антидроновое ружье – устройство радиоэлектронной борьбы с беспилотниками.

Таким образом, реалии настоящего времени инициировали создание целого ряда неодериватов с базовой производящей основой *дрон*, а также иных заимствований. Так, *коптерами* называют дроны вертолетного типа:

«*Как рассказал сотрудник КБ “Стратим”, беспилотник “Чайка”, построенный по схеме тейлситтер, обладает значительными преимуществами перед своими собратьями: взлетает, как коптер, с “пяточка”, без помощи катапульты и без разбега по “взлетке”, а в воздухе движется как самолет*» [АиФ, 22.02.24; Дмитрий Невзоров].

Это название является финальной частью английского слова *helicopter* ‘вертолет’, имеющего греческие корни *helix* ‘винт, спираль’ и *pteron* ‘крыло’. В зависимости от количества винтов (пропеллеров) различаются *трикоптеры, квадрокоптеры, гексакоптеры* и *октокоптеры*:

«*Квадрокоптер десантников-дальневосточников в воздушном бою над Артемовском сбил ударный гексакоптер ВСУ типа “Баба Яга”*» [РИА Новости, 09.12.23].

В связи с интенсификацией производства БПЛА в медиатекстах фиксируется большое количество метафорически переосмысленных наименований моделей (на основе как собственных, так и нарицательных личных и неличных существительных, в результате трансформации исходного лексического значения переходящих в неодушевленные субстантивы):

«*Бурятские разработчики стали авторами нового дрона-носителя Буря-20*» [АиФ, 04.09.24; Виктория Мельникова]; «*Охотник готов. Самый тяже-*

лый БПЛА пойдет в серийное производство» [АиФ, 09.08.23; Виктор Сокирко]; «*По данным Минобороны, в 2024 году наша армия получит несколько новейших беспилотников, среди которых Охотник, Орион, Ласточка, а также усовершенствованные версии FPV-дронов Упырь и Русак*» [Вечерняя Москва, 03.02.24; Никита Миронов]; «*“Ультиматум” может свободно маневрировать с 3 кг полезной нагрузки на борту, развивая при этом скорость до 200 км/час*» [ТАСС, 07.07.23; Василий Кучушев]; «*Вооруженные силы Украины столкнулись с серьезной угрозой из-за новой версии российского дрона “Ланцет”, поразившего штурмовик Су-25 ВСУ*» [RG RU, 11.10.23; Роман Отрадно].

Номинация *тейлситтер* восходит к английскому слову *tailsitter* ‘сидящий на хвосте’. Так характеризуются аппараты, способные, подобно птице, взлетать и приземляться вертикально, без специальных дополнительных устройств и площадок:

«*Представляет интерес проект “Редкая птица”. Он предусматривает строительство беспилотника-тейлситтера с X-образным крылом, способного к вертикальному взлету*» [Военное обозрение, 30.12.23].

Аббревиатура БПЛА и иные терминологические номинации летательных аппаратов закономерно дополняет в рамках рассматриваемой тематической группы ряд новых нарицательных и собственных наименований с семой ‘птица’. Например, в разговорной речи участников военных действий беспилотники называются «птичками»: «*Война дронов: почему “птички” стали успешно заменять артиллерию*» [Вечерняя Москва, 03.02.24; Никита Миронов].

Производящее БПЛА предприятие «Стратим» названо именем фантастической девы-птицы из славянской мифологии, которая считается матерью всех птиц. Вероятно, и по этой причине большинство дронов этого предприятия имеют номинации птиц: «Ворон», «Буревестник», «Воробей», «Кречет», «Журавль», «Синица». Помимо метафоризации наименований птиц, в группу «БПЛА» проникают переосмысленные номинации иных представителей фауны, а также флоры:

«*Разработана линейка одноразовых ударных БПЛА с управлением по принципу FPV. В нее входят изделия Джужжик, Щегол и Русак, выполненные по одной схеме, но отличающиеся размерами и грузоподъемностью*» [Военное обозрение, 30.12.23]; «*Российский FPV-дрон “Пиранья-10”, которым был поражен американский танк Abrams, может нести до 4,5 кг полезной нагрузки*» [Газета.ru, 03.03.24; Павел Зубов]; «*О “Герани” стали говорить как о “вундерваффе”, – чудо-оружьи, которое затмило собой разрекламированные турецкие беспилотники “Байрактар”*» [Комсомольская правда, 18.10.22; Виктор Баранец].

В тематическую группу «БПЛА» включаются мифонимы и фольклоризмы. Помимо мифо-

нимов «Орион» и «Упырь», используется «Баба Яга» – номинация украинского беспилотника, мотивированная именем фольклорного персонажа. С устнопоэтической традицией связано и наименование нового тяжелого беспилотника российской армии «Иванушка», напоминающее об удали и силе русских сказочных и былинных героев:

«Тяжелый гексакоптер “Иванушка”, который считается аналогом украинского дрона “Баба Яга”, используют бойцы российского добровольческого батальона имени Василия Маргелова на херсонском направлении» [Lenta.ru, 26.03.24].

Метафорическая номинация «Русские матрешки» также характеризуется яркой этнолингвистической семой: «*FORBES: ВС России впервые применили на СВО БПЛА-матрешки для FPV-дронов*» [Царьград, 19.09.24; Ксения Тулякова].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время в российской армии, как и в армиях многих стран мира, производятся сотни тысяч дронов не только промышленного, но и кустарного производства, что неограниченно расширяет корпус лексических единиц тематической группы «БПЛА». Употребление указанной

лексики, маркирующей реалии современности, позволяет журналистам наглядно иллюстрировать события настоящего времени.

Как показывают наблюдения, в медиатекстах военно-политической направленности обнаруживается большое количество номинирующих беспилотные летательные аппараты и связанные с ними иные реалии единиц, возникших: 1) путем заимствования (*дрон, коптер*), 2) на основе собственных словообразовательных ресурсов (путем аббревиации, сложения или аффиксации: *БПЛА, дроновод, дронный* и др.), 3) метафоризации уже имеющихся лексем (самая многочисленная группа, именующая модели БПЛА: *птичка, Ласточка, Щегол, Ланцет, Ультиматум* и пр.). 4) переосмысления мифонимов и фольклорных имен (*Орион, Упырь, Иванушка, Баба-Яга* и пр.).

Следует отметить, что систематизация современной военно-терминологической лексики носит многомерный и разноаспектный характер и еще ждет своего комплексного рассмотрения. В контексте типологии указанных единиц актуальными являются вопросы их кодификации в толковых словарях и определение функционально-стилистического статуса современной медиаречи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

- АиФ – газета «Аргументы и факты»
- БлокнотРУ – авторский новостной канал на платформе Дзен
- Вечерняя Москва – ежедневная вечерняя столичная газета
- Военное обозрение – новостной канал
- Газета.ru – Российское общественно-политическое интернет-издание
- Комсомольская правда – ежедневная общественно-политическая газета
- РИА Новости – Российское информационное агентство
- ТАСС – Российское государственное федеральное информационное агентство
- Царьград – Российский информационно-аналитический интернет-канал
- Lenta.ru – Российское новостное интернет-издание
- News.ru – Российское новостное интернет-издание
- RG RU – Российская газета
- RT – телеканал Russia Today

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Военная энциклопедия. М.: Военное изд-во, 2004. Т. 8. С. 62–63.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бидеркесен Д. Военная лексика как особый элемент лексической системы языка // Казанский лингвистический журнал. 2020. Т. 3, № 1. С. 5–16.
2. Бидеркесен Д., Агеева Ю. В. Функционирование военной лексики в языке СМИ // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 35–38.
3. Исаева Е. Д. Особенности японской военной терминологии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 4. С. 29–34.
4. Кислякова А. А. Военный подязык в системе литературного языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2009. № 566. С. 128–139.
5. Лату М. Н. Военная терминология в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 3. С. 98–103.
6. Мосиенко Л. В., Миначева Д. В. Функционирование военной лексики в газетно-публицистических статьях // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: Сб. ст. IX Международной научно-практической конф. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 195–197.

7. Склярёвская Г. Н. Объект и основные особенности словаря // Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика. М.: Эксмо, 2008. С. 6–7.
8. Яковлева Е. А., Ирназаров Э. Н. Особенности именования образцов оружия и военной техники в актуальном информационном дискурсе // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 2. С. 132–140.
9. Якубов О. А. Военная терминология в социокультурном аспекте // Достижения науки и образования. 2018. № 4 (26). С. 22–24.

Поступила в редакцию 03.10.2024; принята к публикации 31.01.2025

Original article

Victoria A. Novoselova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
novosita@mail.ru

MILITARY TERMINOLOGY IN MEDIA TEXTS: THE “UNMANNED AERIAL VEHICLES” THEMATIC GROUP

Abstract. The study was carried through the lens of media linguistics, a current trend of research and an integral discipline that employs a systematic approach to analyzing the language of mass media. The mass media, which capture public attention, prominently feature key words that hold significant political and ideological weight in our times. Among the socially relevant issues extensively and systematically covered in the media are events pertaining to the on-going special military operation in Ukraine. Given the critical nature of these political developments for Russian society as a whole, military vocabulary has transitioned from a specialized domain to widespread use in media discourse over the past three years. Notably, this includes the terminology associated with modern weaponry, particularly unmanned aerial vehicles (UAVs). This study aims to examine the discursive verbal units from the thematic group of “unmanned aerial vehicles” in military-political media texts, analyzing them as linguistic markers of our era through the lenses of derivation, semantics, and syntagmatics.

Key words: media linguistics, media text, media discourse, military terminology, terminological vocabulary, epoch markers, UAVs

For citation: Novoselova, V. A. Military terminology in media texts: the “unmanned aerial vehicles” thematic group. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):24–28. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1158

REFERENCES

1. Biderkesen, D. Military vocabulary as a special element of the lexical system of the language. *Kazan Linguistic Journal*. 2020;3(1):5–16. (In Russ.)
2. Biderkesen, D., Ageeva, J. V. Functioning of military lexis in the language of the media. *Baltic Humanitarian Journal*. 2019;8(1(26)):35–38. (In Russ.)
3. Isaeva, E. D. Peculiarities of Japanese military terminology. *Vestnik of Irkutsk State Linguistic University*. 2009;4:29–34. (In Russ.)
4. Kislyakova, A. A. Military sublanguage in the system of literary language. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2009;566:128–139. (In Russ.)
5. Latu, M. N. Military terminology in modern political discourse. *Political Linguistics*. 2011;3:98–103. (In Russ.)
6. Mosienko, L. V., Minacheva, D. V. Functioning of military vocabulary in newspaper articles and other media. *Innovative scientific research: theory, methodology, practice: Proceedings of the IX international research and practical conference*. Penza, 2017. P. 195–197. (In Russ.)
7. Sklyarevskaya, G. N. The object and main features of the dictionary. *Explanatory dictionary of the Russian language of the early XXI century: Present-day vocabulary*. Moscow, 2008. P. 6–7. (In Russ.)
8. Yakovleva, E. A., Irnazarov, E. N. Features of the naming of weapons and military equipment in contemporary information discourse. *Liberal Arts in Russia*. 2018;7(2):132–140. (In Russ.)
9. Yakubov, O. A. Military terminology in the socio-cultural aspect. *Achievements of Science and Education*. 2018;4(26):22–24. (In Russ.)

Received: 3 October 2024; accepted: 31 January 2025

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА МАЛЫШЕВА

старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики
Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина
(Нижний Новгород, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-4446-4013; el.malischewa2014@yandex.ru

СВЕТЛАНА РИНАТОВНА ШАРИФУЛЛИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет
(Нижний Новгород, Российская Федерация)
svetshar@yandex.ru

СТРУКТУРНО-ВЕРОЯТНОСТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ В ПАССИВНОМ ЗАЛОГЕ В АМЕРИКАНСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ПРОЗЕ

А н н о т а ц и я . Исследование представляет собой комплексное изложение концепции залога в английском языке, освещающая его историческое развитие через использование структурно-вероятностного подхода. Основная цель состоит в анализе частотности использования пассивных конструкций в англоязычных литературных текстах, рассмотрении их на четырех временных срезах. Научная новизна исследования заключается в анализе функционирования пассивного залога, выявлении сходств и различий в причинах, формирующих дистрибуцию пассивных конструкций в различных жанрах литературной прозы. Анализируется также связь между грамматической структурой текста и его содержанием, включая жанровые особенности и изменения в лексическом составе на протяжении времени. Исследование направлено на выявление языковых тенденций и их отражения в речи, а также на анализ механизмов языковой эволюции. Для наиболее полного понимания исторических изменений в языке проводится сравнительный анализ состояния языка в различные периоды времени. Это позволяет получить подробное представление об использовании системы залога в литературном английском языке в течение двух веков (точнее, четырех полустолетий).

К л ю ч е в ы е с л о в а : подъязыковая дистрибуция, общеанглийский показатель, панхронический показатель, парадигматический список, синтагматическое количество, диахронический анализ, синхронный срез

Д л я ц и т и р о в а н и я : Малышева Е. Ю., Шарифуллина С. Р. Структурно-вероятностное исследование глаголов в пассивном залоге в американской и британской прозе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 29–38. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1159

ВВЕДЕНИЕ

В лингвистической литературе многократно обсуждался вопрос о языковой изменчивости, которая считается неотъемлемым, стабильным и долговременным признаком языка. Трансформируясь, язык постоянно развивается, совершенствуется, в нем зарождаются новые формы, укрепляют свои позиции старые явления. Ученые полагают, что

«языки не могут не меняться, прежде всего, по той причине, что в основе актов коммуникации, средством практического осуществления которых является язык, лежит отражение действительности, которая сама находится в постоянном движении»¹.

Изучение языка в историческом контексте, включая его динамику во времени и простран-

стве, является ключевой задачей при анализе формы существования языка и дает ясное представление о том, что языковая структура развивается со временем: «некоторые элементы устаревают и сменяются другими, которые становятся активными в определенный период» [7: 124]. Сравнивая этапы развития одного и того же языка и анализируя два или более временных отрезка, мы обнаруживаем определенные расхождения в пределах их границ. Однако эти расхождения при своей незначительности играют ключевую роль, поскольку «существенные изменения являются результатом накопления множества мелких изменений, собравшихся за многие века или даже тысячелетия» [12: 79]. Языковая

изменчивость всегда действует как неоспоримое свойство языка, подтверждающее, что «истинное понимание природы языка невозможно без понимания разнообразных явлений, которые наблюдаются в нем» [5: 198–200]. Однако следует помнить, что язык должен сохранять свою коммуникативную функциональную нагрузку, поэтому историческая эволюция прямо пропорциональна тенденциям сохранения имеющихся языковых средств речевой пригодности, что препятствует существенным изменениям. Все процессы изменения в языковой системе поэтому обычно сопровождаются процессами сохранения [4: 125], обеспечивающими ее стабильность на протяжении длительного времени. Как отмечает А. Мартине, «носители языка никогда не чувствуют, что язык, на котором они говорят и который они слышат от окружающих, меняется в течение их жизни» [10: 304].

Таким образом, язык представляет собой своеобразную двухлинейную систему. С одной стороны, он динамично развивается и совершенствуется в полном соответствии с изменяющимися потребностями общества. С другой стороны, он сохраняет и аккумулирует новые понятия и идеи для использования в будущих коммуникациях. Объективное существование этих противоположных свойств в языке стимулирует эксперименты в области исторической лингвистики, которая является предметом нашего исследования. Ученые (Е. Д. Поливанов, Б. А. Серебрянников, В. А. Звегинцев, В. фон Гумбольдт, А. Мартине) полагали, что эту отрасль языкознания неправомерно интерпретировать как сосредоточенную на одних только изменениях. В процессе написания работы мы придерживались именно той мысли, что язык не жесткая, застывшая система, а оптимально функционирующая и, чтобы рассматривать язык в исторической перспективе, необходимо выяснять, какие черты его строя характеризуются значительной стабильностью.

Видение языка как упорядоченной системы, которая постоянно эволюционирует в пространстве и времени, одновременно сохраняя свою сущность, явилось ключевой концепцией и целью нашего исследования, а также послужило основой для наших исследовательских подходов и гипотез, которые нашли подтверждение в ходе анализа.

Актуальность данного исследования заключается в методике системного описания залога в английском языке, а также в его практической значимости для преподавания английского языка. Полученные статистические данные о частотном распределении пассивных конструкций по подъязыкам имеют важное практическое значение и лежат в основе изучения теории и практики любого иностранного языка в сред-

них и высших учебных заведениях. Эти данные способствуют формированию и развитию умений коммуникации на английском языке, что является ключевым аспектом обучения речевому взаимодействию в сфере профессионального общения [3: 8] и могут быть использованы для создания тестовых заданий и организации систематического мониторинга образовательного процесса на уровне бакалавриата и магистратуры [13: 9] по результатам экспериментального исследования семантических и социолингвистических аспектов пассива.

Теоретической базой исследования послужили работы Н. Д. Андреева, Б. Н. Головина, М. П. Ивашкина, Е. Д. Поливанова, Б. А. Серебрянникова, Р. Г. Пиотровского, Р. М. Фрумкиной, В. А. Звегинцева и А. Мартине.

ДЕМОНСТРАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Работа направлена на анализ лингвистического явления, которое уже получило освещение в научной литературе. Основная научная ценность работы заключается в том, что она позволяет проследить механизм эффективного использования пассивной конструкции в речи. Кроме того, она выявляет сходства и различия, определяющие распределение пассивных конструкций в художественной прозе, которая является одной из важнейших сфер общения. Важным аспектом исследования является также определение взаимосвязи между грамматической структурой текста и его содержательным характером, включая жанровые особенности, поскольку залог – это разноуровневая языковая категория, присущая лексикологии, словообразованию, морфологии, синтаксису, то есть тем уровням, которые занимают разное положение в механизме функционирования системы языка и служат для выражения семантической интерпретации отношения действия к субъекту [1: 22]. Кроме того, работа предлагает многоаспектный, комплексный подход к проблеме, используя разнообразные методы анализа как в синхронной, так и в диахронической перспективе. Это означает, что исследование не ограничивается только синхронным анализом функционирования залоговых форм глагола. Мы стремимся установить и изучить языковые тенденции, их подязыковую реализацию в речи, а также проследить действие механизма преемственности языковых состояний. Учитывая, что наиболее полное понимание исторических изменений языка возможно только через сравнение ряда его состояний, проводится комплексное диахроническое исследование в нескольких синхронных срезах, то есть в качестве основного исследовательского

инструмента нами задействован структурно-вероятностный метод.

В наше время многие ученые поддерживают идею о том, что элементы языка могут быть подвержены количественному анализу, что приводит к широкому использованию статистических методов в лингвистических исследованиях. Вопрос о применении статистики в изучении и анализе языка уже не вызывает споров, и лингвисты, отвергающие статистический подход, составляют лишь незначительную часть. Статистические данные имеют свою закономерность. Они исчисляются с определенной степенью вероятности, что позволяет им быть применимыми в различных областях науки, техники, природы и общества. Все сложные структуры и системы подчиняются законам статистики в своем развитии [8: 258–259]. Хотя изменения в языке часто обусловлены внешними факторами, колебания в этих изменениях обычно ограничены и подчинены определенным законам. По мнению Р. М. Фрумкиной,

«различные количественные оценки, полученные в результате эксперимента (определение частот одних явлений сравнительно с частотами других, динамика количественных изменений и т. д.), производятся в самых различных областях знаний согласно определенным общим правилам, сформулированным в математической статистике» [14: 129].

Такое положение обусловлено тщательным изучением языковых процессов, мощным развитием лингвистических дисциплин, требующих соответствующих статистических методов, усиленными поисками путей увеличения объективности и точности исследования [2: 146]. Поэтому в качестве основного исследовательского аппарата мы активно использовали структурно-вероятностный анализ, позволяющий точно, в деталях объяснить амплитуду колебаний, происходящих в синхронии, и стремительную динамику трансформаций в диахронии.

Согласно известному принципу, сдвиги в системе языка всегда предшествуют изменениям в речи. Поэтому мы обратились к письменным текстам XIX–XX веков, создавая синхронные срезы, охватывающие по 50 лет каждый. При выборе произведений мы старались продемонстрировать как всемирно известных классиков американской и британской литературы, так и менее известных иностранному читателю авторов, пользующихся большой популярностью у современников. Из наиболее авторитетных писателей британской литературы мы остановились на произведениях В. Скотта, Р. Л. Стивенсона, Э. По, О. Уайльда, У. Теккерея, Т. Гарди, А. Кристи, Ш. Бронте, Ч. Диккенса, Дж. Голсуорси, С. Моэма, Дж. Фаулза, А. Силлитоу и др. Что касается американской

литературы, то в ней основу составили произведения Дж. Ф. Купера, М. Твена, Т. Драйзера, М. Уилсона, Дж. Стейнбека, Р. Олдингтона, Ф. С. Фицджеральда, Э. Хемингуэя, Дж. Д. Сэлинджера, Г. Грина.

Изучая различные подязыки, мы обработали обширные текстовые массивы художественной прозы, так как они не только представляют собой источники новаторских языковых изменений, но и являются хранителями традиций в языковом развитии. В добавлении ко всему подязык художественной прозы как особый литературный жанр наиболее восприимчив ко всем переменам, происходящим в языковой структуре (по сравнению с другими письменными подязыками), что мы попытались доказать в своем исследовании.

Экспериментальная часть нашей работы базировалась на анализе количества залоговых конструкций в художественных произведениях обоих вариантов английского языка, включая как личные, так и неличные формы глагола в пассивном залоге.

ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ

В рамках **первого эксперимента** мы провели исследование глагольной системы с целью выяснения функциональной активности пассивных конструкций в монологической речи подязыка художественной прозы, учитывая при этом синхронную разбивку материала на четыре среза: 1801–1850, 1851–1900, 1901–1950, 1951–1993. Данный этап мы разделили на три (под)ступени, на каждой из которых были проведены сбор, сравнение статистических данных по двум вариантам английского языка и перевода соответствующих произведений на русский и последующее повариантное сопоставление полученной информации. В результате мы проанализировали 400 выборок авторской речи из произведений американской и британской художественной прозы соответственно. Как того требуют правила математической статистики, мы ввели их выборочные частоты, определили их сумму, подсчитали среднюю выборочную частоту (X_{cp}), абсолютное квадратическое отклонение (АКО) и относительное квадратическое отклонение (ОКО, %), обозначили верхнюю и нижнюю границы результатов наблюдений и центры интервалов вариации (ИВ). Все количественные параметры мы разместили в табл. 1. Данные анализа действительной средней измеряемой величины, приходящейся на каждый синхронный срез, проиллюстрированы в виде кривых на графике (рисунки) [9: 148].

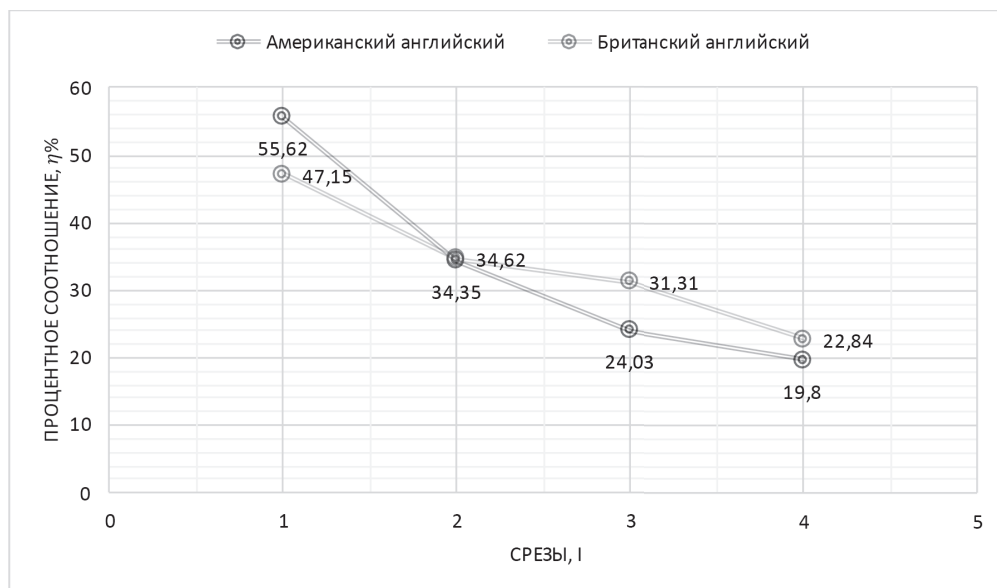
Таблица 1

Структурно-вероятностный анализ пассива в американской и британской художественной прозе XIX–XX веков

Table 1

Structural and probabilistic analysis of the passive voice in American and British prose of the XIX–XX centuries

Монологическая речь						
Американский английский			Британский английский			
Синхронные срезы	$X_{cp} \pm AKO$	ИВ	ОКО (%)	$X_{cp} \pm AKO$	ИВ	ОКО (%)
1801–1850	$12,4 \pm 2,8$	$15,2 + 9,6$	23 %	$9,8 \pm 2,0$	$11,8 + 7,8$	22 %
1851–1900	$7,2 \pm 1,6$	$8,8 + 5,6$	23 %	$6,4 \pm 1,0$	$7,4 + 5,4$	18 %
1901–1950	$4,8 \pm 1,2$	$6,0 + 3,6$	27 %	$6,8 \pm 1,4$	$8,2 + 5,4$	21 %
1951–1993	$4,6 \pm 1,2$	$5,8 + 3,4$	25 %	$5,4 \pm 1,4$	$6,8 + 4,0$	25 %

Частота глаголов пассивных конструкций в монологической речи в американской и британской художественной прозе XIX–XX веков

Frequency of passive verbs in American and British prose of the XIX–XX centuries

На фоне высоких показателей в начальный период особенно ярко проявляются характер, скорость и объемы изменений в американском варианте английского языка. В данной разновидности английского изменения имеют ярко выраженный однонаправленный характер, в то время как в британском варианте в первой половине XX века происходит некоторое нарушение этой тенденции, своеобразный регресс, за которым последовало восстановление стремления к снижению удельного веса пассива в глагольной системе.

Анализируя объемы и скорость реализации тенденции, мы можем оценить разницу между начальными и конечными показателями диахронического исследования. Например, в авторской речи метрополии (британский вариант английского языка) уровень пассивных конструк-

ций составляет 4,4 % (с 9,8 % в первой половине XIX века до 5,4 % во второй половине XX века), в то время как в американском варианте – 7,8 % (с 12,4 % в первой половине XIX века до 4,6 % во второй половине XX века). Такой ускоренный процесс изменений в американском варианте английского языка, а возможно, и языке в целом дает основания предполагать, что в этой области в прошлые века в американском варианте из-за его изоляции от метрополии естественный процесс языковых изменений, характерный для британского английского, происходил гораздо медленнее. Однако воздействие общеанглийских тенденций (например, сближение вариантов, снижение удельного веса пассива) привело к выравниванию и даже усилению темпов развития языка.

Имея различную коммуникативную направленность, авторские и диалогические высказывания обладают собственным набором языковых единиц, среди которых особое внимание уделяется глаголам, включая формы в страдательном залоге. В связи с этим **второй этап** нашего исследования посвящен семантическому анализу страдательного залога и его роли в художественной прозе. Мы считаем, что такой анализ весьма целесообразен, поскольку, используя метод структурно-вероятностного анализа глаголов пассивных конструкций, мы стремимся выявить причины, стимулирующие формирование упорядоченной системы глагольных единиц на различных синхронных срезах. Так, внутри жанра художественной прозы наблюдается плавный переход от одного полюса качества (сугубо авторские) к другому, представленному доминантно авторскими и общелитературными глаголами в составе пассивных конструкций. Наряду с четкой иерархической организованностью границ подсистем, вызванной видимым распределением исследуемых единиц по их языковой принадлежности (сугубо авторские, доминантно авторские, общелитературные), глаголы пассивных конструкций подразделяются в том числе и по региональному признаку на пять групп: сугубо британские, сугубо американские, доминантно британские, доминантно американские и общеанглийские.

Главная цель такого сравнительного анализа состоит в установлении уровня сходства и различия, а также глубины и широты произошедших трансформаций. Например, в ходе исследования мы обнаружили, что сравнительный анализ доминантно авторских глаголов, используемых в американской прозе на протяжении двухсотлетнего периода, показывает явную тенденцию к снижению их употребления в составе пассивных конструкций, особенно в XX веке. Подобная тенденция также наблюдается и в сугубо авторских глаголах, причем в последних их количественные показатели ниже по сравнению с доминантно авторскими глаголами на всех синхронных срезах.

Обычно в результате эксперимента наблюдается строгое математическое соответствие между обнаруженной тенденцией и количеством глаголов, сохраняющих преемственность ближайших исторических периодов. Однако в американской литературе второй половины XX века это соответствие нарушается, поскольку количество глаголов – хранителей преемственности увеличивается, хотя и не столь значительно. В то же время в британской прозе по данным, засвидетельствованным в табл. 2, количество глаголов, использованных в выборках во второй половине XIX века,

уменьшается до 3,2 % (с 4,9 %) (или 490 глаголоупотреблений). И этот показатель еще ниже в сравнении с тем, что мы наблюдали в американской прозе (6,2 %). Примечательно, что в британской прозе начала XX века фиксируется заметное увеличение количества доминантно авторских глаголов до 3,4 %, или 340 глаголоупотреблений, и соответственно расширение парадигматического списка глаголов. В результате этого увеличения можно отметить также и возрастание количества глаголов (160 глаголов), способствующих сохранению преемственности между временными отрезками второй половины XIX и первой половины XX века. Одинаковость незначительного возрастания использования доминантно авторских и сугубо авторских глаголов в британской прозе первой половины XX века свидетельствует о том, что это не случайность или математическая погрешность, а действительный языковой феномен.

При рассмотрении использования доминантно авторских глаголов в выборках из британской литературы второй половины XX века можно отметить, что доля таких глаголов здесь самая низкая по сравнению с другими временными срезами. Она составляет 2,7 %, или 270 глаголоупотреблений. Важно отметить, что, несмотря на уменьшение синтагматического количества, парадигматический список доминантно авторских глаголов существенно увеличивается, что может быть обусловлено более равномерным их использованием. Поэтому в сохранении преемственности между синхронными срезами XX века участвует большее число глаголов. Из 310 глаголов, выявленных в нашем исследовании, 163 являются хранителями преемственности между временными отрезками XX века, при этом 25 лексических единиц отмечены на всех четырех синхронных срезах (панхронические).

Аналогичное явление наблюдается и в американской литературе второй половины XX века, где также отмечается увеличение парадигматического списка доминантно авторских глаголов, ведущих к сохранению преемственности. Это указывает на то, что перед нами не случайность или статистическая погрешность, а действительно языковой факт, который убедительно подтверждает, что языковые изменения носят плавный и постепенный, а не скачкообразный и резкий характер. Более того, выбор глагола пассивной конструкции зависит от взаимодействия разных факторов (структурного, лексико-семантического, прагматического), которые предопределяют друг друга в процессе коммуникации. «Эта взаимообусловленность отражает стадии работы речепорождающего механизма от его мотива до актуализации его в поверхностной синтаксической структуре»⁴.

Таблица 2

Социологический анализ глаголов пассивных конструкций в американской и британской художественной прозе XIX–XX веков

Table 2

Sociolinguistic analysis of passive verbs in American and British prose of the XIX–XX centuries

Сфера общения	Художественная проза															
	Разряды глаголов	Американский вариант					Британский вариант					Общеанглийский показатель ²				
		I срез	II срез	III срез	IV срез	Панхронический показатель	I срез	II срез	III срез	IV срез	Панхронический показатель	I срез	II срез	III срез	IV срез	Панхронический показатель ³
Авторская речь	Сугубо авторские	4,1	2,6	1,6	1,5	1,0	3,2	2,1	2,3	1,8	1,0	0,4	0,2	0,1	0,1	0,1
	Доминантно авторские	6,2	3,7	2,4	2,3	2,1	4,9	3,2	3,4	2,7	3,0					
	Сугубо / доминантно авторские	10,3	6,3	4,0	3,8	0,1	8,1	5,3	5,7	4,5	0,1					
	Общелитературные	2,1	0,9	0,8	0,8	2,0	1,7	1,1	1,1	0,9	1,2					
	Всего	12,4	7,2	4,8	4,6	5,2	9,8	6,4	6,8	5,4	5,3					

Изучение доминантно авторских и сугубо авторских глаголов на всех отмеченных временных отрезках демонстрирует отсутствие жесткости и замкнутости границ в системе употребляемых в пассивных конструкциях глаголов.

Использование метода структурно-вероятностного анализа позволило провести объективный отбор наиболее употребительных глаголов и определить лексико-семантический состав и степень изменчивости внутри подсистемы глаголов на протяжении двухсот лет. Этот этап стал **третьим** в нашем исследовании, в ходе которого нельзя было не отметить существенной взаимозависимости между лексическим и семантическим значением глагола и его залоговой формы. Языковая система накладывает лексико-семантические ограничения при образовании пассивных конструкций. Последние, как известно, могут быть образованы лишь от определенного круга глаголов. Возможностью создать такие конструкции обладают различные лексико-семантические группы. Чтобы попытаться определить, что такое лексико-семантические группы слов как явление языковое и продукт исторического развития конкретного языка или диалекта, необходимо наметить границы этих групп, отделяющие их от других соприкасающихся категорий [11: 87–88]. Однако в рамках нашего анализа мы стремились распределить глаголы по лексико-семантическим группам, не намечая структурную разметку границ этих групп. Развернутая детализация не входила в спектр поставленных нами целей и решаемых задач. По-

этому, опираясь на работы предшественников, мы выделили двенадцать лексико-семантических групп для диахронического анализа. Все они представлены в табл. 3.

Говоря о специфике функционирования в пассиве лексико-семантических групп авторских глаголов, следует особо подчеркнуть, что ни в одной из них не засвидетельствованы значительные расхождения между количественными показателями, что подтверждает стремление к выравниванию, которое достаточно четко проявляется в разряде как сугубо, так и доминантно авторских глаголов, со значениями «физическое восприятие» (0,05 % – 0,03 % – 0,03 %); «демонстрация / показ / манифестация» (0,01 % – 0,01 % – 0,01 % – 0,01 %); «поддержка» (0,01 % – 0,01 % – 0,01 % – 0,01 %). Это свидетельствует об отсутствии каких-либо изменений среди глаголов названных лексико-семантических групп. Кроме того, в ходе проведенного эксперимента выяснилось, что количественные показатели употребительности в пассиве лексико-семантических групп сугубо и доминантно авторских глаголов в американской прозе выше, чем в британской (исключениями являются сугубо авторские глаголы со значениями «поощрение / наказание», «физическое восприятие», «демонстрация / показ / манифестация»). Лишь в первой половине XX века возрастает число британских доминантно авторских глаголов в пассиве. Аналогичные явления мы наблюдали среди сугубо авторских глаголов. Это говорит о том, что перед нами лингвистически значимый факт.

Лексико-семантический анализ глаголов пассивных конструкций в американской и британской художественной прозе XIX–XX веков

Таблица 3

Lexical and semantic analysis of passive verbs in American and British prose of the XIX–XX centuries

Table 3

Разряды глаголов	Синхронные срезы	Лексико-семантические группы глаголов британской художественной прозы XIX–XX веков											Всего %	
		Каузация	Умственная деятельность	Эмоции	Говорение	Поощрение / наказание	Увеличение / уменьшение	Физическое восприятие	Приобретение / обладание	Демонстрация / показ / манифестация	Предложение / отказ	Начало /конец процесса		Поддержка
Сугубо авторские	I срез	2,08	0,70	0,37	0,36	0,24	0,08	0,08	0,04	0,07	0,06	0,02	0,01	4,10
	II срез	1,3	0,44	0,2	0,23	0,15	0,05	0,05	-	0,06	0,04	0,02	0,01	2,60
	III срез	0,82	0,28	0,16	0,14	0,10	0,02	0,03	-	0,03	0,02	-	0,01	1,60
	IV срез	0,7	0,26	0,1	0,13	0,11	0,02	0,02	-	0,02	-	0,01	-	1,50
Доминантно авторские	I срез	3,03	1,14	0,52	0,56	0,37	0,12	0,13	0,06	0,12	0,09	0,05	0,01	6,20
	II срез	1,90	0,63	0,32	0,33	0,21	0,08	0,09	0,02	0,07	0,05	0,02	0,01	3,70
	III срез	1,30	0,39	0,20	0,17	0,13	0,06	0,06	0,02	0,04	0,03	0,03	-	2,40
	IV срез	1,17	0,38	0,20	0,19	0,14	0,05	0,05	0,03	0,05	0,03	0,01	0,01	2,30

Итак, убедившись в том, что английский пассив представляет собой сложную систему, где взаимодействуют грамматические и лексико-семантические факторы, мы пришли к ясному пониманию его использования в художественной прозе за два века. Это позволило нам приступить к **четвертому и завершающему этапу** нашей работы.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ЧЕТВЕРТОГО ЭТАПА ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе проведенных и описанных нами выше исследований мы доказали, что статистические методы находят самое широкое применение в лингвистике. Исключением не стала и лексикография. В ней математическую статистику используют «для составления частотных словарей, помогающих отобрать самую употребительную лексику (так называемая статистическая лексикография)»⁵.

Для исследования частоты использования пассивных форм глагола американского (А) и британского (В) английского языка с XIX по XX век мы составили словарь частотности их употребления в речи со всеми глаголами, которые были найдены в произведениях знаменитых писателей. Удобно было их разделить на четыре среза: 1 срез (I) – с 1801 по 1851 год, 2 срез (II) – с 1851 по 1900, 3 срез (III) – с 1901 по 1950, 4 срез (IV) – с 1951 по 2000 год. Всего в словарь вошли 1086 глаголов, представляющих монологическую речь. В табл. 4 представлена лишь незначительная их часть, взятая в качестве образца.

Мы подсчитали использование глагольных пассивных конструкций (ГПК) на каждом конкретном срезе, после чего выяснили процентное соотношение между ГПК в срезе (N_i , $i = \{1, 2, 3, 4\}$) и общим количеством слов, найденных в произведениях (Q) по формуле:

$$\eta = N_i : Q \times 100 \%$$

Так, например, чтобы подсчитать процент глаголов пассивных конструкций на первом срезе (1800–1850) американской прозы, обозначенном в таблице как А(I) XIX, следует разделить количество (N_1) зафиксированных в нем глаголов, а именно 604, на общее количество (Q) всех выявленных в ходе исследования ГПК, то есть 1086, умножив полученное число на 100 %, получается нужный нам результат – 5562 %. Аналогичным образом с использованием расчетной формулы мы подсчитали процентное соотношение глаголов на других временных срезах.

Основываясь на данных табл. 1 и глоссария поэтапной представленности ГПК в монологической речи художественной прозы, можно сделать вывод, что использование пассивных конструкций в американском английском уменьшилось после первого периода. Это может свидетельствовать о возможном упрощении американского литературного языка. Аналогичное наблюдение можно сделать и относительно литературного британского английского, где также наблюдается снижение использования пассивных конструкций. Для визуализации этого снижения мы и построили график (см. рисунок) зависимости срезов от их процентного соотношения.

Таблица 4

Словарь представленности глаголов пассивных конструкций в монологической речи художественной прозы XIX–XX веков

Table 4

Representation glossary of passive verbs in monological speech in American and British prose of the XIX–XX centuries

Глаголы	A(I) XIX	A(II) XIX	A(III) XX	A(IV) XX	B(I) XIX	B(II) XIX	B(III) XX	B(IV) XX
1) abandon	+	-	-	-	+	+	-	-
2) abase	+	-	-	-	-	-	-	-
3) abash	+	-	-	-	+	-	-	+
4) absolve	+	+	-	-	-	-	-	-
5) absorb	-	+	+	-	-	-	+	+
6) abstract	+	-	+	-	-	-	-	+
Количество	604	373	261	215	512	376	340	278
Всего глаголов	1086	1086	1086	1086	1086	1086	1086	1086
(Всего глаголов, %)	55,62 %	34,35 %	24,03 %	19,80 %	19,80 %	34,62 %	31,31 %	22,84 %

ВЫВОДЫ

1. Залоговая система английского глагола, представленная в формах действительного и страдательного залога, не является статичным или застывшим явлением. Она представляет собой динамичную, прогрессирующую и тщательно сбалансированную, устойчивую систему. Изменения в одной части этой системы обязательно приводят к соответствующим взаимообусловленным преобразованиям в другой. Залоговая система, будучи неотъемлемой частью языка, эволюционирует со временем (что отражается в данных четырех синхронных срезов) и в различных географических вариантах (как в американском, так и в британском).

2. Повариантное исследование залога показало, что в британском варианте преобразования происходили естественным образом, в полном соответствии с внутренними языковыми законами, которые позволили преодолеть влияние внешних факторов, таких как нормандское завоевание и французский язык, и даже использовать их в свою пользу. В дальнейшем каких-либо существенных внешних воздействий не наблюдалось.

Влияние географической изоляции на американский вариант английского языка было значительным, что привело к замедлению язы-

ковых изменений, включая использование пассивных конструкций. Поэтому предполагается, что функциональные показатели пассива в британской художественной литературе XVII или XVIII веков будут сходными с американскими параметрами первой половины XIX столетия (6,2 %). Это предположение подтверждается выводами М. П. Ивашкина [6], который также изучал глагол, однако в другом аспекте. Для подтверждения данного предположения требуется соответствующее диахроническое исследование на материале произведений английских авторов.

3. Проведя анализ коммуникативной функции пассивного залога и выявив сходства и различия причин, определяющих их использование в художественной прозе XIX–XX веков, мы надеемся на продолжение исследований в этой области языка. Возможно, следующие шаги могут включать анализ функционирования пассива в предшествующие века, диахронический анализ соотношения актива и пассива в русских первоисточниках, а также изучение изменений в залоговой системе английского глагола в других подязыках. Картина употребления активных и пассивных конструкций в этих языках может быть существенно отличной, что также представляет интерес для дальнейших экспериментов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. С. 15.
- ² Общанглийский показатель – показатель функционирования глагольных форм в пассиве в американской и британской художественной прозе в целом.
- ³ Панхронический показатель – показатель употребляемости глаголов пассивных конструкций на протяжении четырех полувеков.
- ⁴ Ключина А. М. Средства выражения пассивности в английском языке в синхронии и диахронии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013. С. 16.
- ⁵ Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь: Учеб. пособие. 3-е изд., перераб. М.: Флинта, 2003. С. 211.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко А. В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. СПб., 1971. № 3. С. 20–35.
2. Верхожин С. С. О статусе количественных методов в лингвистике // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 3. С. 145–149.
3. Дунаева Н. И., Суворова О. В. Проблема конкурентоспособности личности студента в условиях образовательной среды вуза в отечественных и зарубежных исследованиях // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8, № 1. С. 1–11. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-1-8
4. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Рус. яз., 1980. 253 с.
5. Звегинцев В. Теоретические аспекты причинности языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 124–142.
6. Ивашкин М. П. Синхронно-диахронический анализ переходных процессов в английском языке. М.: Наука, 1988. 172 с.
7. Малышева Е. Ю., Цветкова С. Е. Проблемы языковой вариативности на примере структурно-вероятностного анализа пассива в диалогической речи американской и британской художественной литературы XIX–XX вв. и их источников перевода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 8 (151). С. 123–129.
8. Малышева Е. Ю., Цветкова С. Е. О некоторых основаниях и условиях вероятно-статистического анализа // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода: Сб. науч. статей по материалам III Междунар. науч.-практ. конф.: В 2 т. / Под общ. ред. Т. В. Дубровской. Пенза, 2019. Т. 1. С. 258–262.
9. Малышева Е. Ю., Цветкова С. Е. Статистические методы исследования авторской речи американской и британской художественной прозы XIX–XX вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 9 (172). С. 143–151.
10. Мартине А. Структурные вариации в языке // Новое в лингвистике. Вып. 4. М., 1963. С. 449–464.
11. Покровский М. М. Язык. Культура. Познание. М.: Наука, 1995. 382 с.
12. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.
13. Смирнова Ж. В., Красикова О. Г. Современные средства и технологии оценивания результатов обучения // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6, № 3. С. 9–10. DOI: 10.26795/2307-1281-2018-6-3-9
14. Фрумкина Р. М. Применение статистических методов в языкознании // Вопросы языкознания. 1960. № 4. С. 129–133.

Поступила в редакцию 17.07.2024; принята к публикации 31.01.2025

Original article

Elena Yu. Malysheva, Senior Teacher, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-4446-4013; el.malischewa2014@yandex.ru

Svetlana R. Sharifullina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
svetshar@yandex.ru

STRUCTURAL AND PROBABILISTIC RESEARCH OF PASSIVE VERBS IN AMERICAN AND BRITISH PROSE

Abstract. The article presents a systematic description of the voice in the English language, shedding light on its historic development by using the method of structural and probabilistic analysis. The purpose of the work is to analyze the frequency of the use of passive constructions in English-language literary texts and to study them across four synchronic sections. The research novelty stems from the fact that it traces the verbal functioning of the passive voice and reveals similarities and differences between the reasons affecting the distribution of passive constructions in various genres of fiction. The analysis also addresses the interdependence between the grammatical structure of the text and its content, including genre affiliation and the nature of changes in lexical composition over time. An attempt is made to establish linguistic trends and investigate their implementation in speech, as well as to trace the mechanisms of language evolution. For the most complete disclosure of the course of historical linguistic changes, a comparative analysis of the states of the language in different time periods was conducted. This gives a comprehensive picture of the use of the voice system in the standard English language during two centuries (or more precisely, four half-centuries).

Keywords: sublanguage distribution, all-English indicator, panchronic indicator, paradigmatic list, syntagmatic quantity, diachronic study, synchronic section

For citation: Malysheva, E. Yu., Sharifullina, S. R. Structural and probabilistic research of passive verbs in American and British prose. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):29–38. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1159

REFERENCES

1. Bondarko, A. V. Toward the field theory in grammar – voice and the category of voice (a study of the Russian language). *Topics in the Study of Language*. St. Petersburg, 1971;3:20–35. (In Russ.)
2. Verkhozin, S. S. On quantitative methods in linguistics. *Vestnik of Irkutsk State Linguistic University*. 2013;3:145–149. (In Russ.)
3. Dunaeva, N. I., Suvorov, O. V. The problem of the competitiveness of the student's personality in the educational environment of the university in domestic and foreign studies. *Vestnik of Minin University*. 2020;8(1):1–11. DOI: 10.26795/2307-1281-2020-8-1-8 (In Russ.)
4. Denisov, P. N. Vocabulary of the Russian language and the principles of its description. Moscow, 1980. 253 p. (In Russ.)
5. Zvegintsev, V. Theoretical aspects of the causality of linguistic changes. *New developments in linguistics*. Issue 3. Moscow, 1963. P. 124–142. (In Russ.)
6. Ivashkin, M. P. Synchronous diachronic analysis of transient processes in the English language. Moscow, 1988. 172 p. (In Russ.)
7. Malysheva, E. Yu., Tsvetkova, S. E. Issues of language varieties by the example of the structural and probabilistic analysis in the dialogic speech of the American and British fiction of the XIX–XX centuries and their sources of translation. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2020;8(151):123–129. (In Russ.)
8. Malysheva, E. Yu., Tsvetkova, S. E. The grounds and conditions of probabilistic and statistical analysis of the language. *Modern trends in linguistic and language teaching: the problem of methods: Proceedings of the III international research and practical conference: In 2 vols*. Penza, 2019. Vol. 1. P. 258–262. (In Russ.)
9. Malysheva, E. Yu., Tsvetkova, S. E. The statistical methods of the study of the author's speech of the American and British fictional prose in the XIX–XXth centuries. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2022;9(172):143–151. (In Russ.)
10. Martine, A. Structural variations in language. *New developments in linguistics*. Issue 4. Moscow, 1963. P. 449–464. (In Russ.)
11. Pokrovsky, M. M. Language. Culture. Cognition. Moscow, 1995. 382 p. (In Russ.)
12. Polivanov, E. D. Articles on general linguistics. Moscow, 1968. 376 p. (In Russ.)
13. Smirnova, Zh. V., Krasikova, O. G. Modern tools and technologies for assessing learning outcomes. *Vestnik of Minin University*. 2018;6(3):9–10. DOI: 10.26795/2307-1281-2018-6-3-9 (In Russ.)
14. Frumkina, R. M. Application of statistical methods in linguistics. *Topics in the Study of Language*. 1960;4:129–133. (In Russ.)

Received: 17 July 2024; accepted: 31 January 2025

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ФИРСТОВ

старший преподаватель кафедры немецкого языка и перевода переводческого факультета
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Российская Федерация)
mfirstov@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-РИТУАЛЬНАЯ УСТНАЯ МОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ КАК ВЕРБАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ КОММЕМОРАТИВНОЙ ТРАДИЦИИ

А н н о т а ц и я . Новизна работы определяется тем, что феномен коммеморации, оставаясь предметом изучения в рамках философии, социологии, антропологии, практически не рассматривался с точки зрения лингвистики. В то же время именно лингвистический анализ коммеморативных текстов позволяет выявить их структурные особенности на разных уровнях текста, чем и объясняется актуальность исследования. Цель работы – рассмотреть социально-ритуальную устную публичную речь как вербальную часть коммеморативного ритуала. Гипотеза работы состоит в том, что в социально-ритуальной устной публичной речи в рамках коммеморативного ритуала вербализуются параметры, выделяемые для социально-ритуальной речи в целом: связь с формальным поводом, оказывающим определяющее влияние на содержание и форму речи, повторяемость, практически полное отсутствие новой информации, эмоциональность. Задачи исследования: проследить в коммеморативной социально-ритуальной речи параметры, характерные для устных монологических социально-ритуальных текстов, выявить средства их вербализации на уровне композиции текста, лексики и синтаксиса. Материалом исследования послужил корпус текстов выступлений председателя парламента ФРГ в День памяти жертв национал-социализма, представляющих собой неотъемлемую часть германской коммеморативной традиции. Используя метод контент-анализа эмпирического материала, автор демонстрирует характерные черты социально-ритуальных устных монологических публичных выступлений в рамках ритуалов коммеморации, останавливаясь на обязательных для такого рода текстов содержательных составляющих: репрезентации принятой в традиции трактовки исторических событий, элементах, поддерживающих сплоченность в социуме на основании общего аксиологического базиса и способствующих дальнейшему сохранению коммеморативной традиции, связи исторического опыта с современностью, имеющей целью подчеркнуть актуальность рассматриваемого фрагмента коллективной исторической памяти для настоящего и будущего социума. В ходе проведенного анализа удалось подтвердить гипотезу исследования: параметры, характерные для устных монологических социально-ритуальных текстов, явно прослеживаются в публичных выступлениях, представляющих собой вербальную часть ритуала коммеморации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : коммеморация, ритуал, коллективная память, устная монологическая публичная речь, социально-ритуальный текст, эмоциональное воздействие

Д л я ц и т и р о в а н и я : Фирстов М. С. Социально-ритуальная устная монологическая публичная речь как вербальный элемент коммеморативной традиции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1160

ВВЕДЕНИЕ

Феномен коллективной памяти и коллективного обращения к ней (коммеморации) преимущественно рассматривается в рамках философии, социологии, антропологии, культурологии и т. д. В лингвистике сам термин «коммеморация» употребляется лишь спорадически и продолжает нуждаться в некоторой адаптации [1: 66]. Е. С. Кубрякова отмечает:

«Как это ни парадоксально, даже в лучших работах по современной лингвистике понятие памяти либо вообще не разъясняется, либо оно упоминается вскользь, либо, наконец, не входит в арсенал исходных терминов» [5: 359].

Между тем анализ процесса порождения и восприятия коммеморативных текстов, с нашей точки зрения, требует не только культурологического и антрополого-философского, но и лингвистического подхода.

В предлагаемой работе мы сознательно ограничимся анализом устных монологических публичных текстов, представляющих собой вербальный элемент коммеморативных ритуальных практик. Применительно к такого рода текстам нам трудно согласиться с Е. П. Мурашовой в ее трактовке термина «коммеморация» в контексте лингвистики. Исследователь отмечает, что

«лингвистическая трактовка коммеморации становится возможной и необходимой благодаря тому, что воспоминание, как правило, опосредуется коммуникацией на естественном языке и выступает реакцией на коммуникативный стимул. В большинстве случаев коммуникативным стимулом коммеморации выступает прецедентное имя, обозначающее персоналию, явление или событие прошлого» [11: 67].

С нашей точки зрения, такого рода стимулом в коммуникативной ситуации коммеморативного ритуала выступает отнюдь не слово («прецедентное имя, обозначающее персоналию, явление или событие прошлого» [11: 67]), а сам факт участия в коммеморативном ритуале. Вербальная же часть ритуала в целом носит вторичный и необязательный характер [10: 51].

В целях рассматривания монологических текстов, представляющих собой вербальную часть коммеморативного ритуала, полезно обратиться к проблеме классификации устных монологических публичных текстов в целом, которую мы рассматривали в ряде предыдущих работ [13], [14], [15]. Полезным и продуктивным нам представляется классифицировать такого рода тексты в зависимости от их базовой коммуникативной функции, определяющей их лингвофилософские параметры.

В рамках подобной классификации мы предлагаем делить такие тексты на те, которые предназначены в первую очередь для передачи новой информации, то есть для формирования, изменения или дополнения картины мира реципиента (иными словами, характеризующиеся внешней направленностью: взгляд адресанта и адресата направлен на окружающий мир), и те, которые своей целью ставят поддержание статус-кво (сплоченности в социальной группе, приверженности определенным, уже известным адресанту и адресату, представлениям о мире, традициям, ценностям, идеалам, моделям поведения и т. п.). В последнем случае мысленный взор адресата имеет внутреннюю направленность, то есть обращен внутрь социальной группы, к которой принадлежат и адресат, и адресант. Если коммуникативная цель отправителя текста первой группы состоит в том, чтобы за счет новой информации привести картину мира получателя в динамику, то адресант второй группы, напротив, стремится зафиксировать и укрепить уже сложившуюся

(статичную) картину мира реципиента или отдельные ее элементы (в терминологии У. Липпмана – «стереотипы» [8: 93 и далее]), придать жизни «форму» (по выражению Дж. Кэмпбелла [7: 66]).

Тексты первой группы мы предлагаем условно обозначить как информационные, второй – как социально-ритуальные. Внутри этих двух групп возможна и необходима дальнейшая классификация, которую, с нашей точки зрения, для группы социально-ритуальных текстов имеет смысл построить на основании подхода, сформулированного Э. Дюркгеймом и его последователями применительно к ритуальным действиям. В частности, исследователи выделяют ритуалы перехода, а также кризисные, календарные и коммеморативные ритуалы, причем последние в ряде случаев можно рассматривать как разновидность календарных ритуалов [4].

Коммеморативные ритуалы (как и другие виды ритуалов), обычно (хотя и не всегда) включают в себя вербальную составляющую, то есть тексты, которые и являются объектом предлагаемого исследования.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И КОММЕМОРАТИВНЫЙ РИТУАЛ

В самом широком смысле ритуал представляет собой систему запретов и предписаний, поддерживаемых традицией и создающих эффект хронотопа, то есть зависимости определенных действий от времени и места [6: 104–105]. Само время совершения ритуала Н. Б. Мечковская обозначает как «“точечное”, а не длящееся время» [10: 98]. Ритуал вызывает определенные эмоции, исключая или ограничивая рациональный взгляд на предмет. Таким образом, без необходимости приводить какие бы то ни было рациональные обоснования, ритуал связывает настоящее с прошлым, а личность с коллективом, способствуя укреплению чувства социальной сплоченности (см., например, [11: 66]). Именно поддержание морального единства и солидарности социальной группы – первичная цель ритуала [3: 152]. При этом, как справедливо отмечает А. Ассман, индивид усваивает общенациональную память именно через ритуалы [1: 225], в ходе которых «множество индивидуальных воспоминаний» превращаются «в совместное памятование, чтобы в стилизованной символической форме сделать его доступным для следующих поколений» [2: 260].

Рассматривая подход Э. Дюркгейма к проблеме коллективной памяти, А. Васильев подчеркивает:

«Для поддержания стабильности общества, для того чтобы его члены ощущали солидарность и историческую преемственность существования своей группы,

они должны помнить определенные вещи определенным образом» [3: 146].

Именно с этой целью хронотоп ритуала и используется в государственной политике [6: 105], [9: 72, 75]. Для этого необходимо создать у общества соответствующие стереотипы. Когда стереотипы созданы и закреплены в сознании, «наше внимание привлекают те факты, которые системе поддерживают, и рассеивают те, что ей противоречат» [8: 135]. Таким образом, у социальной группы складывается некое общепринятое для данного коллектива нормативное восприятие событий прошлого как продукт социального консенсуса.

Коммеморативные ритуалы существуют для того, чтобы укрепить и освежить коллективную память об историческом событии. Исследователи подчеркивают, что такого рода ритуалы жизненно необходимы для сохранения исторической памяти, поскольку без них «не так заметны памятники», «забываются траурные даты» и т. п. [6: 223]. При этом коммеморативные ритуальные практики, бытующие в обществе, свидетельствуют не только о том, как общество представляет себе свое прошлое, но и о том, каких принципов и ценностей оно придерживается в настоящем и какие цели ставит на будущее. «Коммеморация не сводится к вспоминанию прошлого, но погружает прошлое в контекст настоящего времени и привлекает его для обслуживания текущей идеологии» [11: 68]. Применительно к рассматриваемому нами коммеморативному ритуалу эта цель была поставлена эксплицитно: «Wir wollen Lehren ziehen, die auch künftigen Generationen Orientierung sind» (Herzog, 19.01.1996)¹. В основе любого ритуала лежит сложившаяся традиция. В идеале ритуал неизменен, он строится на повторяемости как в рамках конкретного ритуального акта, так и в рамках ритуальной традиции в целом. Этот принцип повторяемости характеризует и вербальную часть ритуала, представленную социально-ритуальными текстами. В реальности образ прошлого, отраженный в ритуале, и сам ритуал могут меняться с трансформацией самого общества: «История в том виде, как ее рассказывают <...> позволяет одновременно узнать и то, что общество думает о себе, и то, как с течением времени изменяется его положение» [12: 9].

РИТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ: ДЕНЬ ПАМЯТИ ЖЕРТВ НАЦИЗМА

Наше исследование посвящено ритуальной традиции, сложившейся в связи с Днем памяти жертв нацизма 27 января. Начало тради-

ции было положено почти три десятилетия назад. Инициатива исходила от тогдашнего председателя Центрального совета евреев Германии Игнаца Бубиса и получила поддержку депутатов Бундестага. По просьбе депутатов Федеральный президент ФРГ Роман Херцог в начале 1996 года объявил 27 января Днем памяти жертв национал-социализма («Tag des Gedenkens an die Opfer des Nationalsozialismus»). Федеральный президент сформулировал цели, связанные с этой традицией, следующим образом:

«Die Erinnerung darf nicht enden; sie muss auch künftige Generationen zur Wachsamkeit mahnen. Es ist deshalb wichtig, nun eine Form des Erinnerns zu finden, die in die Zukunft wirkt. Sie soll Trauer über Leid und Verlust ausdrücken, dem Gedenken an die Opfer gewidmet sein und jeder Gefahr der Wiederholung entgegenwirken» (Herzog, 12.01.1996).

Председатель Германского Бундестага Рита Зюсмут так описала смысл предложенной инициативы:

«Je größer der zeitliche Abstand, je kleiner der Kreis der Zeitzeugen, desto nachhaltiger stellt sich die Frage: Wie wird die Erinnerung wachgehalten? Gedenktage allein sind keine Gewähr gegen das Vergessen. Ob sie das bewirken, was wir von ihnen erwarten, hängt davon ab, inwieweit es uns selbst ein wichtiges Anliegen ist und dieses auch nachfolgenden Generationen nahegebracht werden kann» (Süssmuth, 23.01.1996).

Здесь Роман Херцог и Рита Зюсмут останавливаются на чрезвычайно важной для коллективной исторической памяти проблеме: как сохранить в обществе память об историческом событии, живых свидетелей которого не осталось или почти не осталось, когда, по меткому выражению историка Р. Козеллика, на место памяти приходит история [1: 222]? Какие инструменты могут быть использованы для того, чтобы привлечь внимание новых поколений к событиям, которые не воспринимаются ими как часть собственной жизни или жизни знакомых им лично людей, в частности членов семьи? Не случайно начало описываемой традиции было положено именно в 1990-е годы, когда живая память о событиях Второй мировой войны и трагедии Холокоста начала становиться историей.

С 1996 года в Германском парламенте ежегодно проводятся траурные мероприятия, приуроченные к годовщине освобождения лагеря Освенцим войсками 1-го Украинского фронта РККА 27 января 1945 года. В 2005 году Генеральная ассамблея ООН провозгласила 27 января Международным днем памяти жертв Холокоста («International Day of Commemoration in Memory of the Victims of the Holocaust»). За прошед-

шие десятилетия в Германии сложилась определенная ритуальная практика («ein gewisser formalisierter Ablauf» [16], см. также [2: 260]). После выступления председателя Бундестага слово предоставляется Федеральному президенту ФРГ или приглашенному гостю. В разные годы такими гостями были политики, ученые, деятели культуры из разных стран, многие из которых пережили Вторую мировую войну и Холокост. В 2014 году, в семидесятую годовщину снятия блокады Ленинграда, с речью перед депутатами Бундестага выступил российский писатель, автор «Блокадной книги» Даниил Гранин.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ БУНДЕСТАГА КАК НЕИЗМЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ РИТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

С точки зрения ритуальной традиции особый интерес для анализа представляет предваряющая выступление гостя речь Председателя Бундестага, которую можно рассматривать как неизменную, инвариантную часть ритуала. В 1996–1998 годах в этом качестве выступала Рита Зюсмут, в 1999–2005 годах – Вольфганг Тирзе, с 2006 по 2017 год эту речь произносил Норберт Ламмерт, с 2018 по 2021 год – Вольфганг Шойбле, с 2022 года – Бербель Бас. Подчеркнем, что, как и в любом ритуальном выступлении, основную роль в данном случае играет не личность оратора, а функция, которую он выполняет в ритуальной традиции. Сама речь, произносимая по формальному поводу, характеризуется значительным (если не определяющим) влиянием стандарта, повторяемостью и предсказуемостью, то есть соответствует ожиданиям слушателей [2: 260]. Состав участников ритуального действия варьируется в минимальной степени, по этой причине стандартным остается и обращение, которым Председатель Бундестага начинает свое выступление:

«Sehr geehrter Herr Bundespräsident, Frau Bundeskanzlerin, Frau Bundesratspräsidentin, Herr Präsident des Bundesverfassungsgerichts, Exzellenzen, verehrte Gäste, liebe Kolleginnen und Kollegen!» (Lammert, 27.01.2017; ср. также: Schäuble, 31.01.2018; Bas, 27.01.2023).

Неизменным элементом в выступлении Председателя Бундестага будет блок, посвященный перечислению жертв нацистской диктатуры. При этом список пострадавших от речи к речи (и от оратора к оратору) изменяется в минимальной степени:

«Wir gedenken <...> aller Opfer der nationalsozialistischen Gewaltherrschaft. Wir gedenken der Juden, der Sinti und Roma, der Kranken, der Menschen mit Behinderungen, der aus politischen oder religiösen Motiven Verfolgten, der

Homosexuellen und all derer, die Opfer des NS-Regimes und des von Deutschland ausgehenden Vernichtungskrieges wurden» (Lammert, 27.01.2011; ср. также: Lammert, 27.01.2017; Schäuble, 31.01.2018; Schäuble, 27.01.2021; Bas, 27.01.2022; Bas, 27.01.2023).

Отметим, что в 2015, 2017, 2018, 2023 и 2024 годах в списке жертв отдельно упоминаются свидетели Иеговы, подвергавшиеся преследованиям в гитлеровской Германии за пацифизм и отказ признавать законность нацистского режима. В 2007, 2013, 2017, 2019, 2023 и 2024 годах особо упомянуты жертвы нацистской программы эвтаназии. Номинативный стиль подобного перечисления способствует нарастанию напряжения у слушателей.

Часто оратор упоминает и о борцах антифашистского сопротивления:

«Wir gedenken auch derjenigen, die mit dem Leben bezahlten, weil sie Widerstand leisteten oder verfolgten Menschen Schutz und Hilfe gewährten» (Lammert, 27.01.2009; ср. также: Lammert, 27.01.2010, Lammert, 27.01.2014; Lammert, 27.01.2015).

Обычно также повторяется блок, посвященный описанию страданий жертв нацистской диктатуры:

«Wir gedenken <...> all jener, die in Auschwitz, Treblinka, Belzec und in den anderen Vernichtungslagern ermordet wurden, die erschossen, vergast, erschlagen, verbrannt, durch Zwangsarbeit vernichtet wurden, die verhungert sind» (Lammert, 27.01.2014; ср. также: Lammert, 27.01.2017; Lammert, 27.01.2015; Bas, 27.01.2022).

Здесь нагнетание напряжения достигается уже за счет перечисления глагольных конструкций.

В центре внимания в ходе траурных мероприятий находятся жертвы Холокоста. В то же время еще в 1996 году, закладывая начало коммеморативной традиции, Федеральный президент Роман Херцог подчеркнул: «“Opfer des Holocaust” wäre ein zu enger Begriff gewesen, weil die nationalsozialistische Rassenpolitik mehr Menschen betroffen hat als die Juden» (Herzog, 19.01.1996). Соответственно, в отдельные годы траурные мероприятия посвящались другим группам жертв нацизма. В частности, в 2011 году это были представители цыганских народов синти и рома, в 2014 году – ленинградцы, погибшие и пострадавшие во время блокады, в 2018 году – жертвы программы эвтаназии. В своей речи выступающий нередко проводит параллель между этими группами жертв и жертвами Холокоста:

«Zwischen “Euthanasie” und dem Völkermord an den europäischen Juden bestand ein enger Zusammenhang. Als “Probelauf zum Holocaust” gilt das Töten durch Gas, das zuerst bei den “Euthanasie”-Opfern praktiziert und damit zum Muster für den späteren Massenmord in den NS-Ver-

ichtungslagern wurde» (Schäuble, 31.01.2018, ср. также: Lammert, 27.01.2014. Lammert, 27.01.2011).

Практически в каждом выступлении председателя Бундестага подчеркивается значимость сохранения памяти о преступлениях нацизма («Je weiter die Zeit des Nationalsozialismus zurückliegt, desto wichtiger wird die Erinnerung» (Schäuble, 31.01.2018)), в особенности среди представительей молодого поколения:

«Dass gerade junge Menschen sich mit dem Holocaust auseinandersetzen, ist umso wichtiger, als die Zahl der Zeitzeugen immer kleiner wird. So ist es zunehmend die Aufgabe der Nachgeborenen, die Erinnerung wachzuhalten und auch das eindrucksvolle Werk der Versöhnung zu ihrem eigenen Anliegen zu machen» (Lammert, 27.01.2011).

Выступающий также отмечает, что нынешнее поколение немцев не виновато в преступлениях нацизма, однако несет ответственность за сохранение памяти о них и за то, чтобы они никогда больше не повторились:

«Wir gedenken nicht als persönlich Schuldige. Aber aus der Schuld, die Deutsche in den zwölf Jahren der NS-Diktatur auf sich geladen haben, wächst uns nachfolgenden Generationen eine besondere Verantwortung zu» (Schäuble, 31.01.2018; ср. также: Lammert, 27.01.2011; Herzog, 19.01.1996).

На философских основах такого подхода к вопросу о вине и ответственности, восходящих к Карлу Ясперсу и его ученице Ханне Арендт, Председатель Бундестага Норберт Ламмерт подробно остановился в своем выступлении 27 января 2006 года. Ясперс непосредственно после окончания войны подчеркивал прямую связь между возможностью выстроить в Германии демократическое общество и открытым обсуждением вопроса вины за преступления нацизма. Сейчас, через несколько поколений, вопрос вины и ответственности германского общества, разумеется, ставится иначе, чем в сороковые и пятидесятые годы, однако остается актуальным для сохранения и развития демократии в Германии:

«Heute müssen wir parlamentarische Demokratie in Deutschland nicht mehr aufbauen, aber wir wollen sie erhalten und fortentwickeln und vor allem schützen <...> Dass sich Auschwitz nicht wiederholt, ist in unserer aller Verantwortung. <...> Deswegen wird diese Schuld auch weiterhin unser Denken, unsere Sprache und unser Handeln bestimmen» (Lammert, 27.01.2006).

Часто Председатель Бундестага подчеркивает важность работы с молодежью (в том числе из других стран) для сохранения исторической памяти, когда живых свидетелей Второй мировой войны и нацистской диктатуры уже не остается:

«Vergangenheitsbearbeitung und Zukunftsgestaltung sind gerade mit der Jugend zu leisten» (Süssmuth, 27.01.1997; ср. также: Süssmuth, 27.01.1998; Lammert, 27.01.2006).

Наконец, как правило, в выступлении Председателя Бундестага присутствует фрагмент, посвященный сегодняшним проблемам в Германии. Так, в 2021 году Вольфганг Шойбле подчеркнул, что траурные мероприятия проводятся в особых условиях пандемии коронавируса:

«Wir gedenken alljährlich am 27. Januar aller dieser Opfer des Nationalsozialismus – in diesem Jahr unter den Bedingungen der Corona-Pandemie. Viele Gäste, die wir gern bei uns gehabt hätten, – unter ihnen Überlebende der Konzentrationslager –, können die Gedenkstunde leider nur aus der Ferne verfolgen. Sie alle sollen wissen: Wir sind in Gedanken auch bei Ihnen, gerade an diesem besonderen Tag» (Schäuble, 27.01.2021).

В том же выступлении он остановился на случаях проявления антисемитизма в Германии:

«Auch bei uns zeigen sich Antisemitismus und Fremdenfeindlichkeit wieder offen, hemmungslos – und gewaltbereit. Jüdische Einrichtungen müssen von der Polizei geschützt werden. Juden verstecken ihre Kippa und verschweigen ihre Identität. In Halle entkam die jüdische Gemeinde nur durch einen Zufall einem mörderischen Anschlag. Nach Jahrzehnten der Zuwanderung denken deutsche Juden über Auswanderung nach» (Schäuble, 27.01.2021, см. также: Bas, 27.01.2022; Bas, 27.01.2023; Bas, 27.01.2024).

Проблемы проявления ксенофобии в Германии затрагивает Ноберт Ламмерт:

«Die von Fremdenhass getriebenen Morde an Bürgern türkischer und griechischer Herkunft, von rassistischen Parolen begleitete Proteste gegen Flüchtlingsheime, jede antisemitische Straftat – jede! – fordern unsere rechtsstaatliche, politische und zivilgesellschaftliche Gegenwehr als Demokraten heraus» (Lammert, 27.01.2014).

О ксенофобии говорит и Вольфганг Шойбле:

«Es muss uns aber beunruhigen, wenn Angriffe auf Zuwanderer, auf Flüchtlinge und deren Unterkünfte stillschweigend oder gar laut gebilligt werden» (Schäuble, 31.01.2018).

В 2024 году Бербель Бас упомянула об атаке Хамас на Израиль в октябре 2023 года:

«Judenhass ist kein Problem nur der Vergangenheit. Antisemitismus ist ein Problem der Gegenwart. Das zeigt sich insbesondere in erschreckender Weise seit dem 7. Oktober, seit dem barbarischen Hamas-Terrorangriff auf Israel» (Bas, 31.01.2024).

Таким образом, в ходе коммеморативного ритуала подчеркивается связь с современностью (ср. [11: 68]) и важность сохранения памяти об исторических событиях, которым посвящен ритуал.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, можно выделить некоторые обязательные элементы, входящие в состав вербальной части коммеморативной ритуальной традиции:

ции, сложившейся в связи с Днем памяти жертв нацистской диктатуры:

1. Обращение к историческим событиям, которым посвящен ритуал (в частности, перечисление жертв нацистского режима, описание страданий жертв).

2. Вопрос о вине за совершенные преступления и ответственности за сохранение исторической памяти.

3. Подчеркивание важности работы с молодежью с целью сохранения исторической памяти в будущем.

4. Связь с текущим моментом и проблемами в германском обществе, делающими вопрос сохранения исторической памяти не менее важным и актуальным, чем прежде.

Таким образом, на примере описанной коммеморативной традиции можно наблюдать признаки, характерные для коммеморативных ритуалов (вербализованные элементы ретроспективы с одновременным погружением прошлого в контекст настоящего), а также параметры, характерные для устных монологических публичных выступлений с доминирующей социально-ритуальной функцией в целом: жесткую связь с формальным поводом, следование устоявшемуся стандарту (повторяемость), безальтернативность, основанную на разделяемой адресантом и реципиентами единой системе ценностей (аксиологичность), внутреннюю направленность и эмоциональность, подкрепляемую широким использованием эстетических средств.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Источники: Bas, 27.01.2022. Begrüßung der Bundestagspräsidentin Bärbel Bas zum Tag des Gedenkens an die Opfer des Nationalsozialismus am 27. Januar 2022: <https://www.bundestag.de/parlament/praesidium/reden/2022/20220126-879202>

Bas, 27.01.2023. 27. Januar – Tag des Gedenkens an die Opfer des Nationalsozialismus Gedenkstunde des Deutschen Bundestages am 27. Januar 2023. Ansprache der Präsidentin des Deutschen Bundestages, Bärbel Bas: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/27-januar-tag-des-gedenkens-an-die-opfer-des-nationalsozialismus-gedenkstunde-des-deutschen-bundestages-am-27-januar-2023-2161194>

Bas, 31.01.2024. Tag des Gedenkens an die Opfer des Nationalsozialismus – Gedenkstunde des Deutschen Bundestages am 31. Januar 2024. Ansprache der Präsidentin des Deutschen Bundestages, Bärbel Bas: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/bas-gedenken-2257446>

Herzog, 12.01.1996. 27. Januar – Tag des Gedenkens für die Opfer des Nationalsozialismus – Proklamation des Bundespräsidenten. Bulletin 03–96: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/27-januar-tag-des-gedenkens-fuer-die-opfer-des-nationalsozialismus-proklamation-des-bundespraesidenten-805822>

Herzog, 19.01.1996. Ansprache von Bundespräsident Roman Herzog zum Gedenktag für die Opfer des Nationalsozialismus im Deutschen Bundestag, 19.01.1996: https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Roman-Herzog/Reden/1996/01/19960119_Rede.html

Lammert, 27.01.2006. Begrüßungsrede des Präsidenten des Deutschen Bundestages Dr. Norbert Lammert, zur Gedenkstunde des Deutschen Bundestages zum “Tag des Gedenkens an die Opfer des Nationalsozialismus” am 27. Januar 2006: <https://webarchiv.bundestag.de/archive/2006/0202/parlament/praesidium/reden/2006/002.html>

Lammert, 27.01.2009. Rede von Bundestagspräsident Dr. Norbert Lammert zum “Tag des Gedenkens an die Opfer des Nationalsozialismus” im Deutschen Bundestag, 27.01.2009: <https://www.bundestag.de/parlament/praesidium/reden/2009/002-247390>

Lammert, 27.01.2010. Rede von Bundestagspräsident Prof. Dr. Norbert Lammert zum “Gedenktag für die Opfer des Nationalsozialismus” am 27. Januar 2010: <https://www.bundestag.de/parlament/praesidium/reden/2010/01-248104>

Lammert, 27.01.2011. Rede von Bundestagspräsident Prof. Dr. Norbert Lammert zum “Gedenktag für die Opfer des Nationalsozialismus” am 27. Januar 2011: <https://www.bundestag.de/parlament/praesidium/reden/2011/002-249684>

Lammert, 27.01.2014. Rede von Bundestagspräsident Prof. Dr. Norbert Lammert zum “Gedenktag für die Opfer des Nationalsozialismus” am 27. Januar 2014: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/27-januar-tag-des-gedenkens-an-die-opfer-des-nationalsozialismus-gedenkstunde-des-deutschen-bundestages-am-27-januar-2014-ansprache-des-bundestagspraesidenten-dr-norbert-lammert--798900>

Lammert, 27.01.2015. Rede von Bundestagspräsident Prof. Dr. Norbert Lammert zum “Gedenktag für die Opfer des Nationalsozialismus” am 27. Januar 2015: <https://www.bundestag.de/parlament/praesidium/reden/2015/002-357470>

Lammert, 27.01.2017. Gedenkstunde im Deutschen Bundestag am 27. Januar 2017, Ansprache von Bundestagspräsident Norbert Lammert: <https://www.bundestag.de/parlament/praesidium/reden/2017/002-490682>

Schäuble, 31.01.2018. Tag des Gedenkens an die Opfer des Nationalsozialismus – Gedenkstunde des Deutschen Bundestages am 31. Januar 2018 – Rede des Bundestagspräsidenten Dr. Wolfgang Schäuble: <https://www.youtube.com/watch?v=nCD78mGo1XE>

Schäuble, 27.01.2021. Rede von Bundestagspräsident Dr. Wolfgang Schäuble zum Gedenken an die Opfer des Nationalsozialismus anlässlich der Gedenkstunde am 27. Januar 2021: <https://www.bundestag.de/parlament/presidium/reden/2021/20210127-818708>

Süssmuth, 23.01.1996. 27. Januar – Tag des Gedenkens an die Opfer des Nationalsozialismus – Veranstaltung im Deutschen Bundestag am 19. Januar 1996 – Erklärung der Bundestagspräsidentin. Bulletin 06–96.: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/27-januar-tag-des-gedenkens-an-die-opfer-des-nationalsozialismus-veranstaltung-im-deutschen-bundestag-am-19-januar-1996-erklaerung-der-bundestagspraesidentin-805854>

Süssmuth, 27.01.1997. Ansprache der Präsidentin des Deutschen Bundestages, Prof. Dr. Rita Süssmuth, in der Gedenkstunde des Deutschen Bundestages in Bonn am 27. Januar 1997: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/27-januar-tag-des-gedenkens-an-die-opfer-des-nationalsozialismus-gedenkstunde-des-deutschen-bundestages-ansprache-der-bundestagspraesidentin-804434>

Süssmuth, 27.01.1998. Gedenkstunde des Deutschen Bundestages in Bonn am 27. Januar 1998. Ansprache der Präsidentin des Deutschen Bundestages, Prof. Dr. Rita Süssmuth: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/27-januar-tag-des-gedenkens-an-die-opfer-des-nationalsozialismus-gedenkstunde-des-deutschen-bundestages-ansprache-der-bundestagspraesidentin-810258>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
2. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М.: НЛЮ, 2019. 552 с.
3. Васильев А. Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13, № 2. М.: ВШЭ, 2014. С. 141–167.
4. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.
5. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
6. Курилла И. Битва за прошлое: Как политика меняет историю. М.: Альпина Паблишер, 2022. 232 с.
7. Кэмпбелл Дж. Мифы для жизни. СПб.: Питер, 2019. 384 с.
8. Липпман У. Общественное мнение. М.: АСТ, 2023. 448 с.
9. Логунова Л. Ю. Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 69–75.
10. Мечковская Н. Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.
11. Мурашова Е. П. Основные признаки коммеморативного дискурса (на материале аутентичных англоязычных текстов) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 65–71.
12. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Книжный Клуб 36.6, 2014. 480 с.
13. Фирстов М. С. Некоторые особенности устного перевода социально-ритуальных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 102–108.
14. Фирстов М. С. Особенности устного перевода монологических публичных выступлений с доминирующей информационной коммуникативной функцией // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 130–135.
15. Фирстов М. С. Стилистика для устных переводчиков // Мосты. Журнал переводчиков. 2022. № 2 (74). С. 51–54.
16. Leichsenring J. Aktueller Begriff. 27. Januar – Tag des Gedenkens an die Opfer des Nationalsozialismus [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bundestag.de/resource/blob/589228/9d688645b4ef3201515bb480733086e9/kw05_nachbericht_gedenkstunde_aktueller_begriff.pdf (дата обращения 15.06.2024).

Поступила в редакцию 26.09.2024; принята к публикации 31.01.2025

Original article

Mikhail S. Firstov, Senior Lecturer, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
mfirstov@mail.ru

SOCIO-RITUAL ORAL MONOLOGICAL PUBLIC SPEECH AS A VERBAL ELEMENT OF COMMEMORATIVE TRADITION

Abstract. The novelty of the study is determined by the fact that the phenomenon of commemoration, while remaining a subject of philosophy, sociology, anthropology, has not been practically considered from the point of view of linguistics. At the same time, it is the linguistic analysis of commemorative texts that allows us to identify their

structural features at different levels of the text, which explains the relevance of the study. The aim of the study is to examine socio-ritual oral public speech as a verbal part of commemorative ritual. The hypothesis of the work is that socio-ritual oral public speech as a part of commemorative ritual verbalizes the parameters specific for socio-ritual speech in general: connection with the formal occasion, which eventually determines the content and form of the speech, repetition, almost complete absence of new information, and emotionality. The research objectives were to trace parameters typical for oral monological socio-ritual texts in commemorative socio-ritual speech, and identify the means of their verbalization at the level of text composition, lexicon, and syntax. The material for the study was comprised a corpus of speeches of the Chairman of the German Parliament on the Day of Remembrance for the Victims of National Socialism, which represent an integral part of the German commemorative tradition. Using the method of content analysis of empirical material, the author demonstrates the characteristic features of socio-ritual oral monologic public speeches as a part of commemorative rituals, focusing on the content components mandatory for this type of texts: representation of the traditionally accepted interpretation of historical events, elements that support cohesion in society on the basis of the common axiological basis and contribute to the further preservation of commemorative tradition, and connection of historical experience with modernity. The findings confirm the hypothesis of the study and suggest that parameters characteristic of oral monological socio-ritual texts are clearly traceable in public speeches representing the verbal part of commemorative ritual.

Key words: commemoration, ritual, collective memory, oral monological public speech, socio-ritual text, emotional impact

For citation: Firsov, M. S. Socio-ritual oral monological public speech as a verbal element of commemorative tradition. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1160

REFERENCES

1. Assmann, A. The long shadow of the past. Memorial culture historical policy. Moscow, 2014. 328 p. (In Russ.)
2. Assmann, A. The oblivion of history is the obsession with history. Moscow, 2019. 552 p. (In Russ.)
3. Vasiliyev, A. Embodied memory: commemorative ritual in sociology of Emile Durkheim. *Russian Sociological Review*. 2014;13(2):141–167. (In Russ.)
4. Durkheim, E. The elementary forms of religious life. Moscow, 2018. 736 p. (In Russ.)
5. Kubryakova, E. S. Language and knowledge: Towards knowledge of language: Parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in cognition of the world. Moscow, 2004. 560 p. (In Russ.)
6. Kurilla, I. The battle for the past: How politics is changing history. Moscow, 2022. 232 p. (In Russ.)
7. Campbell, J. Myths to live by. St. Petersburg, 2019. 384 p. (In Russ.)
8. Lippmann, W. Public opinion. Moscow, 2023. 448 p. (In Russ.)
9. Logunova, L. Yu. Family-patrimonial social memory: temporal subsistence and social resources. *Tomsk State University Journal*. 2014;379:69–75. (In Russ.)
10. Mechkovskaya, N. B. Language and religion. Lectures on philology and history of religions. Moscow, 1998. 352 p. (In Russ.)
11. Murashova, E. P. The main features of the commemorative discourse (an analysis of authentic English-language texts). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2024;6(887):65–71. (In Russ.)
12. Ferro, M. The use and abuse of history: Or how the past is taught. Moscow, 2014. 480 p. (In Russ.)
13. Firsov, M. S. Interpreting socio-ritual texts. Some features. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2023;13(881):102–108. (In Russ.)
14. Firsov, M. S. Interpreting public speeches with a dominant informative communicative function. Some features. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2024;5(886):130–135. (In Russ.)
15. Firsov, M. S. Stylistics for inerperters. *Bridges*. 2022;2(74):51–54. (In Russ.)
16. Leichsenring, J. Aktueller Begriff. 27. Januar – Tag des Gedenkens an die Opfer des Nationalsozialismus. Available at: https://www.bundestag.de/resource/blob/589228/9d688645b4ef3201515bb480733086e9/kw05_nachbericht_gedenkstunde_aktueller_begriff.pdf (accessed 25.09.2024).

Received: 26 September 2024; accepted: 31 January 2025

ИРИНА МИХАЙЛОВНА ГРИЦЕВСКАЯ

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-9061-5070; irgri@inbox.ru

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА БРОВКИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-7447-9585; tatjana-brovkina@rambler.ru

**«ВОПРОСОТВЕТЫ К КНЯЗЮ АНТИОХУ»
ПСЕВДО-АФАНАСИЯ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ПОЛЕМИЧЕСКОГО СОЧИНЕНИЯ**

А н н о т а ц и я . Исследуется характер использования фрагмента из древнейшего переводного памятника славянской книжности «Вопросоответы Псевдо-Афанасия Александрийского к князю Антиоху» в старообрядческом сочинении «От послания ко Антиоху князю». Данное сочинение, содержащее полемику против официальной церкви, ранее не изучалось и не публиковалось; известно по единственному списку из выговского по происхождению сборника БАН, собр. Дружинина, № 23 (60-е годы XVIII века). Poleмика направлена на критику доводов из антистарообрядческого издания Московского печатного двора 1682 года «Увет духовный». В результате анализа сделано предположение о периоде возникновения «От послания ко Антиоху князю» с 1682 года по первое десятилетие XVIII века. Выявлено цитирование старообрядческим книжником вопросоответа № 41, посвященного форме креста, как в адресате полемики («Увет духовный»), так и в самом старообрядческом полемическом тексте. Определены редакция и вид источника цитирования, высказано предположение о возможном соловецком его происхождении. Сделан вывод о бережном отношении к тексту и авторитетности этого источника.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Афанасий Александрийский, вопросоответы, старообрядческая книжность, старообрядческая полемика

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00205, <https://rscf.ru/project/23-28-00205/>.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Грицевская И. М., Бровкина Т. В. «Вопросоответы к князю Антиоху» Псевдо-Афанасия Александрийского как источник для старообрядческого полемического сочинения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 47–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1161

Сочинение Псевдо-Афанасия Александрийского «Вопросоответы к князю Антиоху» (*Quaestiones ad Antiochum ducem*; CPG 2257; далее – *Вопросоответы к Антиоху*) – византийский богословско-назидательный литературный памятник, представленный в виде пар вопросов и ответов; перевод памятника болгарский по происхождению, исследователи относят его возникновение к ранней эпохе славянской письменности. Полный текст сочинения включает в себя 137 вопросоответов, однако чаще встречаются варианты текста с меньшим набором пар [3: 43]. Содержание памятни-

ка посвящено объяснению догматов, толкованию Священного Писания, изложению эсхатологических и естественно-научных теорий, философско-этических проблем и др. *Вопросоответы к Антиоху* часто рассматриваются в связи с Изборниками 1073 и 1076 годов, так как тексты из них входили в состав этих древних славянских памятников.

Вопросоответы к Антиоху встречаются и в старообрядческой рукописной традиции XVIII–XX веков, причем книжники по-разному работали с ними. Одни включали в сборники почти полный ряд вопросоответов, другие составляли под-

борки из них, третьи переписывали отдельные вопросы, четвертые создавали на их основе собственные произведения [2: 201].

В настоящей работе рассмотрено использование вопроса № 41 в полемическом старообрядческом сочинении, которое называется «*В посланїа ко антїсѡхѣ кнзю · Вопросъ · мѧ*» (далее – «*От послания...*») и открывается инципитом «*Чѣсѣ ради вѣрнїи вси кресты оубо равнообразны крѣ тѣ хвѣ творимъ*». Это сочинение учтено в указателе В. Г. Дружинина по единственному известному ему списку¹, входившему в рукописный старообрядческий сборник из его же собрания, а именно БАН, собр. В. Г. Дружинина, № 23, л. 78–93 об. (в дальнейшем – Друж. 23) [2: 200, 210].

В описании старообрядческих рукописей БАН сборник датирован 60–70-ми годами XVIII века, притом высказано предположение о возможном выговском его происхождении [1: 122–126]. В сборник включены разнообразные материалы, по большей части связанные с ранней старообрядческой полемикой. Здесь имеются выписки из Апостола, Евангелия и творений отцов церкви о мучениках за веру и самоубийцах, сочинения авторства протопопа Аввакума, сочинения старообрядческих авторов, датируемые концом XVII – первой половиной XVIII века, например послание Петра Прокопьева Даниилу Викуличу, оправдывающее и поощряющее самоубийство во время гонения благочестия ради, сочинение Андрея Денисова «Слово обличительно на новые мудрецы», «Выговское увещательное написание», сочинение Трифона Петрова «Копие» и др.

Сочинение «*От послания...*», вошедшее в этот сборник, ранее не публиковалось и не исследовалось. Возможно, виной этому – название и инципит, наводящие на мысль о том, что представляемый текст не оригинальное произведение, но список фрагмента *Вопросоответов к Антиоху*.

Содержание данного сочинения в целом можно обозначить как полемику против «никониан», фальсифицирующих или же не понимающих древние свидетельства, идущие как от отцов церкви, так и от апостольских времен. Разбираются доводы, приведенные в антистарообрядческом сочинении «Увет духовный» (предположительное авторство Афанасия Холмогорского), которое было издано на Московском печатном дворе при патриархе Иоакиме² [6: 110: № 377] и содержало полемику против ранних апологетов старообрядчества Никиты Добрынина и монаха Сергия [8: 127].

В первой части «*От послания...*» приводится и комментируется вопрос № 41, использованный автором «Увета» для доказательства

истинности четырехконечного креста³. Это противоречит позиции старообрядцев, так как каноническим для них был крест восьмиконечный. Полемизируя с «Уветом духовным», старообрядческий автор «От послания...» объясняет текст вопроса тем, что в древнем авторитетном сочинении описание креста дано без деталей, для доказательства нехристианам⁴.

Во второй части анализируется имеющееся в «Увете» известие о якобы найденной в ризнице патриарха «руке апостола Петра», сложенной в троеперстие.

Когда и кем было написано сочинение «*От послания...*»? Ясно, что оно возникло не ранее 1682 года, поскольку содержит полемику на «Увет духовный», изданный в этом году. Какова же «верхняя» крайняя дата? Представляется, что текст создан до 10-х годов XVIII века, когда начались старообрядческие споры о титле на кресте [7], весьма острые и болезненные для поморской книжности. Тема титла, весьма заметная в старообрядческой литературе, никак не затронута в тексте. Таким образом, можно предположить, что сочинение «*От послания...*» было написано в промежутке между 1682 годом и 10-ми годами XVIII века.

При изучении «*От послания...*» возникает вопрос об источниках старообрядческого писателя и о методах использования им фрагмента из *Вопросоответов к Антиоху*. Как было сказано выше, текст «*От послания...*» включает цитирование вопроса № 41, содержащего рассуждения о строении креста. В предыдущей работе [2: 211] нами было установлено, что тексты из *Вопросоответов к Антиоху*, используемые старообрядческими авторами, могут быть соотнесены с разными редакциями и видами этого древнего болгарского перевода. Выделяются две редакции последнего: Преславская («Древнейшая») и Основная [4]. На Руси переписывались тексты обеих редакций. Фрагменты Преславской редакции включались в Измарагды и другие сборники; Основная редакция имела в русских списках начиная с середины XIV века в виде самостоятельного полного текста. В небольшом количестве списков был представлен особый вид Основной редакции (об этом виде см. [10: 228–230]). Текст этого вида известен по трем полным спискам: 1. Римский патерик, XIV век (Национальный музей г. Праги, NM IX.F.15, f.148–173v, далее – Римский патерик); 2. РГБ, ф. 205, № 189, XVI век, л. 118 об.–158 об. (далее – ОИДР № 189); 3. РНБ, собрание Соловецкого монастыря, № 1046, XVIII век. Соловецкий список был издан И. Я. Порфирьевым⁵ (далее – Порфирьев).

Говоря о составителе сочинения «От послания...», нельзя не отметить высокий статус составителя в дониконовской церковной иерархии: ему хорошо известен процесс учета и документирования в патриаршей ризнице. Он начитан, осведомлен о важнейших церковных документах, патриарших посланиях, изданиях Московского печатного двора. Об образованности автора и его знакомстве с современной литературой свидетельствует упоминание о Симеоне Полоцком (как о идейном противнике, стороннике реформ), о «софистических силлогисмах», которыми пользуются «никониане». Еще одна любопытная черта текста, пришедшая из латинской литературы, – наличие в нем квадратных скобок для добавления попутных замечаний.

Сравнивая текст из Друж. 23 с текстом из «Увета духовного», необходимо отметить небрежность и приблизительность цитирования в тексте, изданном на Московском печатном дворе, а также возможную попытку подтасовать

факты («на четыре страны разделяется» вместо «на двѣ онѣ дръвѣ раздѣливше»), что, как представляется, сделано в защиту идеи «четырёхконечного» креста.

Цитирование текста вопросаответа № 41 переписчиком Друж. 23 в оригинальном старообрядческом сочинении подтверждает тезис о распространённости *Вопросоответов к Антиоху* в старообрядческой книжности XVIII–XX вв. Очевидно бережное отношение к цитируемому тексту, точная его передача, что свидетельствует об авторитетности «Вопросоответов к князю Антиоху» Псевдо-Афанасия Александрийского для старообрядцев.

В приложении к настоящей работе публикуется текст «От послания...». Текст передается с сохранением орфографии подлинника, включая устаревшие и выносные буквы. Титла не раскрываются. Цифры переданы кириллическими буквами. Длина строки соответствует оригиналу; отмечены границы листов.

Приложение

БАН, собрание В. Г. Дружинина № 23

л. 78

Ѡ посланїа ко антїохѣ
кнзю · Вопросъ · Ѡа ·
Чессо ради вѣрнїи вси кре
сты оубо равнособразны
крѣтъ хѣвъ творїи; егдаго
же копїа егѡ и трости
и гѣбы равнособразїа не
сотворае, сѣа оубо сѣтъ
и та такоже крѣтъ ·
Здѣ смотри вопроса сегѡ
раздѣмъ опасно, потомъ
и ѡвѣтъ да разсмотрит са.
зри вопрошающаго раздѣ,
не вопрошае да каки подо
бе крѣтъ творити но ѡже
извѣщавае, чессо ради вѣрн
нїи вси, крѣты равнособразны
крѣтъ хѣвъ творїи, согласнѡ
с прочими бгословцы, и сей глѣ.
еже тогда баше оу нихъ во
сѣбї цркви оу всѣ вѣрны,
еже крѣты равнособразны
крѣтъ хѣвъ творили; понеже //

л. 78 об.

хѣсъ распал са на кѣпарисѣ
и певгѣ и кедрѣ, и в четве
рты верхѣ главы егѡ
баше дска привита ·
и вѣрнїи оубо тогда вси,
также сказѣтъ вопроша
аи, томъ крѣтъ хѣвъ крѣты
равнособразны творили;
сирѣчь, подобны томуоу,
трисоставныа крѣты,
и ѡ крѣтъ оубо такѡ по
вѣдаетъ · вопрошаеъ же

ѡ копїи и трости и гѣбы.
почто имъ равнособра
зїа не творимъ · но глѣт
оубо вопрошааи почто
не творимъ копїа и тро
сти и гѣбы, явѣ во Ѡ
словесѣ егѡ познае
т са такѡ творили, но
вопрошаеъ почто ра
внособразїа имъ не со
твораемъ · раздѣмъ же //

л. 79

вопроса сегѡ сицевъ, по
неже в цркви сѣбї изъ
древле, тако и нѣв. вѣ
рнїи хртїане, егда кре
стѣ гднь творатъ, тѣа
т са во всемъ равнособра
зны крѣтъ хѣвъ твори
ти, егда поставатъ
или начертатъ длин
ное древо мѣрою раз
мѣрою, верхѣ пречное
начертатъ, и дѣже
бы подовольно явило
рѣкъ распостертїе, и в
низѣ, в длинномъ, подно
жїе по размѣрѣ начер
таватъ, повыше пре
чнаго древа дцицѣ
написѣютъ, дабы ѡпа
сное равнособразїе в не
расплатно хѣвъ показо
вало са. копїе же, и тро
стѣ з гѣвою, егда пишѣтъ //

л. 79 об.

при крѣтъ, не пишѣтъ перво

свразнаго подобїа, поне же и копейнїи сосѣди не равнїи образѡ вѣсѣ бываю, овы четвероугранны, и ины триугранны, дрѣвїи же терпкїи и гладкїи, и ины инымы подобїе · такоже и тростїе не вѣсѣ единѣ подобїе бываю. и ѡ гѣ вѣсѣ тоже раздѣлѣнїи естѣ. но сегѡ не предаде цр҃квѣ стѣла · еже какова при распатїи быша копїе и трость и гѣба, давы имѣ равносвразїе со творасти; но точїю просто знаменѣю ко пїе и трость и гѣба. и пакїи при кр҃тѣ точїю пишѣ копїе и трость, без кр҃та же съсобь ни гдѣ на поклоненїе имѣ не сотворилю, //

л. 80

ѡ семѣ оубѡ и вопрошаѣ великаго афанасїа · чессѡ ради вѣрнїи вси кр҃ты оубѡ равносвразнїи крестѣ хвѣ творїи, стѣго же копїа егѡ и трости и гѣбы равносвразїа не сотвораѣ, стѣ оубѡ сѣтъ и то іакоже кр҃тѣ ·
 Увѣ велика афанасїа. Кр҃та оубѡ образѣ ѿ двою дрѣвѣ совокѣплагоще, внегда кто намѣ ѿ невѣрнїи поносї, іакоже дрѣвѣ кланнающїи са, можемѣ двѣ онѣ дрѣвѣ раздѣливше, и образѣ кр҃тнїи разоривше, не вѣрнагѡ оубѣщати, іако не древо чтемѣ, но крестнїи образѣ · ко пїем же или тростїю или гѣбою, се сотворити //

л. 80 об.

или показати не можем. ѡпасно и ѿвѣтѣ великогѡ афанасїа и с вопросом его совокѣплага · Не глѣ. оубѡ афанасїи, еже крестнїи образѣ ѿ двѣ дрѣвѣ точїю совокѣплагоще · подножїа же и дщицы не подобаѣ сотворати · но краткою рѣчїю глѣ ѡ кр҃тнѣ образѣ, іавѣ бо в вопросѣ извѣщено · іакѡ вси вѣрнїи кр҃ты равносвразнїи кр҃тѣ хр҃товѣ творимѣ · и тогѡ ради не изволи великїи оучитель, ѡ вѣхѣ дрѣва сказовати · то чїю ѡ болшихѣ ими же кр҃тѣ бываѣ · вѣдаше бо стїи, іакѡ вси вѣрнїи знають, что оубѡ кр҃та хр҃това естѣ //

л. 81

подножїе, и вверхѣ дѣска. [а такїи же подстрѣкателей ѡ кр҃тѣ гднї, влазнащїи са такимѣ подобїемѣ как сїмеонѣ полоцкой не было тогда] тогѡ ради нѣсть емѣ нѣжды ѡ семѣ многословити; но точїю к вопрошающе мѣ извѣстити, іакѡ аще невѣрнїи поносї іакѡ дрѣвѣ кланнаем са, можемѣ двѣ онѣ дрѣвѣ раздѣливше, и показати невѣрномѣ, іакѡ ѡсобно ко емѣждо дрѣвѣ не кланнаем са, но крестномѣ образѣ: кр҃тнїи иже образѣ в себѣ имѣ етѣ подножїе, и вверхѣ дѣска, иже никогда раздѣлают са ѿ гднѣ кр҃та · рекѣ оубѡ прѣчїи влѣка //

л. 81 об.

во іаже ѿ іоданна во сїценнѣ евлїи, азѣ и оцѣ єдино есмы: и не оуже кто и здѣ смѣтѣ подкопатїса, и рѣци іакѡ дх҃ стїи не єдино со оцѣмѣ и спомѣ. зане тѣ его спїсѣ не воспоманѣ, но всакѣ вѣрнїи бж҃твеннїи писанїи сн҃ыми воспитаннїи вѣстѣ. аще и спїсѣ краткословнѣ тѣ не воспоманѣ дх҃а, но іакѡ дх҃а никогда ѿ оцѣ и сн҃а раздѣлает са іакѡ єдинаго сн҃и с нїма бж҃тва · Такѡ аще и оцѣ афанасїи краткословїа ради не во споманѣ, подножїа и дѣски. но ѿ многїи бж҃твеннїи писанїи, іавѣ познаваѣт са, іакѡ подножїе и дѣска вышнаа ѿ кр҃та гднѣ, //

л. 82

никогда ѿлѣчуют са · за не кр҃тѣ трисоставнїи по григорїю синаїтѣ чѣстнѣ древо трїцы во нѣ сї трисоставнїи образѣ · и аще хоцѣши со истинною чѣсти вышѣреченнїи во просѣ · со вѣстом великагѡ афанасїа, соглашаа же егѡ с прочїими бж҃твеннїи писанїи и повѣствованїи · то не бѣдѣти никоегѡ совлазнѣ и преткновенїа · вопрошдаї рекѣ вѣрнїи вси кр҃ты равносвразнїи кр҃тѣ хр҃товѣ творимѣ. бѣди же вѣдда ѿ многїи бж҃твеннїи писанїи, іакѡ же выше ти іавлено іа

ко крѣтъ хрѣтовъ по про
рочествѣ истинѣ ѿ кѣ
париса и пегга и кедра //

л. 82 об.

в гдню смерть сотврѣ
вѣ · на нем же вверхѣ
дска прибѣна вѣ · то
мѣ крѣтъ гдню вопро
шай рекъ, равносвбра
зны крѣты вси вѣрнѣи
творимъ · еже естъ
трисоставныа крѣты
гдни · такоже и ѿвѣ
тъ чти здравымъ ра
зѣмомъ · и не ѿлѣтъай
афанасіа ѿ вѣхъ вѣ
рныхъ, тогда ниже па
стыра сѣща вѣрнымъ ·
еже емѣ рекшѣ крѣтъ
ный образъ ѿ двою
древъ совождлающе,
и к вопросу егѣ сочето
вди · про длинное и пре
кое древо рекъ боль
ше древа назнамено
валъ ими же невѣрна
гѣ мощно ѡвнѣе //

л. 83

оувѣщавати · а в длинно
древѣ подножію и дски
вѣрней сѣщи и невѣмле
мой · аще и онъ кратко
сти ради не воспоманѣ.
и таксѣ истинно разсѣ
ждающѣ не бѣдетъ ни
коегѣ претыканіа ·
аще ли невѣрїа пламень
прозрителное оума тво
егѣ ѡпалаетъ · и хоше
ши ѿ двѣхъ дрѣвъ точїю
составлати крѣтнѣи
образъ, подножіе же и
верхнюю дска ѿмета
ти, зане ѡ нихъ афа
насіи великѣи не пома
нѣ. аще и пророцы со
стѣыми многими ѿцы
ѡвѣ та наоучали, но
ты имъ не вѣриши ·
время ти уже крѣтъ ѿ двою
древъ сосложивъ, и //

л. 83 об.

подписанїа имъ никако
ва не творити. зане а
фанасїи ѡ семъ не воспо
манѣ · и ѡвѣ та вси
людїе оузнаютъ тог
да ѡкѣ пѣстымъ дре
вамъ кланяеши са,
а хрѣтовымъ именемъ ѿ
не ѡболцѣаеши · аще ли
речѣши ѡкѣ во инѣхъ
писанїихъ ведено подпи
санїе крѣтъ гдню писа
ти: и азъ тѣ рекъ ѡкѣ
во инѣхъ бжтвены пи
санїихъ ѡвѣ ти оучитъ

с подножіемъ и с верхнею
дскою крѣтъ гдню во
сбратти: [ѡкоже и
мы прежде сегѣ въ словѣ
ѣ, и всемъ ѡбличенїи и
выше сегѣ, ѡвѣ та покза
хомъ ти], и таксѣ ѿ свое
го свидѣтельства безъ //

л. 84

гласенъ покзѣши са ·
аще ли по подобїю песїю
бїенъ паки безъ стѣствѣ
еши, и писма глаголеши ѡ
же та оубиваетъ, а хѣ же
живыхъ глаголовъ і ѡвѣ
тасныхъ стѣхъ оцъ оуда
лаеши са. и речѣши ѡкѣ
крѣтнѣи образъ ѿ двѣхъ
древъ точїю составла
ет са · то доведетъ та
твоє мѣдрованїе и до
иногѣ безмѣстїа · поне
же аще по твоємъ мнѣ
нїю всеѣдержно преда
де афанасїа двѣчастныа
крѣты творити вѣсѣмъ
вѣрнымъ: тогда трисо
ставныа крѣты не вѣтъ
ти творити · аще ли тво
риши, сїе по твоємъ чрѣзъ
афанасїа твориши: и при
водиши в свидѣтельство //

л. 84 об.

оучителя своимъ мнѣнїемъ,
и паки егѣ низлагавши · аще
ли речѣши по хрѣтовѣ распа
тїю и прочихъ бгословцевъ
писанїю · трисоставныа в
цркви поставляютъ са кре
сты, тогда ѡвѣ та познай,
ѡкѣ неправомѣдреннѣ
афанасїево краткорече
нїе во двѣчастнѣи заклю
чавши · иво подобнѣ оно
гѣ краткореченїа ·
стѣи германъ патрїархъ
в словѣ ѡ крѣтъ и ѡ стѣхъ
иконахъ на иконоворцы
пишетъ · ѿвѣченъ оубѣ
непоклонемъ иконѣ,
да ѿвѣчетъ са прочѣе и об
разъ содѣвающее крѣта
правое древо · и время ти
нѣ по твоємъ мѣдрова
нїю, единомѣ дрѣвѣ кла
нати са · зане стѣи герма //

л. 85

рекъ образъ содѣвающе
крѣта правое древо · и
аще и здѣ ѡвѣзмиши са
и поставиши єдино дре
во правое на поклоненїе ·
и вси та познай тогда
ѡкѣ нѣкоемъ идолѣ дрѣ
вѣ кланяеши са · аще ли
речѣши ѡкѣ безмѣстнѣ
сїе и нечестиво · повѣ

ждь же ми в кѣпѣ своей
свѣтїи црковныя реченїа
афанасїи великїи крат
костїю рекъ кртнїи
образъ ѿ двою дровѣ
составляет са · германъ
же досточюднїи написа
образъ содѣвающе кре
ста правое древо · аще
ли речеши по афанасїю
без подножіа и без верхной
дски · двѣмъ дровам сло
женїи кланати са · привле
чеши са //

л. 85 об.

свои мѣдрованїе, и единомѣ
древѣ кланати са · стѣсѣ
наѣ бываешѣ ѿвсюдѣ, ни
сюдѣ ни онѣдѣ оубѣжати
не имаши, всако нѣтъ а
ще явѣ не с вѣнѣеши са
речеши; тогѣ ради стїи
германъ рече образъ
содѣвающе крста право
е древо · таксѣ то древо
имѣетъ приложены к
сѣвѣ прочїе дрова, зане
в немъ оутвержают са,
и прекое, и подножіе, и вер
хнаа дска · таксѣ есть и
афанасїево реченїе той же
разѣмъ имѣюще · и испо
лни са здѣ написанное,
сѣтъ сокрѣши са и мы избе
влени быхѣ · и восгвѣдемъ
с црковїю · кртъ трисоста
внїи чтнѣе древо трїцы во
носїи трисоставнїа образъ · //

л. 86

Мѣдролоубце новѣйшию но
востванна ввожденїа, и
своесмышленна доводъ
створанїа, іаже чре оче
скїа обычаи, іаже чрезъ
стїи учтлей⁹ клатвы, вне
сти и уставити восхотѣ
ша: безмѣстнѣ видит са
комѣ, и несмотрацима очїи
ма прїати восхотѣти иже
елико ѣ нарѣшенїи црковны
догматовъ, ѣ ѿставленїи
апльскїи і оѣескїи преданїи,
всерадѣтелно потцѣша са;
толиксѣ и ѡвие кнїи неписаннѣ
свидѣтелствъ, не на знамена
нѣ доводовъ и покрѣпленїи,
всееусердно попекѣша са: и и
же внововнесенїи софїетїи
ческїими сѣлласїсмы укрѣ
пити, и потвердити невоз
могоша: самосмышленнїи
[ниже видѣннїи ниже слышн
ннїи] //

л. 86 об.

свидѣтелствы, доводѣво
ти не вѣбаша са; коими
іаксѣ паучїннїи тканїи,

іаксѣ згучѣннїи мглами,
іаксѣ дѣвѣлѣйшннїи мраки:
благочестивнїи мысли ѣба
зовати, усилователно лю
во прат са: іакѣво есть, и ѣ
рѣцѣ стѣгѣ апла андреа,
изданное патрїархѣ іѡаксѣ
мо¹⁰ новосочиненое повѣство
ванїе; еже хотѣши блгоче
стивнїи чшесѣ, в познанїе пра
вдословїа оны, предлагаю.
Повѣствѣе урѣтѣ, іаксѣ
рѣка стѣго апла андреа,
ѡвртѣ са в патрїаршей
ризницѣ в ковчезѣ · в лѣта
ѣрѣдѣ¹¹, іаже принесена баше
из грѣ, в лѣто ѣрѣнѣ¹², к црїю
михаїлѣ деодѣровнїю · вѣ
патрїаршѣю ризницѣ по
сла са, из црѣскїи сокровищѣ, //

л. 87

в лѣта ѣрѣвѣ¹³, ею же знатно
сѣнїи, при смерти на сѣвѣ
крѣтъ изѡбражалъ, егда
рспатъ вѣ, и на кртѣ при
вазанъ: или трѣцѣ стѣю в
трѣе ѡпостасѣ, и сѣцество
едино проповѣдаа, персты
сложи, и таксѣ укрѣпиша.
К снмѣ и самннїи видѣ рѣки
оннїа тчпомъ изѡбразиша,
три же персты сложннїи, два
же пригбена к длани имѣ
щѣ, іакѣже и самннїи знаме
нают са · снще чѣво оннїи по
вѣствѣ, іоже сочинннїи ко
утверженїю, разѣждѣ
ющнїи мысли паче колеба
ти творѣ: и еликсѣ чтѣ
ржати свое догма сею
мнатъ, толиксѣ разрѣша
ти своа доводи, ѡсюдѣ
удѣбнѣо узрат са ·
Глїо, іаксѣ рѣка стѣго апла //

л. 87 об.

андреа ѡвртѣ са нѣтъ,
оутверждающаа трепер
стнѣе сложнїе, кто молю,
иже ѡчѣсти законѣ црїко
вннїи вѣдѣннїи, ѡ сѣгѣ из
вѣстити са вѣжелѣе; сви
дѣтелство привносѣ, его
же оцїи нашіи не знаша,
ниже намъ возвѣстиша:
его же россіанѣ не слышн
ша краемъ слѣха даже до
нѣтъ; его же грецы не про
повѣдаша когда: и нетѣ
кмсѣ древннїи таксѣ грецы;
іаксѣ і россіанѣ сѣгѣ не зна
хѣ, но и новѣвожденїа ихъ
началостроителннїи, іаксѣ не
вывшѣгѣ сѣгѣ не вѣдахѣ.
Не утверди са снмѣ свидѣ
телствѣо ннконъ патрїархѣ,
первыи и теплннїи новостей
изѡвртѣтатель: не покрѣ
пи свои посланнїи панїа //

л. 88

патрiархъ констѣнтiно
полскiй; не засвидѣтелство
ваша вселенстiи патрiар
си соборны свиткъ¹⁴, мни
мы или крѣпчаший по
тверженiе · вси сiи толи
къ могуще вѣдати ѿ сей
[глѣбей] апльствiи рѣцѣ, ели
имуще нужду потвердити
своа нововожденiа, и оу
ставити колебающiа са
народы: обаче тако мо
лчанiа уставленiе пребы
ша, тако бы ниже зрѣнiа
свѣтолитiе, ниже краемъ
ушесъ коснуша са когда ·
ниже же по толики лѣтѣ,
по толики реци смѣщивнiа
нововнесенiи, по толики из
ничтоженiа црковныхъ
преданiи, по толики крово
пролiанiа по мѣчении пре
зблнвiиши, по смерте безъ //

л. 88 об.

численi, ѿбръте са, изнесе ся
и проповѣда са; но написан
ное ѿ историковъ, и списа
телей древнiи не есть по
вѣстно, неповѣстное же
неавлѣнно: неавлѣнно
е же, неизвѣстно; неизвѣ
вѣстное же, во свидѣтел
ство не приносит са · ре
кът ли, такъ прежде на
статiа никонова, рѣка
ѿ грекъ в рсiю принесе
са, ниже же в патрiаршей
ризницѣ ѿбръте са. кто
симъ оудостовѣрити са
восохоце; кто несомнѣ
нно вѣрою; кто не
зыблемою надеждою;
кто нестѣденою любо
вiю, подклоненными у
шесы и всецѣлыи срцем
прiати можетъ · в толи
къ убо многi лѣтѣхъ, //

л. 89

великъ и множайшiи чино
премѣненiа, гдѣ она
баше, неавлѣнна; еда же
млено покрываше са; еда
подъ спѣдо, или под¹⁵ одромъ со
держаше са; еда в нѣходи
мы члкъ лежаше: ризни
чи не знаема, патрiархъ
не вѣдома, цремъ не авъ
лаема, и ниже коемъ ѿ че
ловѣкъ знанiю подлеча
щи: невѣрително сiе ѿ
нюдъ невѣрително, и
всакъю ѿемлющи вѣрѣ
повѣствованiе · не бо есть
удовно сему быти, не
есть можно сокрыти са:
зане црковъ, обычаи есть
писаны · епiгъ по епiгъ, и

консъ, по икономѣ, и риз
ничѣ по ризничѣ казнѣ,
и таже в казнѣ вещи, аще
книги и иконы, аще омо
фѣры, //

л. 89 об.

и ризы, аще ковчеги с мо
щьми и прочими стѣотъзми
прiемлющи; вса своерѣчны
записанiе прiимати, вса
в книгѣ тонкоугодно ѿ
писывати, еликъ ѿ умер
шагъ ѿста са, i еликъ на
наставлаи прiа · какъ
в таковы написанiа, въ
таковы водружатель
ны нѣсмотренiа, в толи
къ и толь многi дрѣгъ
дрѣго прiиманiи, рѣка
она можаше утати са,
и невѣдома быти · какъ
в моцесмыванiи обы
чны, на всакое лѣто чи
нодѣйствовати са в ве
ликiи патокъ, сокрываше
са и незнаема бываше:
гдѣ тогда лежаше оны
ковчегъ, и по что несѣрѣ
тае бываше; егда моци //

л. 90

стѣи смывахѣ са. вса ѿкрыва
емы и смотримы, вса лобыздемы
и поклоняемы, вса благоуино с пѣ
сньми и кажденiе провождаемы
бывахѣ. забвенiе ли рѣка в пер
вое лѣто миноваше ся; но во второе
можаше ѿбръте ся: не во второе
ли; поне в третiе: не в третiе ли; поне
в четвертое, поне в пятое, поне в
десятое, хотяше явленъ быти
и познати са. ельма в толики многi
лѣтѣ. и посредѣ толико многi лю
дей, и толико многi ѿписанiи тако
носѣ на лицѣ. [и посредѣ оучесъ] кр
ти са и утати ся невозможно
есть. и аще бы ѿ ѿбрътенiи то
къ, и внесенiи токмо, и почитанiи
тоа токмо, слово нѣлежало: по
пѣстити кому советѣ ѿбръ
ши и почитающи [егда благоуести
ви суть и достовѣрни] зазрѣнiа
великаго не мнит са быти: ельма
ѿбрътенiе рѣки, на разрѣшенiе //

л. 90 об.

Оуческi преданiи, ельма на разоре
нiе апльски уставовъ, ельма на
низложенiе црковны законъвъ
возносит са; какъ чистою совѣ
стiю, удововерителныи желанiе
и несомнителныи срце онѣю повѣ
сть прiати можно: противнѣ
стѣи рсiйскiи чюдотворце; сово
рнѣ клятвами не двѣма персто
ма крѣпящыя ся ѿбложивши ·
противнѣ древлегреческiи учи
теле, но согласно тажде, и ѿ том... Де
предавши: противнѣ вѣѣ, прто
лонамѣтникъ и оцѣ тако гре

ческѣи, тако россійскѣи, на стѣхъ
икснѣ двѣма перстома крѣтно
знаменіе живописавши • проти
внѣ и стѣомѣ лѣцѣ евангѣлѣ і апѣлоѣ,
таксѣ хрѣта бл҃гословлающа на
икснѣ б҃гомѣре восбразившѣ;
противнѣ самомѣ спснѣтелю хрѣту
такѣ бл҃гословившѣ сѣенныа
своя учѣники і апѣлы, тако цр҃ковнѣ //

л. 91

живописаніа древлегреческагѣ
и россійскагѣ обычаи свидѣте
лствѣе, противлааи са же цр҃ко
вны стѣи оцѣ преданію, самы
оцѣ, паче же стѣи апѣло, проти
влает са; апѣлѣ же и оцѣ проти
вляаи са, законѣ бж҃ію про
протвляет са: законѣ же бж҃ію
протвляаи са, самому хрѣтѣ
и б҃гѣ протвляет са • хрѣтѣ
же протвляаи са, далече ѿ
цр҃кве стѣя, далечайши же
ѿ цр҃ьствѣя нб҃нагѣ без мило
стивнѣ мечет са • не глаи хошѣ
здѣ мудрїи уснѣловати, не
глаи утвердити желаютъ;
гдѣютце, тако есть и стѣа сїа
апѣла рѣка, тако есть и стѣе
сложеніе перстовъ; поплѣде
и усѣплѣ [аце и не содѣтерж
дающе] мѣдролобствѣ ихъ •
но коликая вѣсодѣ бѣмвстїа
привнѣдѣ; коликая неподова
юща //

л. 91 об.

востекѣт са; коликая небла
госбразна, привнесѣт са •
Первое: несогласное кадоли
честѣи цр҃кви, [но кроме стѣи
преданїи и о҃ческїи преданїи]
самосмышленное мѣдрова
нїе • Второе: несогласное из
сб҃раженіе дѣйствѣ сме
рти стѣагѣ; несогласное стѣи
оцѣ и учѣлѣ цр҃ковны; по
вѣдающе ко крѣтѣ пригво
ждена бывша апѣла • несо
гласное же и древнїи живо
писателѣ, пишѣши на ра
спатїи пригвождена рас
простертѣма дланьма
[а не привазама] стѣагѣ •
Третїе • неподовашее
мнѣнїе, ѿ знаменованїи рѣ
кою стѣагѣ апѣла: зане в рѣ
цѣ сей персты вси еликѣ
кѣ длани не соединени пригве
нїе, толикѣ кѣ другѣ другѣ //

л. 92

не сложени совоксѣпленїе; и таксѣ
бѣмвстнѣ есть и помышляти,
несложными персты знаменав
шася апѣла, таксѣ бѣмвстнѣе
нѣ пцѣвати, таксѣ рѣка сїа трипер
стное сложенїе утверждае • еше
ли настоянїа упрямство, же
ланїа неукрощенїе, и хотѣнїа

неутишеннѣ пламенѣ рѣжигѣ
еми, лѣвопрат са оного рѣкою,
раздѣленными и не сложеными
перстами, распряженными и не
соединеными, тако утвержда
ти треперстное сложенїе, таксѣ
и единство исб҃ражати стѣя
трѣцы; поплѣде и здѣ в зрѣкоѣ
усѣпленїа [а не созволенїа] че
тнѣвїшемѣ ихъ мѣдрованїю •
Оба че такѣе бесполезное, тако
вое нездравѣе, такѣе вредите
льное, не томѣ цр҃ковномѣ ра
змѣвванїю; не томѣ чистѣи
шемѣ о҃ческомѣ б҃гословїю; но //

л. 92 об.

и себе самѣ повѣствованїю сб҃
рачет са: еже во повѣсть до
вѣствѣюще утверждае, сїа
вї рѣки изничтожающе раз
рѣшае: иное слово повѣство
ванїа мнѣнїе из наснае, тое
вї пертосложенїа помрачае •
повѣсть таксѣ пертосово
кѣпленїе рѣки утверждае,
таксѣ и един стѣо стѣя трѣца
исб҃ражати укрѣплѣе • рѣка
же, таксѣ пертсѣвз в кѣпсло
женїа не имѣе, таксѣ іединѣ
ствѣ стѣя трѣцы не изѣвляе.
В чѣсѣ убо единство бж҃тва
изѣвити хотѣ; в совоксѣпле
нїи ли пертсѣвз, но оного [се
есть пертосокѣпленїа] в рѣ
цѣ не іавѣствѣет са. в раздѣлени
ли; но бж҃тво не есть раздѣлено:
в числѣ ли пертсѣвз; но си три
и не три токмѣ, но и пять • вси
во одинако в рѣцѣ суть, и не //

л. 93

сложени суть; бж҃тво же
едино есть • во един стѣвѣ ли
рѣки; но рѣка пертсѣвз
пять сб҃держитъ, и не
менше: бж҃тво же три
ѿпостаси имать, а не мно
же; коѣ молю здѣ, един
ствѣ бж҃тва исб҃браже
нїе сб҃рачѣши; не исповѣ
дае са во единенїе, множе
ствѣ, не исб҃бражает са не
разлѣчное разлѣченїе; не на
чѣртавае са нераздѣльное,
раздѣленїемъ • и каксѣ не
стыдѣат са премѣдрїи,
таковаа повѣствова
нїа предлагати нарѣ
домъ; толикѣю непри
личность, толикїи вредъ,
толикѣе смѣщенїе, в не
порѣчное цр҃ьвоствѣе
ненїе вносѣща • но да
не многоглаголанїемъ //

л. 93 об.

ѿтагчю слышѣши ушеса •
всакїи члѣкѣ можетъ по
знати, всакїи смѣтрааи

видѣти, ѡкъ повѣсть
сѧ темности, и неизвѣ
стѧ исполнена есть • и
сполнена неатовѣрѧ
и неудобства: исполнена
противности, и несогласѧ
ко стѣ • исполнена неподо
бляющаго мнѣнѧ, и не
приличности первообра
знаго изображенѧ:

вредящая стѣ аплз
преданѧ • вредящая
оуескѧ законы врежъ
дающая црковныя бла
гочестѧ оуставы: и не
сѧ токмо повѣсть, но и
прочая новостей законопреда
нѧ, сомнѣнѧ мрако покрыта
суть, по еульскому гласѣ, в малѣ
невѣренъ, и во мнозѣ невѣренъ есть;

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб.: Императорская археографическая комиссия, 1912. С. 375–376. № 439.
- ² Белокуров С. А. Кто автор «Увета Духовного» (к истории полемики против раскола) // Христианское чтение. 1886. № 7–8. С. 163–177.
- ³ [Афанасий Холмогорский]. Увет духовный. Московский Печатный двор, 1682 г. 272 л.
- ⁴ Отметим, что вопрос о форме креста и его составляющих (четырёхконечный «латинский» крест против традиционного восьмиконечного) был одной из капитальных проблем противников церковных реформ; этой теме посвящали свои сочинения старообрядческие писатели с раннего периода. Известно, что в житии Корнилия Выговского, составленном его учеником Пахомием в 20-х годах XVIII века, описано видение, в котором святому предстала сцена спора двух мужей – благообразного и темнообразного – о форме креста [9: 444]. Семену Денисову принадлежит сочинение о форме креста: «Диспутательная при аргументахъ вопросозадания любомудраго книгочитателя... Леонтия Феодосеевича о кресте и о римской церкви...» (Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев... С. 139. № 10). Трифон Петров является автором нескольких гомилий в честь креста, в которых обсуждаются его символика и форма [5]. Poleмическое сочинение о форме креста «...Книга о трисоставном кресте и двучастном латинском крыже...» принадлежит Даниилу Матвееву (Дружинин В. Г. Писания русских старообрядцев... С. 203. № 11). П. Любопытный отмечает среди сочинений А. Денисова текст «О кресте христовом: двусоставном и трехсоставном латинском...» (Любопытный П. Каталог или библиотека староверческой церкви, собранный тщанием Павла Любопытного, в Санкт-Петербурге 1829 года. М., 1861. С. 27: № 8).
- ⁵ Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях: по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб.: Императорская академия наук, 1890. 471 с.
- ⁶ Слово написано над строкой.
- ⁷ Здесь и далее квадратные скобки являются частью текста.
- ⁸ На полях с указанием вставки: в тождествѣ.
- ⁹ Далее в рукописи знак # и на правом поле вставка: «написанѧ, ꙗ̑ чрѣ соборныя».
- ¹⁰ Ссылка на «Увет духовный», изданный в 1682 году при патриархе Иоакиме на Московском печатном дворе.
- ¹¹ 1682/1683 год.
- ¹² 1643/1644 год.
- ¹³ 1653/1654 год.
- ¹⁴ В соборе 1666–1667 годов, осудившем старообрядцев, участвовал и патриарх Иерусалимский Паисий. В центральной книге никоновских реформ «Скрижали», изданной на Московском печатном дворе в 1655 году, помещена грамота этого патриарха к Никону (л. 639–755).
- ¹⁵ Слово написано над строкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бубнов Ю. Н. Описание рукописного отдела Библиотеки академии наук СССР. Сочинения писателей старообрядцев XVII в. Л.: Наука, 1984. Т. 7. Вып. 1. 314 с.
2. Грицевская И. М., Бровкина Т. В., Литвиненко В. В. Вопросыответы Псевдо-Афанасия Александрийского к князю Антиоху в старообрядческих рукописях // Старобългарска литература. 2024. Кн. 69–70. С. 194–213.
3. Грицевская И. М., Литвиненко В. В. Вопросыответы к князю Антиоху в южнославянской и русской книжности: Списки XIV–XV веков в конвое Лествицы Иоанна Синайского // Palaeobulgarica. 2023. № 2 (XLVII). С. 43–62.
4. Грицевская И. М., Литвиненко В. В. Древнейшие полные списки славянского перевода Вопросыответов к князю Антиоху: проблемы происхождения и истории текста // Palaeobulgarica. 2024. № 1 (XLVIII). С. 115–136.
5. Гришкович Е. Д. Образ креста в гомилиях старообрядческого писателя XVIII в. Трифона Петрова // Проблемы исторической поэтики. 2014. № 12. С. 73–92.
6. Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. М., 1958. 152 с.
7. Мальцев А. И. Poleмика о титле на кресте в сочинениях старообрядцев-беспоповцев XVIII в. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 180–188.
8. Панич Т. В. «Увет духовный» Афанасия Холмогорского: структура и идейная проблематика книги // Нарративные традиции славянской литературы: от Средневековья к Новому времени. Новосибирск, 2014. С. 124–130.

9. Ю х и м е н к о Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: В 2 т. Т. II. М., 2008. 568 с.
10. S e l s L. Reconsidering the textual transmission of the Slavonic *Quaestiones ad Antiochum ducem* // Scripta & e-Scripta. 2017. № 16–17. P. 217–242.

Поступила в редакцию 11.11.2024; принята к публикации 31.01.2025

Original article

Irina M. Gritsevskaya, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-9061-5070; irgri@inbox.ru

Tatiana V. Brovkina, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-7447-9585; tatjana-brovkina@rambler.ru

“QUESTIONS AND ANSWERS OF PSEUDO-ATHANASIOS OF ALEXANDRIA TO PRINCE ANTIOCHUS” AS A SOURCE FOR AN OLD BELIEVER POLEMICAL WORK

Abstract. The article examines the use of a fragment from the oldest translated piece of Slavic writing, “Questions and Answers of Pseudo-Athanasios of Alexandria to Prince Antiochus”, in the Old Believer manuscript “From the Epistle to Prince Antiochus”. This piece of writing, which contains the polemic against the official church, has not been studied or published before; it is known from a single manuscript originating from the Vyg miscellanea at the Library of the Russian Academy of Sciences (Druzhinin’s Collection, No 23, 1760s). The polemic criticizes the arguments from “Spiritual Instruction”, a 1682 anti-Old Believers publication of the Moscow Printing Yard. The research findings suggest that the manuscript “From the Epistle to Prince Antiochus” likely originated between 1682 and the first decade of the XVIII century. The analysis revealed that both the target of the polemic (“Spiritual Instruction”) and the Old Believer polemical text itself contain a quote from the Question-and-Answer No 41, which addresses the form of the Cross. The authors identified the edition and type of the cited source, suggesting that it may have originated from the Solovetsky Monastery, and concluded that the source text was treated with reverence and was considered highly authoritative.

Keywords: Athanasios of Alexandria, Questions and Answers, Old Believer manuscripts, Old Believer polemical literature

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation’s grant No 23-28-00205 (<https://rscf.ru/project/23-28-00205/>).

For citation: Gritsevskaya, I. M., Brovkina, T. V. “Questions and Answers of Pseudo-Athanasios of Alexandria to Prince Antiochus” as a source for an Old Believer polemical work. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):47–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1161

REFERENCES

1. Bubnov, Yu. N. Description of the Manuscript Department of the Library of the USSR Academy of Sciences. Works of Old Believer writers of the XVII century. Leningrad, 1984. Vol. 7 (1). 314 p. (In Russ.)
2. Gritsevskaya, I. M., Brovkina, T. V., Lytvynenko, V. V. Pseudo-Athanasian *Questions and Answers to Antiochus the Duke* in Old Believer manuscripts. *Old Bulgarian Literature*. 2024;69-70:194–213. (In Russ.)
3. Gritsevskaya, I. M., Lytvynenko, V. V. *Questions and Answers to Antiochus the Duke* in South-Slavic and Russian traditions: Manuscripts from 14th–15th centuries with *Lestvitsa (The Ladder of Divine Ascent)* of John Climacus. *Palaeobulgarica*. 2023;2(XLVII):43–62. (In Russ.)
4. Gritsevskaya, I. M., Lytvynenko, V. V. The earliest complete manuscripts with the Slavonic translation of *Questions and Answers to Antiochus the Duke*: problems of origin and history of the text. *Palaeobulgarica*. 2024;1(XLVIII):115–136. (In Russ.)
5. Grishkovich, E. D. The image of the Cross in the homilies of Tryphon Petrov, the Old Believers writer of the 18th century. *The Problems of Historical Poetics*. 2014;12:73–92. (In Russ.)
6. Zernova, A. S. Books of Cyrillic print published in Moscow in the XVI and the XVII centuries. Moscow, 1958. 152 p. (In Russ.)
7. Maltsev, A. I. The polemic on the title on the Cross in the manuscripts of the eighteenth-century priestless Old Believers. *The Ural Collection. History. Culture. Religion*. 2003;5:180–188. (In Russ.)
8. Panich, T. V. “Spiritual Instruction” by Athanasios of Kholmogory: structure and ideological issues of the book. *Narrative traditions of Slavic literature: from the Middle Ages to modern times*. Novosibirsk, 2014. P. 124–130. (In Russ.)
9. Yuhimenko, E. M. The literary heritage of the Vyg Old Believer Community: In 2 vols. Vol. II. Moscow, 2008. 568 p. (In Russ.)
10. S e l s , L . Reconsidering the textual transmission of the Slavonic *Quaestiones ad Antiochum ducem*. *Scripta & e-Scripta*. 2017;16–17:217–242.

Received: 11 November 2024; accepted: 31 January 2025

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА КАЗАКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5236-3423; mvk-2013@bk.ru

АНГЕЛИНА АНДРЕЕВНА ДОРОЖКО

магистрант Института филологии
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
38gulya@mail.ru

ФОЛЬКЛОРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ТАТЬЯНЫ МЕШКО «КОЛДУН ЗДЕСЬ»

А н н о т а ц и я . Впервые анализируются фольклорные и мифологические мотивы, на основе которых реализуется авторская концепция фантастической реальности в романе карельской писательницы Татьяны Мешко «Колдун здесь» (2004), что является новизной предлагаемого исследования. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью выявления способов репрезентации фольклорно-мифологических мотивов и образов в современной русской литературе Карелии. Работа выполнена с опорой на сравнительно-сопоставительный и описательный методы исследования, а также системный подход к анализу художественного произведения. В процессе анализа выявляются фольклорно-сказочные и мифологические рецепции, которые формируют фантастический мир романа, делаются выводы о том, что многоплановая композиция произведения организует художественное единство текста, в котором инобытийность является органической его частью. Основу авторской концепции фантастического, опирающейся на фольклорно-мифологический образ мира, составляет противопоставление своего – чужого, которое в романе приобретает обратное значение: свой – нечеловеческий, потусторонний, но гуманный, а чужой – человеческий, но наделенный inferнальной природой. Также в статье рассматриваются мотивы, образы и структурные элементы, которые участвуют в создании фантастической реальности в романе (мотив пути / дороги, волшебный помощник, антропоморфные характеристики предметного и природного мира, зооморфные черты людей) и работают на реализацию основной темы романа – борьбы добра и зла, сохранения гуманистического идеала человека в современном мире. Результаты работы могут быть использованы в исследованиях современного литературного процесса, а также в вузовских курсах и спецкурсах, рассматривающих историю русской литературы, русскоязычной литературы Карелии.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Татьяна Мешко, современная литература, роман «Колдун здесь», мифология, фольклор, сказка, фантастическая реальность, поэтика, символика цвета

Б л а г о д а р н о с т и . Исследования, описанные в данной работе, были проведены в рамках реализации Программы поддержки НИОКР студентов, аспирантов и лиц, имеющих ученую степень, финансируемой Правительством Республики Карелия.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Казакова М. В., Дорожко А. А. Фольклорные и мифологические мотивы как способ создания фантастической реальности в романе Татьяны Мешко «Колдун здесь» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 58–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1162

ВВЕДЕНИЕ

Современная художественная литература отличается многослойностью структуры, полифоничностью текста, совмещением разных жанровых признаков, интертекстуальностью, что связано во многом со стремлением авторов

к раскрытию знаковых потенциалов, отражающих современное видение мира во всем многообразии его вариаций. Обновление форм, методов и приемов привело к возникновению большого корпуса художественных текстов на стыке реальности и фантастики, в которых авторы стремятся,

с одной стороны, выйти за грани традиционных художественных способов создания произведений, с другой – осмыслить перемены в жизни современного общества, которые, по всей видимости, не всегда легко объяснить с позиции логики.

Совмещение реального и фантастического в художественном тексте нельзя назвать феноменом только последних десятилетий, оно прослеживается на протяжении длительного времени развития художественной словесности, например в произведениях Э. Т. А. Гофмана [1: 13–14], Н. В. Гоголя [16], А. С. Грина [9], М. А. Булгакова [2], Г. Г. Маркеса [3] и многих других.

Фантастический мир, согласно Е. М. Неёлову, впервые возникает в «фольклоре, в эпоху крушения мифологического сознания», а «фольклорно-сказочный фантастический мир – первый, с которым встречается человек и сегодня» [12: 36–37]. Таким образом, в художественном произведении мы имеем дело с авторской концепцией фантастического, основанной на фольклорно-мифологическом образе мира, изучение которого способствует погружению в текст и раскрытию авторской идеи, а также сохранению традиций народа, которого представляет писатель, что и обуславливает актуальность темы исследования.

Материалом исследования послужил роман карельской писательницы Татьяны Мешко «Колдун здесь» (2004), в котором реальный и инобытийный миры находятся в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении. Их слияние обеспечивает гармонию целостного восприятия текста, а фантастическое становится реальным фактом повествования, без которого он немислим. Фантастическая реальность в романе формируется в результате трансформации сказочной реальности, разработанной на основе фольклорной волшебной сказки, специфика и структура которой детально исследованы в работах В. Я. Проппа [13], [14], а также использования фольклорных и мифологических мотивов и образов.

Целью данной статьи является анализ фольклорных и мифологических мотивов, которые легли в основу создания Т. Мешко фантастического мира в романе «Колдун здесь». Используются сравнительно-сопоставительный, описательный методы исследования, а также системный подход к анализу художественного произведения. Новизна работы заключается в детальном исследовании приемов, методов и образов, к которым Татьяна Мешко прибегает для создания художественного мира на грани реальности и фантастики.

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ФАНТАСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ «КОЛДУН ЗДЕСЬ»

Татьяна Александровна Мешко (1949–2022) родилась в городе Салехарде, окончила в 1972 году Днепропетровский государственный университет по специальности «филология», затем приехала в Петрозаводск, где начала работать в Карельском краеведческом музее и на карельском телевидении. Подготовка телепередач о культуре Карелии повлекла за собой и интерес к традициям, устному народному творчеству жителей края, что в дальнейшем нашло отражение в литературном творчестве.

Творческому пути Татьяны Мешко посвящены статьи Р. П. Коломайнена [5], Е. И. Марковой [10], Е. М. Неёлова [11], В. А. Слепкова [15], которые, рассуждая о творческом методе Т. Мешко, называют его «метареализмом» [5], соединением «сказки, точнее, фэнтези, и жестокого реалистического (даже порой натуралистического) бытоописательства» [11: 4], «магическим реализмом» [15: 237], с помощью которого писательнице удастся представить свой «взгляд на мир, обнимающий видимое и невидимое, то реальное, что можно осязать, и то необъяснимое, что можно лишь почувствовать» [15: 237].

Роман «Колдун здесь» имеет подзаголовок «на основе реальной судьбы заонежского колдуна» и повествует о нелегкой судьбе колдуна Степана Трухавого и его взаимоотношениях с окружающим миром, который отвергает его новую колдовскую сущность, губительную для его близких, отделяющую его от мира людей.

«Под землей корни, что веревки... Парень отпускает страх на волю. Его страх орудует сам по себе. Страх яростно выдирает из-под земли охапку толстых корней. Закручивает все в тугие петли. Швыряет капкан под ноги лошади. Лошадь с разбега падает в травы, валится на бок, лупит воздух копытами. Не конь, а срубленное дерево! Без топора срубленное!»¹

Напомним, что, по словам писательницы, в основу произведения легли рассказы о заонежских колдунах, а, согласно К. К. Логинову,

«к колдунам в Заонежье относили две категории лиц: тех, кто был обвинен общественным мнением в “порче” человека, и тех, кто (опять же в глазах общественного мнения) “знался” с нечистой силой. Применял ли колдун свои магические знания для “порчи” людей, было уже не важно. Главное, что он “связался с нечистой” и потенциально способен совершить “порчу”» [8: 176],

поэтому односельчане и испытывают к Степану двоякие чувства. С одной стороны, он вырос на глазах у всей деревни, с другой – он теперь

связан с потусторонним миром, способным причинить вред. Смерть матери и двух сестренко-погодок на пожаре как кара за принятие в себе нечистой сути разделяет его жизнь на до и после. В силу того что Степан Трухавый из деревни Трухавки является теперь представителем «нечистой силы», то есть чужого мира, он изгоняется из мира людей. Во многом этот уход является добровольным, поскольку некогда свой мир (мир людей) оборачивается чужим. Оппозиция «свой – чужой» является характерным приемом построения волшебной сказки, а в романе «Колдун здесь» выступает и движущей силой повествования, в котором главный герой, как и герой волшебной сказки, отправляется на поиски счастья, что в случае со Степаном становится поиском себя и своего мира. В романе происходит «подмена» сказочной оппозиции. Чужой мир (мир людей) представлен такими отталкивающими локусами, как деревня, город, остров (до того, как люди его покинули). В них господствуют человеческие пороки, которые «кличут в народе Пьянством, Беспамятством, Воровством» (66). Они предстают в виде нечисти: «У Пьянства мутные глаза и безжалостные, дрожащие лапы <...> У Беспамятства круглая, блеклая рожа без рта, ушей и зрачков, но сильные и глупые мышцы» (66). Мир людей погряз в безнравственности, распутстве и напоминает скорее потустороннее царство, наполненное нечистью, чем мир людей.

Этот перевернутый мир, в котором люди, «словно бесы из мрака, словно родные дети смертного, городского яда» (143), отправляет Колдуна в путь или бегство. Он не готов сражаться, как герой сказки, а ищет свое место в этом мире и находит его в лице другого колдуна – Ивана Суховерха, который и стал проводником / помощником Степана в мир колдовства и знахарства. Молодого колдуна ценят люди, выстраиваясь в длинные очереди «на прием», а тот видит свое предназначение в помощи страждущим, стремится направить силу на благо людям, поэтому никогда не отказывает просящим, пытаясь таким образом загладить вину за гибель своих близких:

«Степан Трухавый один на один с очередью. Раздает мешочки с травами, банки с настоями, бумажки с заклятьями, свертки с перьями...» (60).

Идиллия заканчивается, когда Степан вынужден покинуть избу дяди Суховерха после его смерти и отправиться опять на поиски своего дома. После долгих скитаний он поселяется на безлюдном острове, который был проклят людьми за их же нечеловеческие деяния. С одной стороны, согласно мифологическим

представлениям, благодаря своей удаленности и малодоступности остров ассоциируется с сакральным местом, отделенным «от греховного и суетного либо неблагополучного и неустроенного мира» [7: 153] своеобразным раем, который обретает главный герой Степан Трухавый после долгих скитаний в мире людей. С другой стороны, остров наделен инфернальной семантикой, то есть является местом обитания потусторонней силы, с которой главный герой умеет общаться, договариваться, потому что сам является ее частью.

«Колдун Трухавый поклонился избе и сказал: – Принимай, Домовик! Теперя я тута жить стану! В ответ что-то скрипнуло, звякнуло, зашуршало, зашелестело, заскребло и стихло. Домовик принял колдуна в соседях» (69).

Оппозиция «свой (человеческий) – чужой (не-человеческий)» в произведении «Колдун здесь» имеет обратное смысловое значение: свой мир (не-человеческий) – гуманен, милосерден, приветлив, живет по принципу взаимоуважения, а чужой (человеческий) – порочен, безнравственен, беспринципен, вызывает страх и отвращение. Данная перевернутая структура позволяет показать несовершенство человеческого общества, в котором люди напоминают существ из потустороннего мира. Таким образом, фантастическое в романе нарастает, не вытесняя при этом реалистическое повествование.

Герой трижды перемещается в пространстве между локусами, при этом все три раза происходит фактическое передвижение из пункта в пункт, обусловленное стремлением Колдуна обрести дом. Он вынужден покинуть Остров, который отвергает героя (стихия уничтожает все на своем пути), и искать новое место обитания. Таким местом должен стать Город, наделенный, по мнению самого Степана, губительной сущностью:

«Город не знался с природой, держал ее в пасынках. Город был наполнен тяжелой, беспокойной силой, как мутная бутылка опасным ядом. Колдун знал толк в ядах, но этот кормился не от корней и трав, а от поступков, мыслей, страданий и даже снов – от самого человека кормился, как насекомое-паразит» (143).

Прежде чем попасть в этот иной / чужой мир людей, герой вынужденно проходит испытания, преодолевая путь по воде и под землей. Вода, согласно мифам о сотворении мира, имеет «вселенский масштаб» и ассоциируется, с одной стороны, с состоянием изначального хаоса («без границ и горизонтов» (115)), с другой – с первородной стихией [6: 21]. Необустроенность водного пространства, которое герой стремится

покинуть, связана с актом очищения / перерождения мира, который устал от человеческих деяний:

«Ливень не проходил. Видать, решил напоить землю до отрыжки. И земля отрыгала лишнее и слабое. <...> Но мир не думал покончить жизнь самоубийством. Он взбунтовался для острастки жестоких и беспечных людей» (115).

Создание нового предполагает устранение всего прежнего, поэтому и вода отвергает Колдуна, выкидывая его на сушу. Далее путешествие в Город проходит по подземному туннелю, в котором герой чувствует себя комфортно, обустроивается. Инфернальной сущностью Города обуславливается путешествие Степана по подземелью, которое осмысливается как вход в нижний мир, преодолев который, герой добирается до места назначения. Трансцендентный переход заканчивается благополучно – герой обретает дом (квартиру), в котором готов строить новую жизнь.

С переходом в чужое пространство связано и приобретение Степаном Горбика, который становится волшебным помощником, определяющим его дальнейшие поступки. Накопившаяся нерастраченная волшебная сила внутри Колдуна вырастает в Горбик (позже в огромный Горб), который управляет Степаном и помогает ему освоить природу новой силы. Внешнее уродство компенсируется добрыми помыслами и деяниями, которые горбатый Колдун теперь может совершать на пользу людям, чтобы превратить порочный мир людей обратно в человеческий. Но даже волшебные силы не способны изменить окружающую действительность: одна «подправленная» судьба ничего не значит в потоке общего хаоса. Чуда не происходит. Окружающий порочный мир искривляет судьбу, втягивает человека в вихрь безнравственности, не дает обрести счастье. Поэтому волшебство, направленное на благо, оборачивается бедой: «не миллионной счастливицей будет жить Люся Спицына, а двадцать первой наложницей сладострастного миллионера» (191). Попытки чудесным образом исправить жизнь других людей приводят к осознанию простой истины: только от искреннего желания и силы воли самого человека зависят его судьба и окружающий мир.

Палитра романа также является инструментом для создания фантастической стороны произведения: на протяжении всего повествования встречается рыжий цвет и, реже, производящие его колоративы – красный и желтый. Красный цвет в русской культуре обладает полисемантической – это символ красоты и любви, так

же он ассоциируется с кровью, являющейся как символом жизни, так и смерти [4: 70]. Желтый – наделен отрицательной коннотацией, связан с болезнью, болью, смертью. Смещение красного и желтого в цветовой палитре порождает оранжевый / рыжий, символизирующий огонь: «Только прядь рыжая цветом налилась, вот-вот вспыхнет» (39). Доминантной характеристикой инаковой природы Колдуна и мира вокруг является рыжий цвет, подчеркивающий оппозицию «свой – чужой». При этом рыжий определяет исключительность обладающего: рыжая прядь волос, выделяющая колдовскую сущность Степана; рыжий огонь, уничтожающий дом и семью героя; рыжие муравьи, напившиеся крови колдуна и превратившиеся в огромных великанов, которые «отчистили остров до кукольного блеска» (96); рыжие, пришедшие во власть, создающие свое государство; «рыжики» – деньги, с помощью которых рыжие во власти управляют другими людьми.

По словам Е. И. Марковой, рыжий цвет ассоциируется как с огнем, который сжигает все на своем пути, так и с солнечным светом, озаряющим путь в светлое будущее, «в которое устремляются любящие друг друга мужчина и женщина» [10: 182]. Будущее героя зависит от того, сможет ли он укротить открывшуюся в себе силу «под рыжей прядкой волос» (20) или встанет на сторону зла. Рыжий цвет всегда был чем-то кричащим, выделялся и запугивал окружающих, связан с нечистой силой. Чаще всего рыжий символизирует борьбу добра со злом, которым невозможно существовать отдельно. Так и внутри самого Степана Трухавого ведется борьба: должен ли он помочь человеку в беде или лучше не вмешиваться в его судьбу.

Мифологические представления о неразрывной связи человека и природы осмысливаются в романе через обилие антропоморфных характеристик и сравнений предметов с природными объектами, что позволяет создать «живой» мир, обладающий созидательной функцией:

«Степка и сегодня может прочесть по руке папоротника, что было, что есть и что будет. Степка трогает широкую, зеленую ладонь – у папоротника впереди счастливая и долгая жизнь» (43).

Прием одушевления бытовых предметов – один из наиболее характерных способов введения в текст романа рассказов о жизни встречаемых Степаном людей. В руках колдуна оживают вещи, к которым некогда прикасались руки человека, и рассказывают ему всю правду. Недоступный пониманию простого смертного мир открывается колдуну, помогает или препят-

ствует совершению деяний. Предметный мир наполнен жизнью, звуками, эмоциями: изба «вопит от боли, как человек» (34), «простуженно кряхтит» (74), норовит «ущипнуть, царапнуть, ударить, выгнать в стужу и тьму» (78), утюжок лопочет «с колдуном на своем детском» (67), при этом предметный мир сохраняет свое бытовое предназначение. Данная бинарная функция предметов усиливает эффект слияния реального и ирреального миров, создает ощущение единства бытийного космоса, в котором фантастическое воспринимается его частью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совмещение реального и фантастического в романе Татьяны Мешко «Колдун здесь» воплощается в использовании мифологических и фольклорных мотивов, которые проецируют в сознании знакомые архетипы. Таким образом, слияние реального и ирреального воспринимается как единое целое, опирающееся на ранее имеющийся опыт. Фольклорно-сказочные мотивы воплощаются в романе через оппозицию «свой (человеческий) – чужой (нечеловеческий)», при этом данное противопоставление носит обратный характер: «свой (нечеловеческий) – чужой (человеческий)» и служит для создания гротескного образа inferнальной сущности человеческого мира, в котором господствуют пороки и слабости. Мотив пути / дороги в поисках счастья реализуется в романе фактически трижды и не является добровольным выбором Степана, но приводит его к осознанию себя частью окружающего мира, в котором он сам вершит свою судьбу и заставляет вернуться к первоисточни-

ку бед, то есть к своему прошлому. На своем пути герой встречает препятствия (вода, подземный тоннель), которые ему необходимо преодолеть для достижения цели своего путешествия, то есть попасть в мир чужих – Город, который наделяется характеристиками потустороннего царства, пугает героя, не желая принимать. Окружающие люди – порождение этого чужого мира – являются его отражением и определяют его будущее, погрязшее в хаосе бытия. Спасение видится лишь в возможной волшебной помощи извне, которая приходит в лице Колдуна, но даже он не может изменить судьбу человечества, которое отвергает общегуманистические ценности и идеалы, для которого деньги выступают мерой истины в жизни.

Для создания фантастической реальности автор прибегает к антропоморфным характеристикам природного и предметного мира, зооморфным чертам в описании человеческого облика и деяний, колоративной образности, подчеркивающей исключительную природу обладающего.

Синтез фантастического и реалистического в романе «Колдун здесь» создает особую метареальность повествования, которая опирается на известные фольклорно-сказочные мотивы и мифологические представления.

Наличие фантастического в романе Татьяны Мешко «Колдун здесь» позволяет выстроить с читателем разговор о мере человеческого в человеке, о противоборстве добра и зла. Открытый финал романа оставляет этот разговор незавершенным, но довольно оптимистичным: Колдун начинает свою третью жизнь с чистого листа.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мешко Т. А. Колдун здесь (на основе реальной судьбы заонежского колдуна): Роман. Петрозаводск: Скандинавия, 2004. С. 20. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдей З. А. Мифо-фантастическая реальность в литературном творчестве Эрнста Теодора Амадея Гофмана // Веснік БДУ. Серыя 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2015. № 1. С. 11–15.
2. Горохов П. А. Историческая фантастика Михаила Булгакова. Опыт философского прочтения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 4 (29). С. 4–9.
3. Казанкова К. В. Феномен «магического реализма» в малой прозе Г. Г. Маркеса // Кормановские чтения – 2010: Статьи и материалы межвуз. науч. конф. Вып. 9. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. ун-та, 2010. С. 445–453.
4. Козьякова М. И. Красный цвет как исторический символ русской культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 4 (114). С. 68–79.
5. Коломайнен Р. Исправляя прошлое [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gazeta-licey.ru/culture/literature/19332-ispravlyaya-proshloe> (дата обращения 30.07.2024).
6. Криничная Н. А. Мифология воды и водоемов. Былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: исследования, тексты, комментарии. М.: Академический проект, 2024. 467 с.
7. Криничная Н. А. Русская мифология. Человек на перепутье миров: былички, бывальщины, легенды, поверья о поисках и посещениях заповедных мест и миров. 2-е изд. М.: Академический проект, 2023. 298 с.

8. Логинов К. К. Колдуны Заонежья: истинные и мнимые // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Петрозаводск, 2000. С. 176–186.
9. Лопуха А. О. Фантастический мир Александра Грина // Проблемы исторической поэтики. Исследования и материалы. Петрозаводск, 1990. С. 112–114.
10. Маркова Е. И. Судьба России и любовь (гендерные аспекты в романе Татьяны Мешко «Кодун здесь») // Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России / Карельский центр гендерных исследований. Петрозаводск, 2005. С. 177–182.
11. Неёлов Е. М. Вместо предисловия // Мешко Т. А. Колдун здесь (на основе реальной судьбы заонежского колдуна): Роман. Петрозаводск, 2004. С. 4–5.
12. Неёлов Е. М. Фантастический мир как категория исторической поэтики // Проблема исторической поэтики. Петрозаводск, 1990. С. 31–40.
13. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Эксмо, 2024. 480 с.
14. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Эксмо, 2024. 224 с.
15. Слепков В. О времени и о стране // Север. 2014. № 3/4. С. 236–239.
16. Хусаинова Р. М. Типы фантастического в повестях сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19, № 2. С. 592–595.

Поступила в редакцию 10.10.2024; принята к публикации 31.01.2025

Original article

Maria V. Kazakova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-5236-3423; mvk-2013@bk.ru

Angelina A. Dorozhko, Master's Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
38gulya@mail.ru

FOLKLORE AND MYTHOLOGICAL MOTIFS AS MEANS OF CREATING FANTASY REALITY IN TATYANA MESHKO'S NOVEL *THE SORCERER IS HERE*

Abstract. This article presents a novel analysis of folklore and mythological motifs that underpin the author's realization of the concept of fantasy reality in the novel *The Sorcerer Is Here* (2004) by a Karelian writer Tatyana Meshko. The relevance of this study stems from the necessity to identify means for representing folklore and mythological motifs and images in modern Russian literature of Karelia. Employing comparative and descriptive research methods along with a systematic approach to literary analysis, the study reveals universal folkloric and mythical elements that construct the novel's fantasy world. The findings suggest that the intricate multifaceted composition of the work fosters its artistic unity in which the concept of "otherness" is integral. Central to the author's fantasy concept is the dichotomy of "us" versus "them," which inverts traditional meanings: "us" refers to the inhuman and weird, yet somehow humane, while "them" represents the human, yet with an infernal nature. The article also delves into various motifs, images, and structural elements that contribute to the creation of the fantasy reality in the novel, including the motif of the path (or road), magical assistants, anthropomorphic traits in the objective and natural worlds, and zoomorphic characteristics of human beings. These elements collectively reinforce the central theme of the novel – the struggle between good and evil and the preservation of the human ideal in the modern world. The results of this research can be valuable for future studies of contemporary literary processes and can be incorporated into university curricula and specialized courses on the history of Russian literature and the Russian-language literature of Karelia.

Keywords: Tatyana Meshko, modern literature, novel *The Sorcerer Is Here*, mythology, folklore, fairy tale, fantasy reality, poetics, color symbolism

Acknowledgements. The research was conducted as part of the R&D Support Program for undergraduate and graduate students and degree holders at Petrozavodsk State University funded by the Government of the Republic of Karelia.

For citation: Kazakova, M. V., Dorozhko, A. A. Folklore and mythological motifs as means of creating fantasy reality in Tatyana Meshko's novel *The Sorcerer Is Here*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):58–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1162

REFERENCES

1. Audzei, Z. A. Mythic-fantastic reality in Ernst Theodor Amadeus Hoffmann's literary opus. *Вестник БДУ. Серья 4: Филология. Журналистика. Педагогика*. 2015;1:11–15. (In Russ.)

2. Gorokhov, P. A. Historical fiction by Mikhail Bulgakov. The experience of philosophical interpretation. *Vestnik of Orenburg State University*. 2004;4(29):4–9. (In Russ.)
3. Kazankova, K. V. The phenomenon of “magical realism” in small prose of Gabriel Garcia Marquez. *The Kormanov Readings – 2010: Proceedings of the interuniversity research conference*. Issue 9. Izhevsk, 2010. P. 445–453. (In Russ.)
4. Kozyakova, M. I. Red as a historical symbol Russian culture. *Vestnik of Moscow State University of Culture and Arts*. 2023;4(114):68–79. (In Russ.)
5. Kolomaynen, R. Correcting the past. Available at: <https://gazeta-licey.ru/culture/literature/19332-ispravlyaya-proshloe> (accessed 30.07.2024). (In Russ.)
6. Krinichnaya, N. A. The mythology of water and water basins. Folklore accounts, legends, beliefs, cosmogonic and etiological stories of the Russian North: research, texts, commentary. Moscow, 2024. 467 p. (In Russ.)
7. Krinichnaya, N. A. Russian mythology. A man at the crossroads of worlds: folklore accounts, legends, beliefs about the search and visits to protected places and worlds. Moscow, 2023. 298 p. (In Russ.)
8. Loginov, K. K. Real and fake sorcerers of Zaonezhye. *Masters and artistic tradition of the Russian North*. Petrozavodsk, 2000. P. 176–186. (In Russ.)
9. Lopukha, A. O. The fantastic world of Alexander Green. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 1990. P. 112–114. (In Russ.)
10. Markova, E. I. The fate of Russia and love (gender aspects in Tatyana Meshko’s novel *The Sorcerer is Here*). *Gender in the works of contemporary writers from among the indigenous peoples of the European North of Russia*. Petrozavodsk, 2005. P. 177–182. (In Russ.)
11. Neyolov, E. M. Instead of foreword. *Meshko, T. A. The Sorcerer Is Here: based on a real life of a Zaonezhye sorcerer: Novel*. Petrozavodsk, 2004. P. 4–5. (In Russ.)
12. Neyolov, E. M. The fantasy world as a category of historical poetics. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 1990. P. 31–40. (In Russ.)
13. Propp, V. Ya. The historical roots of the fairytale. Moscow, 2024. 480 p. (In Russ.)
14. Propp, V. Ya. The morphology of the fairytale. Moscow, 2024. 224 p. (In Russ.)
15. Slepkov, V. About the time and the country. *Sever*. 2014;3/4:236–239. (In Russ.)
16. Husainova, R. M. Fantasy in the collection of stories “Evenings on a Farm Near Dikanka” by N. V. Gogol. *Bulletin of Bashkir State University*. 2014;19(2):592–595. (In Russ.)

Received: 10 October 2024; accepted: 31 January 2025

ТАТЬЯНА ГРИГОРЬЕВНА ИВАНОВА

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Отдела русского фольклора
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
tgivanova@inbox.ru

«ЯЗЫК ЦВЕТОВ» КАК ОДИН ИЗ ФЕНОМЕНОВ ФОЛЬКЛОРНОЙ КУЛЬТУРЫ

А н н о т а ц и я . В статье освещается рукопись «Язык любви» В. И. Пономарева – собирателя фольклора из г. Лальска бывшей Вологодской губернии. Материал в настоящее время хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Специально рассматривается «язык цветов», получивший популярность в городском обществе благодаря книгам Д. П. Ознобишина «Селам, или Язык цветов» (СПб., 1830), «Язык цветов (язык любви) / Изд. А. А. Быкова» (Рига, 1903) и др. Указывается на фольклорный характер лальского «языка цветов». Провинциальный «язык цветов» в определенной мере оправдывает так называемую русскую «аристократическую теорию» происхождения фольклора (начало XX века) или близкую к ней теорию немецкого фольклориста Ганса Науманна (1920-е годы) о транслировании произведений, созданных в социальных верхах, в народную среду.

К л ю ч е в ы е с л о в а : В. И. Пономарев, Лальск, «язык цветов», форма письменного фольклора, посадко-слободской фольклор

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иванова Т. Г. «Язык цветов» как один из феноменов фольклорной культуры // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 65–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1163

ВВЕДЕНИЕ

В Рукописном отделе Института русской литературы РАН хранится рукопись В. И. Пономарева «Язык любви»¹. В последние годы его имя неоднократно привлекало внимание исследователей. Биография его изложена в статьях К. О. Покурко и О. А. Теуш [1], [2].

Валериан Иванович Пономарев родился 12 (24) ноября 1889 года в г. Лальске Вологодской губернии (ныне Лузский район Кировской области). Он был вторым сыном (от второго брака) купца и местного краеведа И. С. Пономарева. Учился в Вологодском и Великоустюжском училищах, но в 1907 году был исключен за участие в революционных ученических кружках. Получив после сдачи экзамена звание народного учителя, В. И. Пономарев некоторое время преподавал в земской школе. В 1910 году, сдав экстерном экзамены за курс среднего образования, он поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета. По окончании университета (1914) начал службу учителем русского языка и истории в реальном училище г. Тотма Вологодской губернии. Впоследствии В. И. Пономарев стал директором этого учебного заведения, которое вынужден был покинуть в 1919 году, что было вызвано его «со-

мнительным» с точки зрения большевистских властей социальным происхождением. В дальнейшем он долгое время работал в Лальске, а затем в Вятке в различных учреждениях в качестве экономиста. В 1930 году В. И. Пономарев переехал в Свердловск, где продолжил службу экономистом. С 1936 года вернулся к педагогической деятельности в одной из школ города. С 1945 года Валериан Иванович – преподаватель Свердловского городского института усовершенствования учителей. Скончался В. И. Пономарев в 1980 году.

* * *

В домашнем архиве Пономаревых – Теушей сохранились материалы В. И. Пономарева. В статье «В. И. Пономарев – филолог, краевед и знаток культуры Лальска» [1] приводится список фольклорных рукописей В. И. Пономарева, относящихся к Лальску: народная драма «Царь Максимилиан»; «Лодка»; описание хождения с вертепом; «Язык любви»; былина-коляда «Сокол-корабль»; сказки «Глиндышек» и «Машка-светлоглазка», записанные по памяти; песня «Сказать ли вам, братцы»; стихотворения и песни, распевавшиеся лальской молодежью в 1900–1910-е годы; частушки в записях 1909–1915 годов;

материалы малых форм (куплеты, прибаутки). Занимаясь изучением истории родного города, В. И. Пономарев подготовил две рукописи: «Дореволюционное устное народное творчество на Севере России» и «История Лальска в конце XIX – начале XX вв.» [2]. В настоящее время опубликованы две главы – «Театр в Лальске в конце XIX и начале XX в.» (с материалом о народных драмах) и «Клубы в Лальске в конце XIX и начале XX в.» [3].

Во второй половине 1950-х годов В. И. Пономарев установил контакты с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом). В письме к В. Е. Гусеву, который в то время был старшим научным сотрудником Сектора устного народного творчества, 15 декабря 1957 года В. И. Пономарев раскрыл некоторые обстоятельства своего увлечения русским фольклором:

«В 1914 году, по окончании университета, я был назначен преподавателем русского языка и литературы в реальном училище в г. Тотьма Вологодской губернии. В ноябре 1915 года я организовал в училище ученический краеведческий кружок универсального типа. Однако на практике он вылился в форму кружка юных фольклористов, если не исключительно, то главным образом. Это соответствовало моим личным интересам и устремлениям. К тому же руководить одному универсальным краеведческим кружком было, конечно, невозможно. Через год движение юных фольклористов перекинулось в женскую гимназию, и в наш кружок стали поступать материалы и от гимназисток. К марту 1917 года было собрано материалов по фольклору такое количество, что педагогический совет реального училища решил издать сборник страниц в 400–500. Но этого не случилось: великие события 1917 года и последующих лет поставили перед нами другие задачи. Правда, работа кружка продолжалась еще до весны 1919 года, но на значительно более низком уровне, чем раньше» [РО ИРЛИ, р. V, кол. 202, п. 1, № 1, л. 3 об.].

В Тотьме В. И. Пономарев и его ученики, судя по письму к В. Е. Гусеву, записали частушки (3856 текстов), песни (97), историческую песню (1), описания крестьянских свадеб (6), сказки (7), детские считалки и прибаутки (93), заговоры (34). В работе кружка принимали участие 62 ученика. В РО ИРЛИ хранятся материалы, записанные в Тотемском уезде: сказка про Махмета царевича [РО ИРЛИ, р. V, кол. 202, п. 1, № 2], «Свадьба в Демьянове Тотемского уезда Вологодской губернии» (№ 6). Здесь же находится статья В. И. Пономарева «Язык причетов свадьбы в Демьянове» (№ 5). Все тексты даны в машинописи, как можно понять из письма, записи были присланы в Пушкинский Дом в качестве образцов материалов, которые автор надеялся опубликовать (публикация не состоялась).

Второй частью фольклорной коллекции собирателя является лальский материал. В письме

к В. Е. Гусеву говорится: «Лальский фольклор записан в 1909–1917 годах главным образом в Лальске и частично в Велико-Устюжском и Никольском уездах бывшей Вологодской губернии». Нас в этом материале привлекла рукопись «Язык любви» – статья и материалы к ней, где описаны значения цветов, предметов и жестов при общении молодежи на городских вечерах. В. И. Пономарев записывал соответствующий материал, как он пишет, в двух тетрадках, причем вторую тетрадь пополнял и его брат. «Языком любви» увлекалась лальская молодежь, и прежде всего учащиеся. В «язык любви» входили цветы, ленты, носовые платки, поцелуи, танцы. В этой же рукописи приведены значения внешних черт человека – походка, глаза, губы, рот, волосы.

В лальском «языке любви» цвет лент выражал то или иное чувство: белый – ненависть; красный – пылкая любовь; ярко-красный – глупость; коричневый – скромность; малиновый – верность; вишневый – обман; желтый – измена, непостоянство; сиреневый – гордость и т. д.

Значения носового платка прочитывается следующим образом: прижимание к губам – желание познакомиться; раскинуть на руках – знак согласия, можно осмелиться; обвивание (платка) – равнодушие; перегибание на колене – я вас люблю; прижимание к правому уху – дружба; растягивание обеими руками – я вас ненавижу; развешивание платка за плечами – следуйте за мной и пр. Думается, что игра с носовым платком в провинциальном Лальске является порождением соответствующей игры с веером в столичном обществе.

Дается в рукописи В. И. Пономарева и значение поцелуя: в голову – я твой / твоя; в лоб – знак уважения; в плечо – измена; в щеку – нежная любовь и т. д. Танцы также входили в лальский «язык любви»: вальс – «я вас люблю»; краковяк – «не отвергайте меня»; венгерка – «не обманывайте меня» и пр.

Последней частью рукописи В. И. Пономарева является список значений внешних черт человека. Плавная походка прочитывается как самодовольство; скорая – «я спешу в твои объятия» и пр. Черные глаза, по мнению жителей Лальска, означают энергию и проницательность; голубые – веселость, нежность, гордость и т. д. Тонкие губы свидетельствуют о презрении ко всем; толстые – уважении. Маленький рот – страдание; большой – добродушие, пылкая любовь. Черные волосы – жестокость, злость; русые – влюбчивость и пр.

Самой интересной частью лальской рукописи является «язык цветов», которым молодежь пользовалась не только на вечерах (основное место), но и во время прогулок за городом.

В статье В. И. Пономарев описывает ситуации, в которых молодые люди прибегали к цветам, иногда используя их в шутливо-иронических контекстах:

«Так <...> во время прогулки молодежи в поле кто-либо из юношей, увидев валявшийся, засохший, искалеченный подсолнечник длиной метра в полтора, поднимает его, с карикатурно-торжественным видом подносит какой-нибудь девушке и, “преклонив колена” и склонив голову, прочувственным голосом заявляет: “Со значением”. Подсолнечник имеет хорошее значение: “Вы сияете перед всеми, как солнце”, но вид его таков, что девушка сначала с недоумением смотрит на полутораметровый “цветок”, а затем, выхватив его из рук “поклонника”, мчит за ним. В погоню включаются другие девушки, и при общем хотее пойманный виновник происшествия подвергается заслуженной каре. Орудием наказания является тот же подсолнечник» [РО ИРЛИ, р. V, кол. 202, п. 1, № 4, л. 2].

Вторая картинка, запечатлевшаяся в памяти В. И. Пономарева, связана с желанием друзей помирить поссорившуюся пару:

«...какой-нибудь шутник во время <...> прогулки замечает, что Надя и Коля, не вполне равнодушные друг к другу и нередко гуляющие в укромных уголках сада, в этот раз что-то не поладили между собой и сердятся друг на друга. Шутник сейчас же вооружается лопухом и с серьезным видом подносит его Наде со словами: “Со значением от Коли” (значение лопуха “поди к черту”). Недоумевающая Надя, хотя и не вполне доверяющая шутнику, но обиженным тоном заявляет: “Отдай его обратно с тем же значением от меня”. Шутник спешит исполнить ее желание и вручает лопух Коле. Тот сначала с удивлением смотрит то на Надю, то на лопух, но потом, поняв, в чем дело, бросается в погоню за удирающим шутником. Надя присоединяется к Коле, и начинается “избиение младенца”. Шутник покорно переносит наказание, а затем, заметив, что Надя и Коля, забыв о своей размолвке, дружно его тузят, неожиданно их спрашивает: “Ну что, помирились? Вот и хорошо!” И все трое дружно возвращаются в общую компанию. Размолвки между Надей и Колей как не бывало» [РО ИРЛИ, р. V, кол. 202, п. 1, № 4, л. 2].

«Языком цветов» писались письма: «Ванилевый цвет и ландыш, анжелика, душистый горошек, гелиотроп, рябина, липа, смородина, черемуха, колос, березовый цвет, левкой, ель, хмель и альпийская роза». В переводе на обычный русский язык это значит:

«Я увидел тебя, и полюбил, и давно тебя люблю втайне. В тебе все хорошо! Ты прекрасна, как ангел! Я люблю тебя больше всех на свете. Любя тебя, я забываю сам себя. Чем больше на себя смотрю, тем больше тебя люблю. Если бы у меня были тысячи сердец, они все принадлежали бы тебе. Ангел, люби меня! Высшее счастье в жизни – любовь! Поцелуй меня! Твой поцелуй – блаженства для меня. Я буду любить тебя до гроба. Прими мою горячую любовь, и мы будем счастливы» [РО ИРЛИ, р. V, кол. 202, п. 1, № 4, л. 2–3].

Такие письма передавались юношами и девушками на вечерах в лальском клубе или на вечеринках в частных домах.

В рукописи В. И. Пономарева в алфавитном порядке приводится список цветов (208 позиций) и их значений (л. 7–14): березовая ветка – «Поцелуйте меня»; герань – «Желаю с вами гулять»; верба – «Очарование»; горох – «От твоего счастья зависит мое»; гречиха – «Не обманывайте»; ель – «Я буду любить тебя до гроба»; заячья капуста – «Зачем вы любите его?»; ива – «Пламенная любовь»; куриная слепота – «Не нависть»; лютик – «Я одинока среди полей»; малина – «Позвольте с вас карточку»; маргаритка белая – «Ты ангел! люби меня, как я тебя!»; мята – «Не оглядывайся на печальное прошлое»; осина – «Помоги мне»; подорожник – «Победайте же вашу гордость!»; роза красная – «Победа твоя»; роза повядшая – «Несчастье»; ромашка – «Раньше любила, теперь позабыла»; сирень – «Не заставляй меня ждать»; смородина – «Если бы у меня были тысячи сердец, они все принадлежали бы тебе»; табак – «Ты меня радуешь»; хмель – «Примите мою горячую любовь»; шавель – «Ты обидчива» и пр.

Очевидно, что лальский «язык цветов» является отражением культуры, которая была принесена в Европу англичанкой Мэри Уортли Монтегю, женой британского посла в Османской империи. Она смогла получить доступ в гарем в Константинополе, где и познакомилась с этой стороной восточной культуры. В 1762 году леди Монтегю издала книгу «Письма из Турции», где был описан гаремный «язык цветов». Эта игра распространилась по многим странам Европы, и уже в конце XVIII – первой трети XIX века стала весьма популярной в салонах Петербурга и Москвы. «Язык цветов» (флоропэтика) нашел отражение в стихах и дамских салонных альбомах, материал которых блестяще проанализирован в диссертации К. И. Шарафадиной «“Язык цветов” в русской поэзии и литературном обиходе первой половины XIX века (источники, семантика, формы)» (см. также: [4], [5]).

В наше время интерес к «языку цветов» возродился. В последние годы были изданы переводы двух англоязычных книг: Джесика Ру «Флориография: иллюстрированное руководство по викторианскому языку цветов» (М., 2022); Дж. Дэвис и Дж. Сондерс «Тайный язык цветов» (М., 2023). Назовем отечественные издания подобного рода: «Язык цветов. Русский травник / Под ред. В. П. Бутромеева» (М., 2006); А. Маслоков «Тайный язык цветов в искусстве модерна» (М., 2024).

Во второй половине XIX – начале XX века салонная игра в «язык цветов» в России из аристократических слоев общества спустилась в среду городского мещанства. Для нашей темы важен 1830 год, когда Д. П. Ознобишин, опираясь

на одно из немецких изданий², в книге «Селам, или Язык цветов» впервые опубликовал довольно большой список (более 300) цветов и их значений³. С этого времени «язык цветов» начал получать распространение в самых широких кругах грамотных людей, и прежде всего в среде купечества и мещанства.

В поле нашего зрения находится еще одно издание подобного рода: «Язык цветов, или Описание эмблематических значений, символов и мифологического происхождения цветов и растений. С прибавлением стихотворений, написанных на цветы русскими поэтами» (СПб., 1849). Однако, по нашим наблюдениям, оно не имеет никаких точек соприкосновения с книгой Д. П. Ознобишина. В издании 1849 года дается описание цветка, называется место его произрастания, приводятся строки из стихов, а также указывается эмблематическое значение. Круг значений много шире, чем у Д. П. Ознобишина. Помимо темы любви указываются другие: аконит – мечь; амарант – бессмертие; нарцисс – себялюбие; гранатовое дерево – честолюбие; пурпурная роза – верховная власть и др. Толкования цветов с любовной тематикой в книге Д. П. Ознобишина и издании 1849 года не совпадают: гортензия – «Жестокая! Как могла ты так скоро забыть меня» (Ознобишин) и «Любовь постоянная» (издание 1849 года); дубровка – «Какой жертвы ты бы от меня ни потребовала, всё исполню» (Ознобишин) и «Более на тебя гляжу, более тебя люблю» (издание 1849 года); ландыш – «Долго втайне я любил тебя» (Ознобишин) и «Ветренность, равнодушие» (издание 1849 года) и т. д.

В Интернете на сайте «Селам – язык цветов и тайных посланий» представлен еще один из дореволюционных вариантов селамы: цветной лист с изображением цветов и подписями их значений. Красная роза значила «Моя любовь к тебе съедает меня!»; иванов цвет – «Я за тебя»; незабудка – «Не забывай меня!»; эдельвейс – «Пиши мне скоро!»; альповая роза (так!) – «Я жду тебя»; крапива – «Напрасно! Ты не нравишься мне»; анютины глазки – «Вспомни меня!»; фиалка гвоздичная – «До скорого свидания»; дикая роза – «Я помираю от ревности!» и т. д.⁴ Очевидно, что были и другие издания, предлагавшие свои варианты «языка цветов».

Мы можем утверждать, что лальская рукопись опосредованно связана с книгой Д. П. Ознобишина. Об этом свидетельствует хотя бы то, что в рукописи В. И. Пономарева мы находим названия цветов, с которыми лалетяне никак не могли быть знакомы. Например, у Д. П. Ознобишина дана абрикосовая ветвь со значением «Ты очаровываешь меня своею прекрасною душою». В лальской рукописи также имеется абрикосовая

ветка, но с другим значением – «Люблю тебя невыразимо». У Д. П. Ознобишина зафиксирован виноградный лист, который толкуется как «Люби и наслаждайся». У В. И. Пономарева виноградная лоза означает «Дайте вашу карточку».

В отдельных случаях (нечастых) формулировки в толковании цветов совпадают в столичной книге Д. П. Ознобишина и в провинциальной рукописи В. И. Пономарева. Так, у Д. П. Ознобишина розовый стебель означает «нет!», а розовый лист – «да!» Соответственно у В. И. Пономарева: розовая ветка – «нет!», розовый листок – «да!». Для березового листа Д. П. Ознобишин приводит значение «Положитесь на меня»; та же формулировка дана у В. И. Пономарева. Однако чаще всего формулировки значений, оставаясь в том же семантическом поле, что и у Д. П. Ознобишина, варьируются, то есть явственно работают механизмы фольклорной традиции. См., например: акация – «Дружба исцеляет раны любви» (Ознобишин) и «Ваша дружба исцеляет мое сердце» (Пономарев); астра – «Умеешь ли ты любить постоянно?» (Ознобишин) и «Постоянна ли ты?» (Пономарев); василек – «Будь прост, как он» (Ознобишин) и «Будьте скромны, как василек» (Пономарев); гвоздика белая – «Вверься мне» (Ознобишин) и «Вверь мне свою любовь» (Пономарев); мята – «Изгладим из памяти все минувшее горе» (Ознобишин) и «Не оглядывайся на печальное прошлое» (Пономарев); нарцисс жонкиль – «Как можешь ты быть столь жестокою!» (Ознобишин) и «Жестокая! Как ты меня терзаешь!» (Пономарев); подсолнечник – «Ужели любовь не может преодолеть твоей гордости!» (Ознобишин) и «Победит ли любовь это гордое сердце» (Пономарев); тыква – «Пусть меня весь свет забудет, лишь была бы ты со мной» (Ознобишин) и «Какое мне дело до всего мира, если ты меня любишь!» (Пономарев) и др. Можно найти примеры противоположных толкований: кактус – «Не много часов был я осчастливлен тобою» (Ознобишин) и «Ты даришь меня многими счастливыми часами» (Пономарев). При толковании незабудки Д. П. Ознобишин в центр ставит адресанта послания («Пусть мой образ навсегда обитает в твоём сердце»), а Пономарев – адресата («Не забудь, твой образ меня преследует»).

Рассмотрим также книгу «Язык цветов (язык любви) / Изд. А. А. Быкова» (Рига, 1903), которая вполне могла быть известна молодежи Лальска. После краткого предисловия, написанного в романтическо-слащавом духе, следует словарь «языка цветов». Здесь в толковании цветов мы находим значительные сближения с лальской рукописью: абрикосовый цвет – «Могу ли я подойти к вам?» (Пономарев) и «Могу ли я приблизиться к вам?» (издание 1903 года); базилик (базе-

лекул) – «Я желаю узнать вас ближе» (Пономарев) и «Мы становимся все ближе и ближе» (издание 1903 года); бобовый цвет – «Как часто я вас подслушивал» (Пономарев) и «Как часто я тебя подслушивал» (издание 1903 года); железняк – «полагайся на мою любовь» (Пономарев) и «Пусть моя любовь будет тебе опорой» (издание 1903 года); лавр – «Я всегда удивляюсь тебе, но не могу любить» (Пономарев) и «Любуюсь тобой постоянно, но полюбить не в состоянии» (издание 1903 года); мак – «Не прощу никогда» (Пономарев) и «Этого я тебе никогда не прощу» (издание 1903 года); нарцисс – «Жестокая! Как ты меня терзаешь!» (Пономарев) и «Ты жестока до невозможности» (издание 1903 года); подсолнечник – «Победит ли любовь это гордое сердце?» (Пономарев) и «Неужели любовь никогда не покорит твоего гордого сердца» (издание 1903 года); розовый стебель – «Нет!» (Пономарев) и «Нет!» (издание 1903 года); розовый лист – «Да!» (Пономарев) и розовый красный лепесток – «Да!» (издание 1903 года); слива – «Ты обманула мои ожидания» (Пономарев) и «Ты разочаровала меня в ожиданиях» (издание 1903 года); страстоцвет – «Не оставляй веру, надежду и любовь» (Пономарев) и «Кто верит, надеется и любит, тому милости неба!» (издание 1903 года); табак – «Ты меня радуешь» (Пономарев) и «Ты веселишь мою душу» (издание 1903 года); тыква – «Какое мне дело до всего мира, если ты меня любишь!» (Пономарев) и «Что мне до всего света, если я любим тобою» (издание 1903 года) и т. д.

В. И. Пономарев определяет «язык цветов» как «своеобразный вид фольклора» [РО ИРЛИ, р. V, кол. 202, п. 1, № 4, л. 1]. Нам представляется, что собиратель абсолютно прав, включая этот сегмент культуры провинциального города в сферу фольклора.

Вариативность толкований можно отметить и внутри самой лальской рукописи. Как мы уже указывали, присланный в Пушкинский Дом машинописный вариант был составлен автором на основе двух тетрадей. Соответственно, в рукописи при названиях цветов цифра 1 означает первую тетрадь, а цифра 2 – вторую. Если толкование в обеих тетрадях совпадало, то В. И. Пономарев указывал только цифру 1. Некоторые растения в лальском списке цветов имеют две формулировки для толкования, то есть варьируются. Чаще всего это толкования с одним или близким значением: крапива – «Не хочу знать тебя», «Вы мне навязываетесь» (в тетради 1) и «Берегись меня и не привязывайся» (тетрадь 2); ландыш – «Я давно вас люблю втайне» (тетрадь 1) и «Тайная любовь» (тетрадь 2); лилия белая – «Невинность побеждает» (тетрадь 1) и «Ангел, невинность, я обожаю вас» (тетрадь 2);

черемуха – «Ты мой ангел!» (тетрадь 1) и «Ангел, люби меня!» (тетрадь 2) и пр.

Однако внутри лальской традиции можно найти примеры, где одному и тому же цветку приписываются разные значения. Так, лавр имеет значения «Я всегда удивляюсь тебе, но не могу любить» (тетрадь 1) и «Вы победили меня» (тетрадь 2); лимон – «Я желаю с вами переписываться» (тетрадь 1) и «Вы обольщаете всех, кроме меня» (тетрадь 2); полынь – «Не жди меня» (тетрадь 1) и «Мне без вас скучно» (тетрадь 2); укроп – «Скоро услышишь обо мне» (тетрадь 1) и «Не сердитесь, умоляю вас» (тетрадь 2); чертополох – «Всё кончено!» (тетрадь 1) и «Осмотритесь: враг есть между нами!» (тетрадь 2) и пр. Для репейника в тетради 1 зафиксированы два значения: «Я желаю прижать вас к сердцу» и «Сплетни».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, лальский «язык цветов» – это еще одна, скорее всего, упрощенная версия любовной игры, прошедшей путь: Османская империя (где она была подсмотрена англичанами) – Европа (Англия, Франция, Германия) – Петербург и Москва – провинциальные города (Лальск).

Рукопись В. И. Пономарева была создана с фольклорно-собираТЕЛЬскими целями. Однако не приходится сомневаться, что аналогичные рукописные варианты существовали и в другом качестве – как некое руководство по «языку цветов», используемое лальской молодежью. «Язык цветов» – это яркий пример письменного фольклора.

Провинциальный «язык цветов» в определенной мере оправдывает так называемую русскую «аристократическую теорию» происхождения фольклора (начало XX века) или близкую к ней теорию немецкого фольклориста Ганса Наманна (1920-е годы) о транслировании произведений, созданных в социальных верхах, в народную среду. Естественно, мы не принимаем всеобъемлющий характер этих теорий. Тезисы о происхождении былин в среде дружинных певцов, о сложении свадебного обряда женами старейшин представляются совершенно неубедительными. Тем не менее в определенных сегментах (в данном случае – «язык цветов») эти теории оказываются вполне работающими.

Второй тезис, который мы хотели бы закрепить в связи с «языком цветов», касается принадлежности его к посадско-слободскому фольклору. Фольклористика уже давно определила для себя, что устно-поэтическая традиция – это достояние не только крестьянства, но и городского населения. «Язык цветов» следует рассматривать как один из феноменов фольклорной культуры провинциального города.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рукописный отдел Института русской литературы РАН, р. V, кол. 202, п. 1, № 4, 17 л. машинописи. Далее: РО ИРЛИ.
- ² Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art. Berlin, 1823.
- ³ Ознобишин Д. П. Селам, или Язык цветов. СПб., 1830. См. переиздания: М., 2014; М., 2019.
- ⁴ Селам – язык цветов и тайных посланий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://grand-flora.ru/article/67-selam-language.html> (дата обращения 10.10.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Понурко К. О., Теуш О. А. В. И. Пономарев – филолог, краевед и знаток культуры Лальска // Герценка: Вятские записки. Киров, 2011. Вып. 19. С. 112–119.
2. Понурко К. О., Теуш О. А. Архив В. И. Пономарева как источник для изучения великоустюжской историко-культурной зоны // Историческая география: пространство человека VS человек в пространстве: Материалы XXIII Междунар. науч. конф. Москва, 27–29 января 2011 г. М., 2011. С. 365–367.
3. Пономарев В. И. Театр в Лальске в конце XIX и начале XX в.; Клубы в Лальске в конце XIX и начале XX в. // Герценка: Вятские записки. Киров, 2011. Вып. 19. С. 120–125.
4. Шарафадина К. И. «Алфавит Флоры» в образном языке литературы пушкинской эпохи: истоки, семантика, формы. СПб.: Петербургский институт печати, 2003. 309 с.
5. Шарафадина К. И. «Селам, откройся!»: Флоропэтика в образном языке русской и зарубежной литератур. СПб.: Нестор-История, 2018. 543 с.

Поступила в редакцию 11.11.2024; принята к публикации 31.01.2025

Original article

Tatyana G. Ivanova, Dr. Sc. (Philology), Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
tgivanova@inbox.ru

“LANGUAGE OF FLOWERS” AS A PHENOMENON OF FOLKLORE CULTURE

Abstract. This article analyzes the manuscript “The Language of Love” by V. I. Ponomarev, a folklore collector from Lalsk in the former Vologda Province. The manuscript is currently archived in the Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. The study specifically explores the “language of flowers”, which gained popularity among urban dwellers due to the influence of D. P. Oznobishin’s books “Selam, or the Language of Flowers” (St. Petersburg, 1830), “The Language of Flowers (the Language of Love): A. A. Bykov’s Edition” (Riga, 1903), etc. The folkloric nature of the Lalsk “language of flowers” is emphasized, suggesting that this provincial variant of the “language of flowers” supports the so-called Russian “aristocratic theory” of the origins of folklore proposed in the early XX century, as well as the similar theory by German folklorist Hans Naumann from the 1920s, which posit the transmission of artistic works from the social elite to the broader populace.

Keywords: V. I. Ponomarev, Lalsk, “language of flowers”, form of written folklore, posad and sloboda folklore

For citation: Ivanova, T. G. “Language of flowers” as a phenomenon of folklore culture. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):65–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1163

REFERENCES

1. Ponurko, K. O., Teush, O. A. V. I. Ponomarev – philologist, local historian, and connoisseur of Lalsk culture. *Herzenka: Vyatka Notes*. Kirov, 2011. Issue 19. P. 112–119. (In Russ.)
2. Ponurko, K. O., Teush, O. A. V. I. Ponomarev’s archive as a source for studying Veliky Ustyug historical and cultural zone. *Historical geography: human space VS human in space: Proceedings of the XXIII international research conference. Moscow, 27–29 January 2011*. Moscow, 2011. P. 365–367. (In Russ.)
3. Ponomarev, V. I. Theater in Lalsk in the late XIX and early XX centuries; Clubs in Lalsk in the late XIX and early XX centuries. *Herzenka: Vyatka Notes*. Kirov, 2011. Issue 19. P. 120–125. (In Russ.)
4. Sharafadina, K. I. “Flora’s Alphabet” in the figurative language of literature in Pushkin’s epoch: origins, semantics, forms. St. Petersburg, 2003. 309 p. (In Russ.)
5. Sharafadina, K. I. “Open selam!”: Floropoetics in the figurative language of Russian and foreign literatures. St. Petersburg, 2018. 543 p. (In Russ.)

Received: 11 November 2024; accepted: 31 January 2025

НАДЕЖДА СТАНИСЛАВОВНА БРАТЧИКОВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой финно-угорской филологии филологического факультета Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук Института международных отношений и социально-политических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7402-8327; n.bratchikova@mail.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ И ИХ ВЫРАЖЕНИЕ В РОМАНЕ Т. КИННУНЕНА «ПЕРЕКРЕСТОК ЧЕТЫРЕХ ДОРОГ»

Аннотация. Цель исследования – выявить и изучить особенности метафорических концептов в современном семейном романе на примере романа Т. Киннунена «Перекресток четырех дорог» (Neljäntienristeys, 2014). Гипотеза: метафорические концепты характеризуются многослойностью, максимальной степенью абстракции; в них признак одного концепта осмысливается как признак другого; метафорические концепты взаимосвязаны. В исследовании использован комплекс методов: лексикографический, синтаксический, стилевой, контекстуальный, сравнительный анализ. Комплексная процедура исследования выявила языковой потенциал романа. Он реализовался в создании атмосферы замкнутости, характерной для прибалтийско-финских хуторов, и передаче эмоционального состояния членов семьи, для которой характерны разобщенность внутри фамильного клана и изолированность от внешнего мира. Комплексный подход помог понять, как языковые особенности, в частности метафоры, аллюзии, речевые способы, отражают социальные, политические и культурные реалии времени действия романа. В произведении реализованы три ключевых метафорических концепта: *дом*, *путь* и *перекресток*. Они тесно переплетены и взаимосвязаны. Внешнее проявление концептов выражается в многократной повторяемости лексических единиц *talo* ‘дом’, *tie* ‘путь’, *risteys* ‘перекресток’. Контекстуальный анализ позволил изучить текст в его культурном и историческом контексте. Анализ метафор, аллюзий, речевых актов и способов, которыми персонажи выражают свои мысли и чувства, позволил понять эмоциональную атмосферу и душевное состояние персонажей и дал более полное представление о языковых особенностях литературного произведения. Практическая значимость состоит в том, что предложенная модель анализа концептов может быть использована при изучении языка и стиля писателей.

Ключевые слова: семейный роман, лексический состав, метафора, метафорический концепт, концептосфера, стиль текста

Для цитирования: Братчикова Н. С. Метафорические концепты и их выражение в романе Т. Киннунена «Перекресток четырех дорог» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 71–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1164

ВВЕДЕНИЕ

Семейный роман как жанр продолжает оставаться актуальным в современной мировой литературе, отражая социальные, культурные и эмоциональные аспекты, связанные с жизнью семьи. В условиях глобализации и миграции, когда люди сталкиваются с множеством культурных влияний, семейные хроники помогают читателям осознать, как формируются личные идентичности и представления о себе [10]. В романе описываются семейные конфлик-

ты, которые вызваны различиями в ценностях или личными амбициями. Эти конфликты отражают реалии дня, когда традиционные роли и нормы поведения переосмысляются. Темы примирения и поиска общего языка между поколениями становятся особенно актуальными, поскольку позволяют читателям увидеть, как можно преодолеть трудности и восстановить связи. Через подробные описания семейных взаимодействий автор создает атмосферу близости, позволяя читателям сопере-

живать героям. Семейные романы служат отражением социальных и культурных изменений, происходящих в обществе. Они могут затрагивать такие важные темы, как гендерные роли, сексуальная ориентация, вопросы воспитания детей и сохранения семейных традиций. В условиях, когда общество сталкивается с новыми вызовами и изменениями, эти романы помогают понять, как семьи адаптируются к новым условиям. Современные авторы экспериментируют с формами и стилями семейного романа, что делает этот жанр разнообразным и многослойным. Семейные истории могут быть представлены в виде хроники, эпистолярного жанра, художественного повествования.

Изучение романа Т. Киннунена «Перекресток четырех дорог»¹ актуально в связи с историко-культурным контекстом эпохи, в котором он появился. Произведение написано в первой четверти XXI века в то время, когда Финляндия переживала интенсивный процесс позиционирования в европейском пространстве, а индивидуальные ценности уступили место коллективным, социальные трансформации затронули общество в целом, жизнь конкретного человека отошла на второй план. Многие традиционные концепты, раскрытые в семейных романах XX века (В. Линна, Э. Йонелло, Ф. Э. Силланпя), получили новое содержание в связи с изменившимися общественно-политическими условиями. Современный семейный роман предлагает больше размышлять о любви, уважать человеческие слабости, понимать, что многие из них результат влияния официальных общественных установок на судьбу человека.

Дебютный роман Т. Киннунена является ярким примером современного романа о том, как личные истории переплетаются с судьбой страны. Он об истории трех поколений, жизненных невзгодах и умении молчать. Книга написана автором с целью сохранить память не только о своем семейном роде, но и о прошлом Финляндии, устоях провинциальной жизни. Акушерка Мария, родоначальница семьи Туомела, поселилась в конце XIX века в захолустном городке Куусамо северной Остроботнии. Вымышленная история героини и членов ее семьи составлена на основе архивных документов, фотографий, чудом сохранившихся у автора романа. Два плана рассмотрения – художественный вымысел и достоверная историческая событийность – позволяют достигнуть достаточной объемности видения проблемы. Киннунен показывает,

как исторические катастрофы влияют на судьбы отдельных людей, изучает травмы поколений и открывает новые грани счастья и горя. В его романе создается мощный эмоциональный отклик путем ведения диалога между повествователем и повествованием. Точка зрения нарратора определяет способ видения исторической действительности, формулирует интерпретацию некоторых событий прошлого [1: 177]. Т. Киннунен представляет события не так, как их знают историки, а так, как их видели и переживали очевидцы, члены семьи Марии Туомела.

Роман Т. Киннунена имел успех среди читательской аудитории по двум причинам: одной из них является интерес к впервые раскрытым, обычно скрываемым от широкой публики темам, а именно интимная жизнь персонажей, реакционный консерватизм местного населения [2: 136], социальное презрение к нарушителям негласных правил жизни северных лестадианцев [8: 713], амбиции, не только приносящие материальный успех, но и разрушающие личное счастье. Об этом писатель смело рассказал читателю. Второй причиной успеха был простой и четкий язык повествования. Яркие выразительные средства позволили передать глубину человеческих переживаний.

ОБЗОР НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Толчком, побудившим исследовать структуру метафор в романе Т. Киннунена, послужила книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», в которой введено понятие «метафорический концепт» [4: 28]. Определение метафорического концепта предложил Д. Г. Шаталов. Он представил его как

«абстракцию предметов и их признаков с переносом отдельных признаков одного концепта на другой. Метафорический концепт объединяет не только однородные предметы и их признаки, но и свои лингвистические проявления» [7: 55].

Метафорический концепт характеризуется дифференциальными и недифференциальными признаками, к которым относятся эмоционально-оценочные и ассоциативные. Исследователи считают, что существуют также внеконцептуальные признаки, обусловленные конкретной ситуацией и соответствующие реме в речемыслительной деятельности [7: 54]. Семантическая связность компонентов метафорических концептов и синтаксическая связность метафорических компонентов обеспечивают связность текста [6, [9: 255–280].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Изучение лексического потенциала текста показало, что все лексические единицы группируются вокруг трех метафорических концептов: *дом*, *путь* и *перекресток*. Их структура придерживается следующей схемы: указываются дифференциальные признаки концепта по модели «область-цель X выражается областью-источником Y».

Применительно к концепту *дом* первоначально создается базовая составляющая, наделенная традиционно соотносимыми с понятием ‘дом, жилище’ признаками. Дом описывается как физическое пространство: сначала он выглядел как *katari* ‘тесная каморка’ с небольшой собственной *rönttöuuni* ‘печкой’ (47), потом как крохотная *torppa* ‘торппа’, к которой в течение двадцати лет делались пристройки. Дом наполняется материальными предметами и реализуется через их содержание, например, *keittiö* ‘кухня’, *ruokahuone* ‘столовая’ (48), велосипед финской фирмы *Veljekset Friis Kokkola* ‘Братья Фрийс из Кокколы’ (39), *värilasit* ‘цветные стекла на веранде’ (52), *kotuutti* ‘тумба в ванную под раковину’ (52), *lipas* ‘комод’ (52), *polkukone* ‘ножная швейная машинка’ (56), *viuhkapalmu* ‘веерная пальма’ (68).

Метафорический концепт *дом* формируется из лексических единиц, обозначающих конкретные предметы. Метафорическое выражение выстраивается по принципу предикативной связи X есть Y, причем слова, относящиеся к области-источнику, принадлежат одной лексико-семантической группе. Слова из области-источника могут сопровождаться атрибутивными признаками, создавая оценочно-эмоциональный фон. Например, уровень зажиточности дома характеризуется бытовыми предметами иностранного производства, описание которых представлено нарочито подробно. Концепт начинается обрастать ассоциативными связями. Оценка дается не только с помощью слов из области-источника, но через восприятие персонажей, позволяющее оценить концепт в новом ракурсе:

«*Maria seuraa tyytyväisenä Lahjaan nousevaa tarmoa. Tytär sisustaa mielessään huoneita ja vaikuttaa pitkästä aikaan tyytyväiseltä*» (53) (‘Марии было приятно видеть, какую энергию излучает Лахья. Ее дочь мысленно обставляла комнаты, и, кажется, впервые за долгое время мать увидела ее счастливой’).

Рассматривая метафорические модели, мы столкнулись с примером, когда цель метафор одна и та же, но источники разные и связаны между собой синтаксически, например, концепт *дом* взаимодействует с концептом *жизнь*. Мета-

форическое взаимодействие заключается в том, что означаемое слово *жизнь* связано с означаемым *дом* при тождестве цели: создать сооружение, пройти жизненный путь, полный событий и впечатлений.

«*Elämä on rakennus, kuin iso talo, jossa on monta kamaria ja salia ja jokaisessa on monta ovea*» (61) (‘Жизнь – это здание, как большой дом, в котором много комнат и залов, и в каждой из них много дверей’).

На наш взгляд, это случай гиперонимической связи: источник метафоры получает новую цель – показать разнообразие жизни, которое сравнивается с большим количеством комнат и дверей в доме.

Следующая метафорическая модель влечет за собой нарушение логической структуры метафорического высказывания. В ней строительство дома женщиной-врачом оценивается как пренебрежение морально-нравственными устоями, принятыми обществом относительно социальной роли женщины. Ее действия получают негативную оценку провинциальных жителей, исповедующих лестадианство:

«*Kyläläiset ihmettelevät jatkuvaa talonpidennystä, ja sanovat, että kättilö yrittää kurkottaa pidemmälle kuin mihin naisen kuuluu ylettää*» (48) (‘Деревенские удивлялись постоянному расширению дома, сплетничая о том, что акушерка пытается достичь большего, чем женщине дозволено’).

Выражение *kurkottaa pidemmälle kuin mihin naisen kuuluu ylettää* имеет буквальный смысл ‘тянуться дальше, чем положено женщине’, получает в тексте значение ‘преодолеть преграду’. Дом становится символом новой социальной роли женщины. Автор описывает эмоциональный фон, помогающий интерпретировать значение концепта [7: 56].

Концепт *дом* включает в себя элементы концепта *конфликт*, поскольку размеры избы – длина и высота – стали не просто вызовом местным нравам, а буквально их игнорированием. Дом занимал господствующее положение в Куусамо. Высокий социальный статус главной героини сравнивается с высотой дома. Оба эти факта объединились в слове *korkeus* ‘высота’: *olla korkeuksilla* ‘быть на высоте’, но в тексте *korkeus* приобретает негативное значение ‘стать выше закона’: *Näillä korkeuksilla ei kieltolaki vaikuta* (48) (‘На таких высотах сухой закон не действует’).

Разрастаясь, дом затмил собой его обитателей. Он превращается в некоего монстра, который буквально нивелирует людей. Метафорическая модель *дом* формируется на основе антонимической пары *nousta* ‘возвышаться’ – *pienentyä* ‘уменьшаться’. Логическим заверше-

нием триады дифференцирующих признаков стал глагол *kadota* ‘исчезнуть’. Цель метафоры – показать растущие глухоту и одиночество на фоне расширяющегося здания. Дом не сделал никого счастливым: ни Марию, родоначальницу семьи, ни ее дочь Лахью, ни Онни, мужа Лахьи.

«*Sitä mukaa kun talo nousee, Lahja pienentyy hänen mieleensä ja katoaa johonkin lukemattomista huoneista, vielä rakentamattomista*» (267) (‘По мере того, как дом становился выше, Лахья в его (Онни, мужа Лахьи. – Н. Б.) сознании становилась все меньше, пока совсем не исчезла в одной из бесчисленных комнат, еще не построенных’).

Реализация концепта *дом* проходит во взаимосвязи с концептом *путь*. Он связан с еще одним дифференцирующим признаком этой метафорической модели, а именно детьми, следуя устойчивому стереотипу: в доме должны быть дети. Однако ребенок называется словом с явно выраженной негативной окраской – *äpäpä* ‘ублюдок’. Незаконнорожденная дочь Марии стала объектом ненависти родственников ее отца и осуждения деревенских жителей. Кроме того, взгляды матери, осуждающей лестадианство [2], в дальнейшем закрывают ее дочери Лахье путь к образованию и трудоустройству, потому что в деревне только исповедующие лестадианство получают рабочие места [8: 713].

Дом становится обителью одиноких людей. Эта метафора реализуется в больших фрагментах текста. Она соотносится с названием произведения, где присутствует слово *tie* ‘путь’, семантика которого имеет значение перемещения, движения в пространстве. Обитатели дома покинули его. Дом тих, безмолвен и безлюден: «*Talo on hiljainen, kuin kuollut sekini*» (330) (‘Дом был безмолвный, словно мертвый’).

Недостаток нежности и любви, которых жаждут члены семьи, оборачивается холодностью и грубостью. Подобная манера поведения Лахьи и невестки Каарины только усугубляет одиночество. Из уст своих внуков Мария слышит горькую правду о себе. Дом, который должен был быть наполнен шумом и весельем, становится тихим, молчаливым.

«*Pian he kaikki asuivat omissa huoneissaan suljettujen ovien takana ja varoivat häiritsemästä toisiaan. Valtava talo yäytyi hiljaisuudesta ja kohteliaasta huomioonottamisesta jossa aukijätetty ovi varmuuden vuoksi työnnettiin hiljaa kiinni, jottei rikottaisi toisen rauhaa. Lopulta jokainen istui vuoteensa reunalla kuuntelemassa toisten varovaisia liikkeitä ja odotti tulisiko joku käymään. Istuisi vaikka sängyn reunalla ja kysyisi, miten päivä oli mennyt. Mutta kukaan ei koskaan tullut eikä kukaan kysynyt, vaan he kaikki olivat suljettujen, kiinnityönnettujen ja lukottomien ovien vankeja*» (151) (‘Скоро все они жили в своих комнатах за закрытыми дверями и старались не беспоко-

ить друг друга. Огромный дом наполнялся тишиной и вежливым вниманием, где оставленная открытой дверь на всякий случай тихо закрывалась, чтобы не нарушить покой другого. В конце концов, каждый сидел на краю своей кровати, прислушиваясь к осторожным движениям других и ожидая, зайдет ли кто-нибудь в гости. Тогда бы он присел на краешек кровати и спросил, ну, как прошел день. Но никто никогда не заходил, и никто не спрашивал, все они стали пленниками закрытых, приоткрытых и незапертых дверей’).

В тексте неоднократно встречается взаимодействие и переход друг в друга метафорических концептов *дом* и *путь*. Как отмечают исследователи, «взаимодействие имеет место вне зависимости от того, когда и где в художественном тексте метафорические концепты получают лингвистическое выражение» [7: 56], см. также: [3], [5].

Дом Марии и ее дочери стоит у дороги, на перекрестке. Он виден всем и до него легко добраться. Все встречи начинаются на перекрестке, и все прощания происходят на нем же. Метафорическая модель *перекресток* получает значение старта и финиша жизненного пути.

«*Tien puolelle talon kulmaan syttyy lasikuupun alle ulkovalo, päätjän ensimmäinen. Hän on asennuttanut sen heti kun langat vedettiin kylän päitielle. Siellä se loistaa neljäntienristeykseen asti merkinä kaikille porokyydillä selkoisista tuleville, hiihtäen saapuville avunhakijoille ja vertaluvien vaimojensa puolesta pelkääville miehille*» (69) (‘На обочине дороги, на углу дома под стеклянным плафоном зажигался уличный фонарь, первый в округе. Она распорядилась установить его, как только к главной дороге в деревне были подведены провода. Фонарь освещает перекресток, как знак для всех тех, кто за помощью приезжает на оленях с дальних выгонов или приходит на лыжах, для мужчин, которые боятся за своих жен, истекающих кровью’).

Путь и *перекресток* являются сквозными метафорическими концептами в романе Т. Киннунена. Они используются в прямом значении при названии улиц и глав произведения. Например, глава, посвященная военным эпизодам в жизни персонажей, названа *Laukunkantajantie 1944* ‘Почтовый тракт 1944’, в которой присутствует слово *tie* ‘путь’. В прямом значении этот топоним реально существует в Куусамо, родном городе писателя, многие факты и события из жизни которого легли в основу романа.

Военные пути прошли сквозь сердца и души героев книги. Из четырех персонажей только муж Лахьи Онни непосредственно участвовал в военных действиях. Однако война вошла в жизнь героев через сожженный отступающими немцами дом Марии, через лишения и невзгоды, через новый опыт человеческих отношений у Онни, который обернулся для него расставанием с семьей и конфликтом с обществом.

Концепт *путь* приобретает значение *koketus* ‘опыт’, ‘душевная травма’. Путь для двух персонажей заканчивается трагично, но еще печальнее то, что он не стал опытом для потомков: духовной связи между старшим и младшим поколением не сложилось.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере произведения Т. Киннунена можно наглядно представить семантическую связность компонентов метафорических концептов, которая обеспечивает общую связность текста. Метафора может быть реализована в пределах небольшого или значительного фрагмента текста. Она всегда соотносена с названием и сюжетом произведения. Метафорические концепты *дом*, *путь*, *перекресток* в книге финского писателя неоднократно повторяются, что обеспечивает их запоминаемость. Метафорический концепт *дом* становится сложной и многослойной конструкцией, отражающей не только физическое пространство, но и эмоциональные, культурные

и социальные аспекты жизни. В финской культуре концепт *дом* ассоциируется с индивидуализмом и личной свободой. Метафорический концепт *путь* охватывает множество аспектов человеческой жизни, включая личностный рост, выбор, путешествия и даже судьбу. Все персонажи романа следуют своему уникальному пути, который полон поворотов, препятствий и неожиданных открытий. Дорога служит символом связи между людьми. На протяжении всего сюжета романа дороги не только объединяли, но и разъединяли людей. В конечном счете дорога – это не только путь, который проходят персонажи, но и способ, которым они воспринимают окружающий мир. Метафорическая модель *перекресток* является мощным символом встреч, неслучайно дом акушерки Марии стоит на пересечении дорог. Перекресток служит метафорой перемен. Все три концепта взаимосвязаны и переходят друг в друга, образуя концептосферу текста романа.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Kinnunen T. Neljäntienristeys. Helsinki: Werner Söderström OY, 2014. 334 p. Далее цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках. Перевод текста романа с финского языка на русский выполнен автором статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
2. Куропаткина О. В. Лестадянство: структура, ценностные установки и социальная позиция // Религиоведческие исследования. 2019. № 1 (19). С. 128–139 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lestadianstvo-struktura-tsennostnye-ustanovki-i-sotsialnaya-pozitsiya> (дата обращения 19.01.2025).
3. Курц М. А. Метафорическое моделирование в политическом дискурсе на материале статей, посвященных выходу Великобритании из ЕС в британской, немецкой и российской прессе // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2020. № 3. С. 115–127 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-modelirovanie-v-politicheskom-diskurse-na-materiale-statey-posvyaschennyh-vyvodu-velikobritanii-iz-es-v-britanskoj> (дата обращения 21.01.2025).
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
5. Лукиных А. А., Баранова И. В. Ключевые метафорические модели в материалах средств массовой информации в период пандемии коронавируса COVID-19 // Международный журнал экспериментального образования. 2020. № 6. С. 30–34 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://expeducation.ru/article/view?id=11994> (дата обращения 21.01.2025).
6. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: ВГУ, 1999. 253 с.
7. Шаталов Д. Г. Метафорические концепты и выражения: взаимодействие компонентов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1 (018). С. 53–61 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskie-kontsepty-i-vyrazheniya-vzaimodeystvie-komponentov> (дата обращения 20.01.2025).
8. Eskola J. Yhtenäinen sukupolviromaani // Yhteiskuntapolitiikka. 2014. № 79 (6). P. 712–713.
9. Goatly A. The language of metaphors. London: Routledge, 1997. 363 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academia.edu/41455641/THE_LANGUAGE_OF_METAPHORS (дата обращения 21.01.2025).
10. Kerttula S. Jokaisella sukupolvella on omat kirjailijansa. 28.02.2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.is.fi/kotimaa/art-2000007828894.html> (дата обращения 19.01.2025).

Поступила в редакцию 22.01.2025; принята к публикации 17.02.2025

Nadezhda S. Bratchikova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation) ORCID 0000-0002-7402-8327; n.bratchikova@mail.ru

METAPHORICAL CONCEPTS AND THEIR EXPRESSION IN TOMMI KINNUNEN'S NOVEL *WHERE FOUR ROADS MEET*

Abstract. This research investigates the characteristics of metaphorical concepts in contemporary family novels, focusing specifically on Tommi Kinnunen's novel *Where Four Roads Meet* (2014). The study's hypothesis posits that metaphorical concepts are characterized by multilayeredness and a high degree of abstraction, wherein the attributes of one concept are interpreted through the lens of another. Furthermore, these metaphorical concepts are interconnected. A comprehensive set of methods was employed in this research, including lexicographic, syntactic, stylistic, contextual, and comparative analyses. This comprehensive approach unveiled the linguistic potential of Kinnunen's novel, manifested through the creation of an atmosphere of isolation and social withdrawal, typical for Baltic-Finnic homesteads, and through conveying the emotional states of family members, marked by disconnection within the family clan and estrangement from the outside world. The comprehensive analysis facilitated an understanding of how linguistic features – specifically metaphors, allusions, and speech acts – reflect the social, political, and cultural realities of the novel's time setting. Three key metaphorical concepts emerge in the narrative: *home*, *path*, and *crossroads*, all of which are closely intertwined and interconnected, with their external manifestations represented through the repeated lexical units *talo* (house), *tie* (path), and *risteys* (crossroads). Contextual analysis further elucidated the text within its cultural and historical framework. By examining metaphors, allusions, speech acts, and the characters' expression of thoughts and feelings, this study provides a deeper insight into the emotional landscape and psychological states of the characters, thus offering a more nuanced understanding of the linguistic features of the literary work. The practical significance of this research lies in the proposed analytical model, which can be applied to the study of an author's style and the linguistic features of literary texts.

Key words: family novel, lexical composition, metaphor, metaphorical concept, conceptsphere, text style

For citation: Bratchikova, N. S. Metaphorical concepts and their expression in Tommi Kinnunen's novel *Where Four Roads Meet*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):71–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1164

REFERENCES

1. Danto, A. Analytical philosophy of history. Moscow, 2002. 292 p. (In Russ.)
2. Kuropatkina, O. V. Laestadianism: structure, values, and social position. *Researches in Religious Studies*. 2019;1(19):128–139. (In Russ.)
3. Kurc, M. A. Metaphorical modelling in political discourse based on articles dedicated to the withdrawal of the United Kingdom from the European Union in British, German and Russian print media. *Innovative Aspects of Science and Technology Development*. 2020;3:115–127. (In Russ.)
4. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we live by*. (A. N. Baranov, Trans., Ed.). Moscow, 2004. 256 p. (In Russ.)
5. Lukinykh, A. A., Baranova, I. V. Key metaphorical models of mass media during COVID-19 pandemic. *International Journal of Experimental Education*. 2020;6:30–34. Available at: <https://expeducation.ru/article/view?id=11994> (accessed 21.01.2025). (In Russ.)
6. Popova, Z. D., Sternin, I. A. The notion of “concept” in linguistic research. Voronezh, 1999. 253 p. (In Russ.)
7. Shatalov, D. G. Metaphorical concepts and expressions: interplay of components. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2009;1(018):53–61. (In Russ.)
8. Eskola, J. Yhtenäinen sukupolviromaani. *Yhteiskuntapolitiikka*. 2014;79(6):712–713.
9. Goatly, A. *The language of metaphors*. London, 1997. 363 p. Available at: https://www.academia.edu/41455641/THE_LANGUAGE_OF_METAPHORS (accessed 21.01.2025).
10. Kerätula, S. Jokaisella sukupolvella on omat kirjailijansa. 28.02.2021 Available at: <https://www.is.fi/kotimaa/art-2000007828894.html> (accessed 19.01.2025).

Received: 22 January 2025; accepted: 17 February 2025

Научная статья

Языки народов зарубежных стран

DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1165

EDN: NLFXYVY

УДК 81'373.43

АЛЕКСАНДРА МАКСИМОВНА ДЕМЕНТЬЕВА

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Российская Федерация)

aleksandra.dementieva@gmail.com

ЗАГОЛОВОК РУССКОЙ И ФИНСКОЙ НАУЧНОЙ СТАТЬИ: ДВЕ СТРАТЕГИИ В РАМКАХ ОДНОГО СТИЛЯ

А н н о т а ц и я . Анализируются заголовки из финского лингвистического журнала «*Virittäjä*» и рецензируемого научного издания «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» за период 2010–2024 годов. Цель исследования – выявить общие особенности заголовка финской и российской научной статьи на гуманитарную тематику. Гипотеза исследования заключается в том, что в рамках одного стиля финский и русский заголовки имеют существенные структурные различия. Заголовки отобраны методом сплошной выборки. Материал был проанализирован в трех аспектах: 1) синтаксическая структура заголовков, 2) емкость, 3) насыщенность терминологией. Результаты подтверждают гипотезу. Финский заголовок отличается большим структурным разнообразием, емкостью и лапидарностью, терминологией с более прозрачной внутренней формой по сравнению с заголовком в российской статье. Все эти факторы, однако, приводят к тому, что финскому заголовку свойственна большая смысловая размытость; русский заголовок информативнее, хотя его построение выдержано в строгих рамках. Результаты исследования могут использоваться в стилистике и вносят вклад в изучение заголовков в языках мира; они также могут применяться исследователями для построения заголовков собственных научных статей.

К л ю ч е в ы е с л о в а : заголовок, заглавие, стилистика, научный стиль, терминология, финский язык, русский язык

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дементьева А. М. Заголовок русской и финской научной статьи: две стратегии в рамках одного стиля // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 77–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1165

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то что наибольшее количество исследований, посвященных заглавиям, основано на текстах публицистического стиля, заголовок научной и научно-популярной статей в отечественной лингвистике также уделяется немало внимания. Например, анализируются лексика, которая часто используется в заголовках, синтаксис [6], [11], [13]; жанровые особенности [2], [5], [12]; функции и прагматика заголовков научных текстов [1], [3], [4], [7], [9], [10]. В Финляндии, напротив, заголовки фактически не изучены, имеется лишь несколько работ на материале языка СМИ [14], [15]. Большое количество исследований в отечественном языкознании и недостаток таких исследований на материале финского языка определяют актуальность выбранной темы.

Н. К. Рябцева исследует названия русских и английских научных статей в контрастивном

аспекте [8]. Для нашего исследования важны следующие выводы автора: русский и английский научный стили существенно различаются, а заголовки, созданные носителями английского языка, являются более прозрачными и понятными для читателя. В нашем исследовании мы рассмотрим, применимы ли эти выводы в рамках сопоставления финского и русского научного стиля. Поэтому цель настоящего исследования – выявить общие особенности заголовков российских и финских научных статей на гуманитарную тематику. Нами было отобрано методом сплошной выборки 180 финских заголовков из лингвистического журнала Финляндии «*Virittäjä*» и 120 русских заголовков из рецензируемого научного издания «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» за 2010–2024 годы и проведено сопоставление этих двух групп на предмет следующих лексико-синтаксических

особенностей: 1) синтаксическая структура, 2) емкость, 3) насыщенность терминологией.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

1. Общим синтаксическим типом русских и финских заголовков являются назывные предложения и генитивные именные группы, например:

«*Вербализация семантики лица в пословичных картинах мира русского и британского народов*».

«*Murteiden tutkimus väitöskirjojen viitteiden valossa*» ('Изучение диалектов в свете библиографических источников диссертаций'. – Здесь и далее перевод наш).

Именная группа может быть представлена в косвенных падежах, например, в русском языке с союзом «о» и предложным падежом, а в финском – в элативе:

«*О категоризации и перекатегоризации относительных прилагательных*».

«*Särkemys, Satimus ja Ylimys -tyyppisistä paikannimisistä*» ('О топонимах типа Särkemys, Satimus и Ylimys').

Обращает на себя внимание тот факт, что в русских статьях использование именных групп встречается в подавляющем большинстве. В проанализированном материале было обнаружено менее пяти названий, содержащих глагольные группы, например: «*Стоило ли распугивать птиц, или Пришвин в Карелии*». В финском научном дискурсе заголовок в виде назывного предложения доминирует, однако с ним соседствуют заголовки, оформленные в виде предложения со сказуемым, как правило, в виде риторического вопроса:

«*Onko Etelä-Pohjanmaan murteessa rautakautisia jälkiä?*» ('Есть ли следы времен железного века в диалекте Южной Остроботнии?').

2. Заголовок может состоять из двух частей, выстраиваясь по логическому принципу «от частного к общему» или наоборот. Русский заголовок в таком случае оформлен через именное сложносочиненное предложение с двоеточием или тире: «*Комедия Ю. Хейлалы "Собрание булочников": стратегия доместикации в переводе драматургического текста*». В первой части обычно указывается предмет исследования, а вторая часть конкретизирует проблематику анализа. Финскому заголовку также присущ этот прием, хотя в случае финских заголовков «общее» является более глобальным:

«*Tiedon rajat ja vuorovaikutus. Toteamukseen tai vaihtoehtokysymykseen vastaavat VOI OLLA –rakenteet*» ('Предел знаний и коммуникация. Конструкции с VOI OLLA в качестве реакции на утверждение или общий вопрос').

В финских статьях можно также наблюдать построение по принципу «от частного к общему».

Такие заголовки реализуются как два именных предложения, где в первом выступает пример из материала исследования, а во втором – указываются предмет / объект исследования:

«*Torkelsgatanista prospekt Leniniksi. Viipurin kadunimien heijastamat ideologiat keskiajalta nykypäivään*» ('Из Торкельсгатан в проспект Ленина. Идеологии, отраженные в названиях улиц Выборга, от Средневековья до наших дней').

«*Helmiä sioille". Fraseologisten yksiköiden rakenteesta ja variaatiosta*» ('Жемчуг свиньям». О структуре и вариативности фразеологических единиц').

Тот же принцип используется в состоящих из двух частей заголовках, в первой части которых используется привлекающая внимание метафора, а во второй указывается собственно содержание исследования:

«*Antagonistin äänellä. Hän-pronominin käyttö valituskertomuksessa*» ('Голосом антагониста. Употребление местоимения hän в речевом акте жалобы').

ЕМКОСТЬ

По данному параметру также выявлены различия. Финские заголовки отличаются большей лапидарностью:

«*Kuin-vertaukset*» ('Сравнения с kuin').

«*Kostamo, Onkamo ja muita paikannimiä*» ('Костамо, Онкамо и другие топонимы').

В заголовках подобного типа остаются неизвестными объект и субъект исследования, материал и другие важные детали. Такой заголовок представляется неконкретным для русского научного стиля. Даже в самых кратких заголовках отечественных статей читателю сообщает больше: по крайней мере, проблематика и тема статьи сформулированы яснее:

«*Традиции школы профессора И. П. Лупановой*».

«*Гоголь на Корфу*».

«*Адаптированный текст: развитие понятия*».

Отметим также, что лапидарности финских заголовков способствуют некоторые особенности грамматики – обилие падежей и композитов: «*Somalialaistaustaiset nuoret nimistöikäyttäjinä Itä-Helsingissä*» ('Употребление топонимов восточного Хельсинки молодежью сомалийского происхождения'). В данном заголовке все слова являются композитами, кроме прилагательного *nuoret* 'молодые', что существенно сокращает заголовок, делая его более компактным и упорядоченным.

Среди грамматических особенностей привлекает внимание употребление падежа партитива. Партитив в финском выражает такие значения, как незавершенность действия; он может нахо-

даться как в позиции прямого дополнения, так и подлежащего, выражая частичность, неисчисляемость и многое другое. Употребление партитива можно проиллюстрировать следующими примерами (слова в партитиве выделены):

«*Kieli-ideologioiden teoriaa ja käytäntöä*» ('Теория и практика языковых идеологий').

«*Suomen etymologisesti läpinäkymätöntä vesistömistöä*» ('Этимологически непрозрачные гидронимы Финляндии').

«*Suomen äännesymboliikkaa imitatiivien kautta tarkasteltuna*» ('Звуковой символизм финского языка сквозь призму имитативов').

Партитив в таких случаях может обозначать неполный анализ темы или частичный ее охват. В российской традиции в аналогичных случаях может использоваться предлог «о» или словосочетание «к проблеме / вопросу»:

«*О категоризации и перекатегоризации относительных прилагательных*».

«*К вопросу о языково-христианском синкретизме в карельской народной медицине (на примере болезни jutalanviga 'насланный Богом на человека недуг')*».

НАСЫЩЕННОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИЕЙ

На первый взгляд, финские заголовки менее насыщены терминологией по сравнению с русскими научными заголовками. Однако такое впечатление достигается за счет того, что многие термины в финском языке образованы путем основосложения, а при заимствовании применяется калькирование (например, *paikannimi* – топоним, букв. 'имя места'). В русском языке многие термины являются интернациональными и имеют латинский или греческий источник. Таким образом, финская терминология кажется несколько более прозрачной, особенно для неподготовленного читателя.

Интересен и тот факт, что в заголовках финских статей вполне допустимы авторские неологизмы. Это можно наблюдать в следующих примерах:

«*Yli, läpi ja kautta. Suomen grammirakenteiden voimadynamiikkaa*» ('Над, сквозь и через. Силовое взаимодействие служебных слов финского языка').

«*Eräillä-verbin polaarinен kaksihakmotteisuus merkitysmuutoksena*» ('Два противоположных значения глагола *eräillä* как процесс семантического изменения').

В первом заголовке присутствует композит *grammirakenne*, состоящий из существительных *grammi* зд. 'служебное слово' + *rakenne* 'струк-

тура', который оказывается авторским неологизмом. Во втором заголовке крайне редким является существительное *kaksihakmotteisuus* 'двойное понимание'. Оно отсутствует в крупнейшем толковом словаре финского языка «*Kielitoimiston sanakirja*» и в финском сегменте интернета обнаруживается практически исключительно в связи с упомянутой статьей. В русском научном стиле употребление редких лексем и авторских неологизмов встречается нечасто, и среди проанализированного материала таких примеров не было обнаружено.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволило прийти к следующему заключению. Несмотря на то что универсальными признаками научного стиля являются информативность и логичность, в языках они реализуются по-разному. Исследование выявило существенные различия между русскими и финскими заголовками в научных статьях. Финский заголовок отличается большим структурным разнообразием, емкостью и лапидарностью, терминологией с более прозрачной внутренней формой по сравнению с русским заголовком. Однако финский заголовок, хотя кажется на первый взгляд более понятным, таковым не является. Мнимую ясность создают стилистические приемы вроде привлекательных примеров из исследования и риторического вопроса, а также терминология, созданная с помощью композитов и имеющая прозрачную внутреннюю форму. Парадоксально, но эти факторы приводят к тому, что финскому заголовку свойственна большая размытость; не всегда заголовок освещает проблематику исследования и другие ключевые моменты. Возвращаясь к началу статьи, где были приведены выводы Н. К. Рябцевой относительно сравнения английских и русских заголовков научных статей, мы можем подтвердить, что не только английский и русский, но и финский и русский научные стили имеют существенные различия.

В конечном счете с практической точки зрения у обоих подходов есть свои преимущества. Креативность финского заголовка привлекает внимание и расширяет потенциальный круг читателей, в то время как преобладание информационной составляющей в русском заголовке экономит время исследователя и упрощает поиск информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова А. И., Васильев С. Л. Ориентирующая функция газетного заголовка как ключевой компонент его прагматики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 8. С. 62–67.

2. Архипова Е. И., Казакова О. А. Жанровая специфика научной статьи по лингвистике (на материале русского языка) // Вестник науки Сибири. 2013. № 1 (7). С. 263–270.
3. Богданова О. Ю. Заголовок как элемент текста // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. Вып. 1. Т. 13. С. 116–119.
4. Богданова О. Ю., Бабаян В. Н., Крамаренко О. Л. Заглавие и заголовок с позиций теории диктемной структуры текста и лингвистики эмоций // Казанская наука. 2020. № 9. С. 68–70.
5. Куликова И. С. Заголовок научной статьи как речевой жанр // Международный научный институт «Educatio». 2015. 3 (10). С. 41–44.
6. Науменко Ю. Н. Заголовки обзорных медицинских статей на английском и русском языках: семантические особенности синтаксических средств // Язык и культура в эпоху глобализации: Сб. материалов III Всерос. (национальной) науч. конф. с междунар. участием. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. С. 91–94.
7. Никитина М. А. Роль метафоры в реализации компрессивной и аттрактивной функций заголовков экономических статей на немецком языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 7 (120). С. 130–133.
8. Рябцева Н. К. Особенности названий научных статей на русском и английском языке: контрастивный аспект // Научный диалог. 2018. № 6. С. 32–42. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-32-42
9. Рянская Э. М., Алексеева Л. В. Прагматический компонент заголовков научных текстов (на примере англо- и русскоязычных публикаций по истории). Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2020. 99 с.
10. Стеблецова А. О., Науменко Ю. Н. Заголовки английских и русских научных статей: дискурсивно-когнитивные особенности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 4 (820). С. 161–179.
11. Суворова С. А. Лексическая детерминированность заголовков научных статей // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации. 2011. Т. 24 (63), № 1. Ч. 1. С. 166–169.
12. Христофорова Н. И. Заголовок как компонент электронного научно-популярного текста // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 7. С. 225–230.
13. Цуканова Ж. В. Структурные особенности заголовков гуманитарных и технических научных статей (на материале русского языка) // Гуманитарные научные исследования. 2018. № 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2018/05/24988> (дата обращения 22.01.2025).
14. Nuovila T. Lööppi iskee aikamme julkisuuteen // Median varjossa. Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto. 2002. S. 196–215.
15. Pennanen E. Verkko-otsikointi Hämeen Sanomien urheilutoimituksessa. 2024. 36 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/852177/Pennanen_Eetu.pdf?sequence=2 (дата обращения 25.01.2025).

Поступила в редакцию 27.01.2025; принята к публикации 17.02.2025

Original article

Alexandra M. Dementieva, Cand. Sc. (Philology), Head of Chair, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)
aleksandra.dementieva@gmail.com

TITLES OF RUSSIAN AND FINNISH SCIENTIFIC ARTICLES: TWO STRATEGIES WITHIN THE SAME STYLE

Abstract. The article analyzes titles from the Finnish linguistic journal *Virittäjä* and the peer-reviewed scientific journal *Proceedings of Petrozavodsk State University* for the period from 2010 through 2024. The purpose of this study is to identify common features of titles for Finnish and Russian scientific articles on humanities. The hypothesis of the study is that within the same style, Finnish and Russian titles have significant structural differences. Titles, selected using a continuous sampling method, were analyzed across three dimensions: 1) syntactic structure, 2) conciseness, and 3) terminology saturation. The findings confirm the hypothesis and suggest that Finnish titles demonstrate greater structural diversity, conciseness, and terseness, while their terminology is more transparent compared to that of Russian titles. However, all these factors contribute to a greater semantic vagueness of Finnish titles. Although Russian titles adhere to stricter structural conventions, they tend to be more informative. The findings can be used for stylistic studies and inform future research on titles in various languages, while practically they can assist researchers in creating effective titles for their own scientific publications.

Key words: title, headline, stylistics, scientific style, terminology, Finnish language, Russian language

For citation: Dementieva, A. M. Titles of Russian and Finnish scientific articles: two strategies within the same style. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):77–81. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1165

REFERENCES

1. Aleksandrova, A. I., Vasilyev, S. L. The orientation function of a newspaper headline as a key component of its pragmatics. *IKBFU's Vestnik*. 2014;8:62–67. (In Russ.)
2. Arkhipova, E. I., Kazakova, O. A. Genre specifics of scientific articles on linguistics (based on the material of the Russian language). *Siberian Journal of Science*. 2013;1(7):263–270. (In Russ.)
3. Bogdanova, O. Yu. Title as a text element. *Vestnik of Kostroma State University*. 2007;13(1):116–119. (In Russ.)
4. Bogdanova, O. Yu., Babayan, V. N., Kramarenko, O. L. Title and heading in dictemic structure of the text theory and linguistics of emotions. *Kazan Science*. 2020;9:68–70. (In Russ.)
5. Kulikova, I. S. Title of a scientific article as a speech genre. *International Scientific Institute "Educatio"*. 2015;3(10):41–44. (In Russ.)
6. Naumenko, Yu. N. Titles of medical review articles in the English and Russian languages: semantic features of syntactic tools. *Language and culture in the era of globalization: Proceedings of the III all-Russian (national) research conference with international participation*. St. Petersburg, 2024. P. 91–94. (In Russ.)
7. Nikitina, M. A. Role of metaphor in implementation of the compressive and attractive functions of headlines of economic articles in German. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2017;7(120):130–133. (In Russ.)
8. Ryabtseva, N. K. Academic papers titles: a Russian – English perspective. *Nauchnyi dialog*. 2018;6:32–42. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-6-32-42 (In Russ.)
9. Ryanskaya, E. M., Alekseeva, L. V. The pragmatic component of scientific text titles (study of English and Russian historical articles). *Nizhnevartovsk*, 2020. 99 p. (In Russ.)
10. Stebletsova, A. O., Naumenko, Yu. N. Titles of English and Russian research articles: discursive and cognitive features. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2019;4(820):161–179. (In Russ.)
11. Suvorova, S. A. Lexical determination of scientific articles titles. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2011;24(63-1):166–169. (In Russ.)
12. Khristoforova, N. I. Heading as a component of an electronic popular science text. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series of "Humanities"*. 2021;7:225–230. (In Russ.)
13. Tsukanova, Zh. V. Structural features of the titles of Russian humanitarian and technical scientific articles. *Humanities Scientific Researches*. 2018;5. Available at: <https://human.snauka.ru/2018/05/24988> (accessed 22.01.2025). (In Russ.)
14. Huovila, T. Lööppi iskee aikamme julkisuuteen. *Median varjossa*. Jyväskylä, 2002. S. 196–215.
15. Pennanen, E. Verkko-otsikointi Hämeen Sanomien urheilutoimituksessa. 2024. 36 p. Available at: https://www.theseus.fi/bitstream/handle/10024/852177/Pennanen_Eetu.pdf?sequence=2 (accessed 25.01.2025).

Received: 27 January 2025; accepted: 17 February 2025

ЛАРИСА ЮРЬЕВНА МУКОВСКАЯ

PhD, старший преподаватель кафедры финно-угорской филологии филологического факультета Санкт-Петербургский государственный университет доцент кафедры языков Северной Европы Института иностранных языков Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
larissa_mukovskaya@yahoo.com

ФОРМАНТ *-kond* И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ЭСТОНСКОМ ЯЗЫКЕ

А н н о т а ц и я . Числовое поведение и особенности семантики собирательных имен в эстонском языке исследуются на материале самого продуктивного форманта со значением собирательности *-kond*. Корпусные исследования существенно дополняют и вносят коррективы в уже имеющиеся результаты, полученные по лексикографическим источникам и грамматическим описаниям. Цель исследования состояла в выявлении специфики представления множественности в именах, которые, выражая собирательность, имеют полную числовую парадигму. Собирательные имена с формантом *-kond* обозначают множества однородных дискретных элементов, объединенных по разным критериям. Взаимосвязь представления множественности и числового поведения собирательных имен в эстонском языке ранее не рассматривалась. Результаты анализа показали, что тип представления количества элементов (как неопределенно большого или малого) оказывается существенным для разграничения множеств (в узком смысле) и совокупностей. Анализ контекстов употребления имен с *-kond* подтверждает предпочтение выбора плюральных форм в дистрибутивных и распределенных контекстах. Эмоциональные и нейтральные контексты также могут определять выбор числовой формы. Имя, выражающее множество, которое «нагружено» характеристиками разных типов, имеет тенденцию выбирать плюральные формы. Разработка темы взаимосвязи способа репрезентации множеств и грамматических особенностей имени позволяет находить новые закономерности, которые представляют интерес для разных теоретических и практических направлений лингвистики, таких как исследование полисемии, оценка тональности текста, поиск внутри- и межъязыковых соответствий.

К л ю ч е в ы е с л о в а : эстонский язык, имена собирательные, категория числа, количественность, множество
Д л я ц и т и р о в а н и я : Муковская Л. Ю. Формант *-kond* и представление множественности в современном эстонском языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 82–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1166

ВВЕДЕНИЕ

В эстонском языке выделяется четыре словообразовательных суффикса (*-kond*, *-stik*, *-tik*, *-mik*), способных передавать значения собирательности. Суффикс *-kond* отличается от других суффиксов чрезвычайно высокой продуктивностью [14: 123–133]. Например: *insener* ‘инженер’ + *-kond* > *insenerkond* ‘инженеры’.

Суффикс *-kond* в «Этимологическом словаре эстонского языка» (*Eesti etimoloogiasõnaraamat*) определяется как финно-угорский корень (основа), сохранившийся в эстонском языке в качестве словообразовательного суффикса, и соот-

носится со следующими элементами в других финно-угорских языках: ливск. *-gõnd*; водск. *kunta*; финск. *kunta* либо *-kunta* в составе сложных слов; ливв. *-kundu*; людик. *-kund*; вепск. *-kund*; саамск. *-goddi*; мокш. *kuńda*; ?хант. *χánti*; манс. *χõnt* и венг. *had* [16]. «Историко-этимологический словарь венгерского языка» (*A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*) в отношении лексемы венг. *had* ‘войско; масса людей, толпа, армия’ приводит похожие соответствия [10: 13].

Р. Каасик анализирует значения дериватов с суффиксом *-kond* в нескольких своих работах

[12: 237–238, 257–258], [13: 116–118], [14: 125–127]. Автор выделяет следующие группы имен:

1) названия группы людей (*inimkond* ‘человечество’, *meeskond* ‘команда’);

2) термины (*keelkond* ‘языковая семья’, *käändkond* ‘склонение’);

3) названия мест, территорий (*maakond* ‘уезд’) [14: 125–126].

В составе первой группы выделяются имена с «идиоматизированным значением» (*idiomatiiseerunud tähendusega*), обозначающие группы людей, объединенные по признаку: места (*paatkond* ‘лодочная команда’), выполняемых действий (*võistkond* ‘команда’), родства или общности взглядов (*sugukond* ‘семейство, родня’). Именно для дериватов первой группы отмечается высокая продуктивность словообразовательной модели [14: 125–126].

Х. Пярн, отмечая продуктивность суффикса, пишет, что «включение в словарь всех возможных образований с суффиксом *-kond* немислимо» [4: 53]. С одной стороны, это утверждение кажется вполне оправданным.

«Тип отмечается большой активностью и является почти универсальным для передачи данного значения (“совокупности лиц”. – Л. М.). Новообразования возникают буквально на каждом шагу и легко воспринимаются носителями языка» [4: 48].

Дериваты с суффиксом *-kond*, например, в корпусе текстов художественной литературы [5] по запросу за период 1990–2018 годов встречаются 3365 раз, а за период 1990–2024 годов – уже 6093 раза. С другой стороны, критерий отбора *kond*-дериватов для лексикографических источников остается неочевидным. Перед лексикографами стоит сложная задача – определить, какие лексемы включать в словарь, а какие нет. В эстонских словарях представлено разное количество *kond*-дериватов. Например, «Обратный словарь эстонского языка» (*Eesti keele pöördõnaraamat*) приводит 120 лексем [11], Словарь словообразования эстонского языка (*Eesti keele sõnapered*) объемом около 120 000 слов – 548 [19], «Ортологический словарь эстонского языка» (*ÕS 2018*) объемом около 130 000 слов – 172 [8], большой пятитомный «Эстонско-русский словарь» – 140 [17], его дополненная электронная версия 2019 года – 215 [15]. Поскольку чрезвычайная продуктивность этого суффикса признается только в случае, если он присоединяется к существительному, обозначающему лицо [12: 257], можно предположить, что в словаре можно «экономить» именно в этой группе, однако, например, в тематической группе лексем «Названия группы лиц по национальному признаку»

эта модель имеет ограничения. Так, при возможных *eestlaskond* ‘эстонцы’, *venelaskond* ‘русские’, *soomlaskond* ‘финны’, *rootslaskond* ‘шведы’, *lätlaskond* ‘латыши’ окажутся невозможными **ukrainlaskond* ‘украинцы’, **armeenlaskond* ‘армяне’, **leedulaskond* ‘литовцы’.

В [3] была сделана попытка на материале большого количества *kond*-дериватов осуществить более точную классификацию лексем по семантическому признаку. В дополнение к приведенным выше группам имен были выделены также:

– группы людей, объединенных по сословному, социальному статусу (*aadelkond* ‘дворянство’); национальному признаку (*eestlaskond* ‘эстонцы’); территориальному признаку (*linnaelanikkond* ‘городские жители’); общности интересов, хобби, убеждений (*austajaskond* ‘почитатели’); профессии или занятия (*kirjanikkond* ‘писатели’), учреждения, организации с входящими в их состав лицами (*abtkond* ‘аббатство’);

– группы одушевленных объектов, распределенных по времени (*järglaskond* ‘потомство’, *põlvkond* ‘поколение’);

– группы животных и растений (*veetaimkond* ‘водная флора’);

– сложные закрытые системы (*hammaskond* ‘зубы’).

В [3] выделяется две грамматические особенности дериватов с суффиксом *-kond*: способность сочетаться с количественными определениями и предикатами, рассчитанными на множественность. Однако в исследовании не ставилась цель подробно рассмотреть особенности лексем с суффиксом *-kond* как средства номинации множеств. В настоящей работе мы пытаемся восполнить этот пробел.

МАТЕРИАЛ И РЕЗУЛЬТАТЫ КОРПУСНЫХ ДАННЫХ

Для отбора материала исследования был использован корпус текстов художественной литературы на эстонском языке [5]. Объем корпуса в настоящее время составляет около 5,8 миллиона слов. Корпус содержит 6093 предложения с *kond*-дериватами и, в отличие от корпусов с большим количеством текстов, не прошедших редактирование (интернет-форумы, онлайн СМИ), а также от научных текстов, может содержать предложения с лексикой разных стилей и (как мы надеемся) прошедших редакторскую или авторскую обработку. Для анализа дополнительно привлекался материал веб-корпуса [9] (объем корпуса 270 миллионов слов из 686 000 интернет-страниц).

Числовое поведение имен с формантом *-kond*

Грамматическое поведение дериватов с *-kond* характеризуется частотным употреблением

форм мн. числа имен, которые обозначают небольшие группы людей (*meeskond* ‘команда’, *juhtkond* ‘руководство’). Оказалось, что для других групп корпус [5] не дает достаточное количество примеров. Запросы на употребление форм мн. числа на большем корпусе [9] подтверждают нашу гипотезу о том, что имена, обозначающие большие группы людей (*inimkond* ‘человечество’), также способны употребляться в плюральных формах (в том числе в текстах СМИ). Употребление плюральных форм особенно характерно для обозначения множеств, распределенных в пространстве:

Mujal Euroopas elutsesid sel perioodil juba inimkonnad ning tööriistu ei valmistatud enam neandertallaste kombe kohaselt [9] ‘В других регионах Европы в это время уже обитали **люди** (человечество-МН) и инструменты уже не изготавливались как у неандертальцев’.

или в посессивных конструкциях в сочетании с позессором в форме мн. числа:

Organisatsioonide liikmeskondades oli aga teade levinud kiiresti [9] ‘Среди **участников организаций** (организации-МН + членство-МН. ИН.) известие распространилось быстро’.

Для некоторых *kond*-дериватов употребление форм мн. числа оказывается невозможным по семантическим ограничениям (например, отсутствует форма мн. числа **eestlaskonnad*). Для имен, мотивирующим признаком которых выступают названия конкретных мест (*paatkond* ‘подочная команда’), выполняемых действий (*saatkond* ‘посольство’), признаки родства или общности взглядов (*perekond* ‘семья’), распределенность во времени (*põlvkond* ‘поколение’), а также для названий пространств (*maakond* ‘уезд’), наоборот, характерно свободное употребление форм мн. числа в количественных контекстах. Корпусный анализ показывает, что такие имена, как *riingkond* ‘округ’, *piirkond* ‘регион, область’, *valdkond* ‘область, сфера’, и сложные слова, в которых они выступают вторым компонентом, являются р1-ориентированными:

Paljudes Hiina piirkondades jääb üldse vahele lauatelefonide etap [5] ‘Во многих **областях** Китая вообще был пропущен этап настольных телефонных аппаратов’;

Eneseteostust otsis ta kõrvalistest eluvaldkondadest, mitte kutsetööst [5] ‘Самореализацию он искал в сторонних **областях жизни**, не в профессиональном труде’.

Интерпретация некоторых числовых форм *kond*-дериватов, обозначающих закрытые сложные системы, может вызывать вопросы, так как для таких имен можно предположить свободное употребление плюральных форм: например, так же как в *meeskond* ‘команда’ – *meeskonnad* ‘команды’ (команда-МН). Однако формы мн. числа некоторых названий комплек-

тов неодушевленных объектов (*soolkond* ‘кишечник’, *hammaskond* ‘зубной ряд’, *seedeelundkond* ‘органы пищеварения’, *hingamiselundkond* ‘органы дыхания’, *soonkond* ‘сосудистая система’) не употребляются. Так, лексема *hammaskond* ‘зубной ряд’ фиксируется в корпусе [9] только в форме ед. числа. Множество, обозначаемое *hammaskond*, представляется в языке как цельный объект со своими характеристиками, неслучайно самыми частотными атрибутивными группами в тексте (включая медицинские) являются *kogu / terve hammaskond* ‘весь зубной ряд’ (*vaadata korraga tervet hammaskonda* [9] ‘осмотреть за один визит **весь зубной ряд**’), и в дистрибутивных контекстах это имя ведет себя как неотделяемое обладаемое, то есть так же, как в предложении.

...*Ta oli oma silmadega näinud seisvat mitut rahvakunstinikku <...> pruunid ülikonnad seljas ja näol murelik ilme <...>* [9] ‘...Он видел собственными глазами несколько народных **художников <...>** в коричневых **пиджаках** и с озабоченным **выражением** лица’

существительное *ülikond* ‘пиджак’ (отделяемое обладаемое) в форме мн. числа, а имя *ilme* ‘выражение’ (неотделяемое обладаемое) в ед. числе. Похожее числовое поведение и у имени *hammaskond* в предложении

Siia rühma kuuluvad imikud ja väikelapsed, kelle suidõnt ja hammaskonda jälgitakse alates 6. elukuust [9] ‘К этой группе относятся **младенцы** и **маленькие дети**, ротовую полость которых и **зубы** (зубной ряд-ЕД) наблюдают с шести месяцев’.

В группе названий сложных систем отличается числовое поведение лексем *lihaskond* ‘мускулатура’, *sisikond* ‘внутренности’, для которых в дистрибутивных контекстах, наоборот, характерно употребление плюральных форм:

Kui ohvrid leiti, olid neil pead otsast lõigatud ning sisikonnad välja tummatud [9] ‘Когда были обнаружены **жертвы**, у них были отрезаны головы и вынуты **внутренности** (внутренности-МН)’.

В неэмоциональном контексте с плюральной формой конкурирует форма ед. числа:

Sisikond on kaladel eemaldatud, kõik ülejäänud teeme aga ise [9] ‘**Внутренности** (внутренности-ЕД) у рыб удалены, все остальное мы сделаем сами’.

Можно говорить об идиоматизации некоторых плюральных форм *kond*-дериватов в языке СМИ:

Riik rõhutab oma sensitiivses kommunikatsioonis ikka teatud ametkondade teadmisyvajadust <...> [9] ‘Государство подчеркивает потребность **известных служб** (служба-МН-ГЕН) в информации в чувствительной коммуникации’;

или в разговорном языке:

Kuid kui milleski kindel olla võis, siis selles igatahes, et teatud ametkonnad kõiki tema kõnesid pealt kuulavad ja

lindistavad [5] ‘Хотя если в чем-то и можно быть уверенным, так это в том, что **известные службы** прослушивают и записывают все его разговоры’.

Множества или совокупности?

В семантическом отношении *kond*-дериваты определяются как имена собирательные, обозначающие множества (множества объектов или пространств). Можно утверждать, что обозначаемые ими множества включают 1) однородные объекты, объединяемые единством места, в некоторых случаях единством времени, 2) объекты множества предстают как дискретные. Это свойство имен проявляется в их способности сочетаться с глаголами сложносоставности, например:

Igal juhul koosnes õpetajaskond parimatest pedagoogidest [5] ‘Во всяком случае **состояло** учительство **из** лучших педагогов’

или с послелогом со значением ‘среди’, ‘между’, ‘в составе’: *õpetajaskonna hulgas* ‘среди учителей’.

Идея собирательности во многих языках может быть представлена как множества (в узком смысле) и как совокупности. Например, в русском языке собирательное имя *беднота* определяется как совокупность, а существительное *свита* – как множество. Отличие совокупностей от множеств (в узком смысле) заключается в том, что множество может принимать количественное прилагательное (включаемые во множество объекты имеют обозримое количество, ср. *большая свита*), а совокупности – нет (элементы с уникальными признаками не считаются: **большая беднота*) [2: 153–165]. Оба типа имен, обозначающие совокупности и обозначающие множества (в узком смысле), могут сочетаться с количественными определениями *много* / *мало*. В русском языке в таких конструкциях имена-совокупности выступают в форме ед. числа (*много молодежи*), а имена-множества – в форме мн. числа (*много букетов*). В первом случае *много* относится к элементам совокупности, а во втором считаются сами множества [2: 153–165]. Этот своего рода тест не подходит для анализа имен в эстонском языке. Во-первых, морфология *kond*-дериватов всегда дает полные числовые парадигмы (это можно проверить на портале *sonaveeb.ee*), во-вторых, корпусные данные позволяют говорить лишь о тенденции в выборе числовых форм: утверждать, например, что лексема *insenerkond* ‘инженеры’ не употребляется совсем в форме мн. числа (при отсутствии таких в корпусе), мы не можем. Анализ атрибутивных определений при *kond*-дериватах в эстонском языке тоже не позволяет выделить

имена, обозначающие совокупности (ср. в русском языке *большая свита* и **большая беднота*), в эстонском языке они сочетаются с атрибутами количественной оценки: *väike ametnikkond* ‘мало чиновников (маленький + чиновничество)’, *arvukas eestlaskond* ‘многочисленные эстонцы’, *arvuliselt suur kristlaskond* ‘много христиан (количественно большой + большой + христиане)’.

Только в отношении имени *inimkond* ‘человечество’ можно предположить, что оно обозначает совокупность с неопределенно большим количеством элементов. Например:

Sest tähtedele jõudmisega on inimkond tõesti ületanud mingi piiri [5] ‘Так как, достигнув звезд, **человечество** (= люди) действительно перешло какую-то границу’. (Ср. также употребление в другом значении: *Inimkonna algul, neil ammustel aegadel Maal, tekkisid religioonid, tekkisid koos inimesega* [5] ‘В начале «человечества» (= возникновения человека), в древние времена, на Земле возникли религии, возникли вместе с человеком’.)

Интерпретация некоторых *kond*-дериватов как совокупностей или как множеств (в узком смысле) во многом зависит от контекста. Например, в *Kolledži direktor ja õpetajaskond õnnitlevad* [5] ‘Директор и **учителя** колледжа поздравляют’ собирательное существительное *õpetajaskond* ‘учительство’ можно трактовать как обозначающее множество, а в

Eelneva tulemusena ei ole viimastel aastatel olnud võimalik tagada õpetajaskonna taastumist, uuendada amortiseeruvat infrastruktuuri [9] ‘В последние годы не было возможным как предварительный результат обеспечить возрождение **учительства** и обновление амортизированной инфраструктуры’

– как совокупность.

В эстонском языке не всегда собирательное существительное можно заменить формой мн. числа конкретного существительного (см. в примерах выше **inimeste algul*; **õpetajate taastumist*). Хотя примеров синонимии *kond*-дериватов и форм мн. числа конкретных существительных в эстонском языке много, ср.: *Inimkond leiutas ratta* ‘**Человечество** изобрело колесо’ ~ *Inimesed leiutasid ratta* ‘**Люди** изобрели колесо’. Некоторые *kond*-дериваты вообще не имеют синонимичной пары (*põlvkond* ‘поколение’).

От конкретных имен существительных имена с *-kond* отличает специфическое употребление числовых форм в распределенных контекстах. Грамматики эстонского языка фиксируют формы ед. числа конкретных существительных для таких контекстов: *Eesti ja Soome president kohtusid Helsingis* [7: 206] ‘**Президенты** (президент-ЕД) **Эстонии и Финляндии** встретились в Хельсинки’. Корпусные данные позво-

ляют говорить об употреблении форм мн. числа собирательных имен с *kond*-элементом в таких контекстах:

Näiteks Rootsi ja Soome ühiskonnad on saavutanud teatud heaolu, mistõttu liigne pingutus pole enam vajalik, see omakorda viib arengu aeglustumiseni [18] ‘Например, общества (общество-МН) Швеции и Финляндии достигли известного благосостояния, поэтому чрезмерные усилия больше не необходимы, что, в свою очередь, ведет к замедлению развития’.

Этот факт эстонской грамматики, насколько нам известно, до сих пор не был описан.

Перенос значения

Имена множеств с *-kond* могут быть связаны отношениями метонимии. Случаи метонимии имеют ограниченный характер, можно говорить о лексикализации таких переносов значения:

– ‘группа людей’ – ‘период жизни этих людей’ (*põlvkond* ‘поколение’);

– ‘группа людей определенных взглядов, религии’ – ‘взгляды, учение, которых придерживаются эти люди’ (*kristlaskond* ‘христиане’);

– ‘(административная) территория’ – ‘группа людей, предметов, относящихся к этой территории’ (*maakond* ‘уезд’);

– ‘организация, учреждение’ – ‘группа работающих в этой организации’ (*saatkond* ‘посольство’).

Kond-дериваты могут обозначать конкретное множество лиц, участвующих в конкретной ситуации (*Harjutus möödunud, ruttas lauljaskond koju, elavalt vesteldes nähtud ja kuulnud asjust* [9] ‘Репетиция закончилась, поспешили певцы домой, оживленно беседуя об увиденном и услышанном’), так и всех лиц, объединенных во множество по одному критерию (*Meeskoride lauljaskond vananeb ja väheneb* (егг. ее) ‘Певческий состав мужских хоров стареет и уменьшается’), то есть обозначать реальное и абсолютное множество (ср.: [1: 92–93], [2: 165]).

Множество и количество

Среди имен с элементом *-kond* есть имена, обозначающие примерное количество: *kolmkond aastat* ‘года три’, *kümmekond minutit* ‘минут тридцать’, *tosinkond osalejat* ‘около дюжины участников’, *sadakond meetrit* ‘около ста метров’. В этих именах реализуется значение множества элементов, количество которых обозримо или примерно определено. Часть этих имен функционирует как названия войсковых единиц (*Ta ise jaotas tatarlased tuhatkondadeks, sadakondadeks ning kümme-kondadeks* <...> [5] ‘Он сам (Чингиз-Хан) разделил татар на тыся-

чи, сотни и десятки’). Как счетные слова могут функционировать и некоторые другие *kond*-дериваты (*pesakond kutsikaid* ‘выводок щенят’, *salkkond ratsanikke* ‘отряд всадников’).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексикографическое представление *kond*-дериватов затруднено в плане критерия выбора имен для словника и семантического описания этих имен. Полисемия, влияние контекста на значение имени и на его числовое поведение могут вызывать трудности в толковании слова и передаче значения в двуязычных словарях. Традиционная лексико-семантическая классификация имен с формантом *-kond* не позволяет сформулировать весь набор правил грамматического поведения этих имен. Анализ корпусных данных дает возможность описать числовое поведение собирательных имен с суффиксом *-kond* и особенности представления множественности в эстонском языке.

Имена с формантом *-kond* обозначают множества однородных дискретных предметов и представляют это множество как количественно недифференцированное. В грамматическом отношении имена с *-kond* специфичны в числовом поведении в следующих контекстах:

1) если обозначаемые ими множества представлены распределенными в пространстве, выбирается форма мн. числа;

2) в посессивных конструкциях при выражении однотипных множеств в позиции обладаемого выбирается форма мн. числа;

3) в эмоционально выделенных дистрибутивных контекстах выбирается форма мн. числа;

4) в эмоционально нейтральных дистрибутивных контекстах выбирается форма ед. числа.

Плюральные формы *kond*-дериватов могут идиоматизироваться или быть средством выражения негативной оценки.

В семантическом отношении имена с формантом *-kond*, обозначающие ограниченное (малое) неопределенное количество элементов, являются множествами. Имена, обозначающие группы с неопределенно большим количеством элементов, могут выступать как совокупности.

В представлении множества элементов в разных контекстах определяющими могут оказываться количественная характеристика самого множества (неопределенное большое или малое), отношение к другим подобным множествам (распределенность их в пространстве или времени), отношение к другим участникам ситуации. Имя, выражающее множество, которое нагружено разными характеристиками, имеет тенденцию принимать форму мн. числа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

венг. – венгерский
 вепск. – вепский
 водск. – водский
 ГЕН – генитив
 ЕД – единственное число
 ИН – инессив
 ливв. – ливвиковский
 ливск. – ливский
 людик. – людиковский
 манс. – мансийский
 МН – множественное число
 мокш. – мокшанский
 саамск. – саамский
 финск. – финский
 хант. – хантыйский
 эст. – эстонский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лешкова О. О. К вопросу о функционально-семантической категории собирательности в русском и польском языках // Советское славяноведение. 1984. № 5. С. 92–101.
2. Ляшевская О. Н. Семантика русского числа. М.: Языки славянской культуры, 2004. 390 с.
3. Муковская Л. Выражение квантитативности в имени в русском и эстонском языках. Tartu: University of Tartu Press, 2021. 184 с.
4. Пярн Х. Собирательные имена существительные в русском и эстонском языках как объект лексикографии // Проблемы сопоставительного изучения эстонского и русского языков. Таллин, 1985. С. 34–58.
5. Eesti Ilukirjandus 1990 – Koondkorpus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://keeleressursid.ee/et/193-eesti-ilukirjandus-1990> (дата обращения 29.01.2025).
6. Eesti keele seletav sõnaraamat 2009 / Toim. M. Langemets, M. Tiits, T. Valdre, L. Veskis, Ü. Viks, P. Voll. Tallinn: Eesti Keele Sihtasutus, 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arhiiv.eki.ee/dict/ekss/index.cgi> (дата обращения 29.01.2025).
7. Erelt M. Õeldis // Toim. H. Metslang. Eesti keele syntaks. Eesti keele varamu III. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2017. Lk. 93–239.
8. Erelt T., Leemets T., Mäearu S., Raadik M. Eesti õigekeelsussõnaraamat. ÕS 2018. Tallinn: EKSA, 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arhiiv.eki.ee/dict/qs> (дата обращения 29.01.2025).
9. etTenTen Estonian corpus from the web [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://keeleveeb.ee> (дата обращения 29.01.2025).
10. Farkas V., S. Hátori A., Hexendorf E., P. Hidvégi A., Kiss J., Kiss L., Kubinyi L., Papp L., Pusztai F., Zsilinszky E. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1970. 2. kötet. 1110 old.
11. Hinderling R. Rückläufiges estnishes Wörterbuch. Eesti keele pöördõnaraamat: sõnalõpuline leksikon. Sprach- und Literaturwissenschaftliche Fakultät, Universität Bayreuth, 1979. 635 s.
12. Kaasik R. Sõnamoodustus. Eesti keele varamu I. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2015. 424 lk.
13. Kaasik R. Eesti keele sõnatuletus. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 1996. 194 lk.
14. Kaasik R. Eesti keele sõnatuletus. Teine, täiendatud ja parandatud trükk. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2004. 202 lk.
15. Kallas J., Laasi H., Lagle T., Leemets H., Liiv M., Pärn H., Romet A., Simm L., Viks Ü., Õim A. Eesti-vene sõnaraamat, 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arhiiv.eki.ee/dict/evs> (дата обращения 29.01.2025).
16. Metsmägi I., Sedrik M., Soosar S.-E. Eesti etümoloogiasõnaraamat. Tartu: Eesti keele Sihtasutus, 2012. 792 lk. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arhiiv.eki.ee/dict/ety/> (дата обращения 29.01.2025).
17. Romet A., Melts N., Liiv M., Riikoja E., Martoja I., Smirnov S., Tetsov M., Tiits M., Valdre T., Veskimägi E. Eesti-vene sõnaraamat 1997–2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arhiiv.eki.ee/dict/evs1997> (дата обращения 29.01.2025).
18. Tasakaalus korpus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://keeleveeb.ee> (дата обращения 29.01.2025).
19. Vare S. Eesti keele sõnapered. Tänapäeva eesti keele sõnavara struktuurianalüüs [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arhiiv.eki.ee/dict/sp> (дата обращения 29.01.2025).

Поступила в редакцию 31.01.2025; принята к публикации 17.02.2025

Larisa Yu. Mukovskaya, PhD, Senior Teacher, Saint Petersburg State University, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)
larissa_mukovsky@yahoo.com

THE AFFIX *-KOND* AND PLURALITY REPRESENTATION IN THE MODERN ESTONIAN LANGUAGE

Abstract. The quantitative behaviour and semantic features of collective names in the Estonian language are studied using the material of the affix *-kond*, the most productive formant with the meaning of collectiveness. Corpus studies significantly complement and modify the existing results obtained from lexicographic sources and grammatical descriptions. The purpose of the study was to identify the specifics of the representation of plurality in names that express collectiveness and have a complete quantitative paradigm. Collective names with the formant *-kond* denote sets of homogeneous discrete elements combined according to different criteria. The relationship between the representation of plurality and the quantitative behavior of collective names in Estonian has not been studied previously. The findings indicate that the type of the representation of the quantity of elements (as indeterminately large or small) is essential for distinguishing sets (in the narrow sense) and aggregates. The analysis of contexts where names with the formant *-kond* are used confirms the preference for choosing plural forms in distributive and distributed contexts. Emotional or neutral contexts can also determine the choice of the quantitative form. Names representing a set “loaded” with characteristics of different types are prone to plural forms. Investigation of the relationship between the method of representing sets and the grammatical features of names allows us to find new patterns that are of interest to various theoretical and practical areas of linguistics, such as the study of polysemy, the assessment of the text tonality, and the search for intra- and interlingual correspondences.

Keywords: Estonian language, collective nouns, quantity, countability, set

For citation: Mukovskaya, L. Yu. The affix *-kond* and plurality representation in the modern Estonian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):82–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1166

REFERENCES

1. Leshkova, O. O. Revisiting the functional-semantic category of collectivity in the Russian and Polish languages. *Soviet Slavic Studies*. 1984;5:92–101. (In Russ.)
2. Lyashvskaya, O. N. Semantics of the Russian category of countability. Moscow, 2004. 400 p. (In Russ.)
3. Mukovskaya, L. Expression of quantitativity in nominals in the Russian and Estonian languages. Tartu, 2021. 184 p. (In Russ.)
4. Pärn, H. Collective nouns in the Russian and Estonian languages as a subject of lexicography. *Issues in Estonian and Russian comparative studies*. Tallinn, 1985. P. 34–58. (In Russ.)
5. Eesti Ilukirjandus 1990 – Koondkorpus. Available at: <https://keeleressursid.ee/et/193-eesti-ilukirjandus-1990> (accessed 29.01.2025).
6. Eesti keele seletav sõnaraamat 2009. (M. Langemets, M. Tiits, T. Valdre, L. Veski, Ü. Viks, P. Voll, Toim.). Tallinn, 2009. Available at: <https://arhiiv.eki.ee/dict/ekss/index.cgi> (accessed 29.01.2025).
7. Erelt, M. Öeldis. *Eesti keele syntaks. Eesti keele varamu III*. (H. Metslang, Toim.). Tartu, 2017. P. 93–239.
8. Erelt, T., Leemets, T., Mäearu, S., Raadik, M. Eesti õigekeelsussõnaraamat. ÕS 2018. Tallinn, 2018. Available at: <https://arhiiv.eki.ee/dict/qs> (accessed 29.01.2025).
9. etTenTen Estonian corpus from the web. Available at: <https://keeleveeb.ee> (accessed 29.01.2025).
10. Farkas, V., S. Hámmori, A., Hexendorf, E., P. Hidvégi, A., Kiss, J., Kiss, L., Kubinyi, L., Papp, L., Pusztai, F., Zsilinszky, É. A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1970. 2. kötet. 1110 old.
11. Hinderling, R. Rückläufiges estnishes Wörterbuch. Eesti keele põõrdõnaraamat: sõnalõpuline leksikon. Universität Bayreuth, 1979. 635 s.
12. Kaasik, R. Sõnamoodustus. Eesti keele varamu I. Tartu, 2015. 424 lk.
13. Kaasik, R. Eesti keele sõnatuletus. Tartu, 1996. 194 lk.
14. Kaasik, R. Eesti keele sõnatuletus. Teine, täiendatud ja parandatud trükk. Tartu, 2004. 202 lk.
15. Kallas, J., Laasi, H., Lagle, T., Leemets, H., Liiv, M., Pärn, H., Romet, A., Simm, L., Viks, Ü., Õim, A. Eesti-vene sõnaraamat, 2019. Available at: <https://arhiiv.eki.ee/dict/evs> (accessed 29.01.2025).
16. Metsmägi, I., Sedrik, M., Soosar, S.-E. Eesti etimoloogiasõnaraamat. Tartu, 2012. 792 p. Available at: <https://arhiiv.eki.ee/dict/ety/> (accessed 29.01.2025).
17. Romet, A., Melts, N., Liiv, M., Riikoja, E., Martoja, I., Smirnov, S., Tetsov, M., Tiits, M., Valdre, T., Veskimägi, E. Eesti-vene sõnaraamat 1997–2009. Available at: <https://arhiiv.eki.ee/dict/evs1997> (accessed 29.01.2025).
18. Eesti-vene sõnaraamat 1997–2009. Available at: <https://keeleveeb.ee> (accessed 29.01.2025).
19. Vare, S. Eesti keele sõnapered. Tänapäeva eesti keele sõnavara struktuurianalüüs. Available at: <https://arhiiv.eki.ee/dict/sp> (accessed 29.01.2025).

Received: 31 January 2025; accepted: 17 February 2025

БОРИС ИГОРЕВИЧ ЧИБИСОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества Тверской государственной медицинской университет (Тверь, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-2957-6068; borischibisov@yandex.ru

МИРОВАЯ ГРАМОТА ИЗ АРХИВА ПАЛЕОСТРОВСКОГО МОНАСТЫРЯ: ЭТНОТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А н н о т а ц и я . Проанализирована мировая грамота, датируемая 13 июля 6883 (1375) года, которая сохранилась в составе архива Палеостровского монастыря. Грамота устанавливала между и разрешала территориальный спор между челмужским боярином Григорием Семеновичем и жителями трех заонежских погостов и поселений, расположенных на западном берегу Повенецкого залива. Локализация топонимов свидетельствует о том, что по мировой грамоте боярину Григорию Семеновичу отходил весь Челмужский погост – округ общей площадью около 170 тыс. десятин, что приблизительно сопоставимо с территорией трех заонежских погостов. Показано, что вмешательство старосты Имоченицкого погоста Артемия Ори с «племенем» в территориальный конфликт позволяет считать, что были затронуты не только экономические, но и этнические интересы приотских вепсов. Земли Шунгского, Толвуйского и Челмужского погостов рассматривались вепским «племенем» как принадлежащие сообществу, несмотря на то, что участки находились в собственности боярина.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Новгородская земля, Заонежье, вепсы, топонимия, межэтнические взаимоотношения
Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Русь и соседние народы в XIII–XV вв.: идентичности и политические отношения» (№ 23-28-01032).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Чибисов Б. И. Мировая грамота из архива Палеостровского монастыря: этнотерриториальный аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 89–94.
DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1167

ВВЕДЕНИЕ

О средневековой истории Заонежья свидетельствует текст мировой грамоты, датируемой 13 июля 6883 (1375) года и сохранившейся в составе архива Палеостровского монастыря. Палеостровский монастырь расположен на острове Палей в Повенецком заливе Онежского озера. Грамота была опубликована Е. В. Барсовым¹ и позднее С. Н. Валком, который отнес ее к числу фальсификатов из-за того, что акт датирован числом, месяцем и годом, имеет два рукоприкладства и именуется «записью» [1: 314]. Все это отличает более поздние грамоты XVI века. Тезис о подложности грамоты разделял В. И. Корецкий [5]. С этим не согласилась Л. В. Данилова [2: 16–17]. Как показал В. Л. Янин, признаки фальсификата находятся только в последних строках грамоты, сохранившейся в списке XVII века, при этом основная часть грамоты соответствует древнему оригиналу [13: 236].

* * *

Мировая грамота начинается без какой-либо преамбулы. В первой клаузуле говорится: «се до-

кончаша миръ в миръ с челмужскимъ бояриномъ з Григорьемъ Семеновичемъ и со его детми». Предметом этого договора являются две позиции: «миръ взяли и между в Челмужскомъ погосте урядили». В подписании договора принимали участие две стороны. Первую представляли староста Вымоченского погоста Артемий «прозвищем Оря», шунгские смерды Иван Герасимов, Василий «прозвищем Стоивор» Глебов, а также Игнатий «прозвище Игоча» и Остафий Перфильевы. Кроме указанных лиц в грамоте упоминаются общности – «все шунжане, и все толвьяне, и все кузарандцы, и все вымоченцы», под которыми можно понимать правоспособное население погостов². Помимо представителей Вымоченского погоста мы видим здесь жителей трех заонежских погостов и поселений, расположенных на западном берегу Повенецкого залива, – Шунгского, Толвуйского и Кузарандского. Местность *Кузаранда* по описанию 1495/1496 года входила в состав Толвуйского погоста (рис. 1).

Рис. 1. Заонежские погосты.

Реконструкция Б. И. Чибисова с использованием сервиса «Яндекс Карты»

Figure 1. Pogosts in Zaonezhye.

Reconstructed by B. I. Chibisov using the Yandex Maps service

Другую сторону договора представлял боярин Григорий Семенович с двумя сыновьями, владевший землей и угодьями в Челму́жском погосте. В результате подписания документа стороны «докончаша миръ» и «межу в Челму́жскомъ погосте урядили», так что шунжане, толвуйане и кузарандцы обязались «не вступатися... в тую Григорьеву землю да в ту межую». Земля и угодья передавались «челму́жскому боярину Григорью и его детямъ во веки». В грамоте прямо не оговариваются причины конфликта, но их можно установить исходя из текста заключенного договора. Известно, что Петровский Челму́жский погост, где владел землей Григорий Семенович, находился напротив Кузаранды, Шунгского и Толвуйского погостов, в устье реки Немины, на восточном берегу Челму́жской губы Заонежского залива. Таким образом, расположение погостов относительно друг друга и «мировой» характер грамоты, которая зафиксировала проведение межи, свидетельствуют о наличии территориального конфликта между жителями заонежских погостов и боярином. Предметом конфликта выступала земля и угодья в Челму́жском погосте, на которые претендовали жители противоположного берега. Чтобы очертить границы земель, переданных боярину в Челму́жском погосте, нужно обратиться к локализации топонимов, упомянутых в грамоте. Большинство топонимов грамоты локализуются надежно, поскольку они сохранились до сих пор (рис. 2).

Начало межи локализуется так: «По Аржемы реки вниз в Онего озеро сельгою на Мяго остров к Кислякову носу». Река Аржема впадает в Онежское озеро в 20 км к северо-западу от центра Челму́жского погоста, за Челму́жской губой, Хиж-горой и рекой Возрицей. Следовательно, это находится на северной границе земель погоста.

Далее межа пролегла по акватории Онежского озера. Одним из ключевых ориентиров является Мяго-остров (от вепс. *mägi* 'гора', 'холм'). Он идентифицируется с треугольным в плане Мегостровом (1,7 × 1,7 км), расположенным в 7 км к западу от Челму́жского погоста, в районе сужения озера между Хиж-горой и Клим-носом. Участок межи от устья Аржемы до Мегострова (14 км) назван в грамоте «сельгой» – видимо, речь идет о подводной гряде, маркируемой рядом островов. Далее заканчивается Повенецкий и начинается Заонежский залив: «да на Хедо островъ, на Ловецкий носъ, да на Иванцов островъ х Конецкому острову к Березовцу, да на Пай луду и на Тубу реку на устье». От Мегострова граница проходила на протяжении 13 км по середине Заонежского залива до крупного (6 × 1 км) острова Хед. В километре от него на карте показан Иванцов остров, лежащий между Кузарандой в Заонежье и устьем р. Пяльмы на Челму́жском берегу. За ним, судя по карте, следует Пид-остров, который, видимо, именовался «конецким островом Березовцем». Далее идут мелководные участки глубиной 1–3 м, которые именуются «лудами» (от вепс. *lodo* 'мель'). Посреди них находится остров Пальян, в котором усматривается «Пай луда». Устье реки Тубы, где она впадает в озеро, расположено в 50 км к юго-востоку от центра Челму́жского погоста, около южного края Пудожской горы. Отсюда межа уходила в глубь материка: «Да по Тубе вверх на устье Анусары реки, да Анусарою рекою вверх на Великий камень, да на Ковь ручей, да Ковь ручьемъ вниз да в Пялму реку», то есть вверх по р. Тубе на протяжении 12 км и далее по ее правому притоку Анусаре. От верховьев Анусары межа пролегла водоразделом до притока р. Пяльмы (Ков-ручей). Далее она проведена по следующим географическим объектам: «Да Пялмою рекою вверх, до верховья Пялемского, да маселгою, по Тамбичи реке до Тамбича озера до верховья». Здесь надежно локализуется только начало (верховья р. Пяльмы) и конец межи (Верхнее Тамбичозеро), между которыми 47 км. Верхнее Тамбичозеро расположено в 25 км к северо-востоку от центра Челму́жского погоста. «Масельгой» составители грамоты предположительно именовали болотистый водораздел Онежского озера и Водлозера. Затем межа выстраивается «от Тамбича озера до Кочьмо озера и с Кочьмо озера по масельги до Аржемы реки, Аржемою вниз до Онега озера на Орлову луду и до Орлеца острова». Кочкомозеро находится к западу от Верхнего Тамбичозера. Отсюда до верховьев Аржемы (исходной точки межи) граница могла идти по водоразделу с рекой Выг [11: 133].

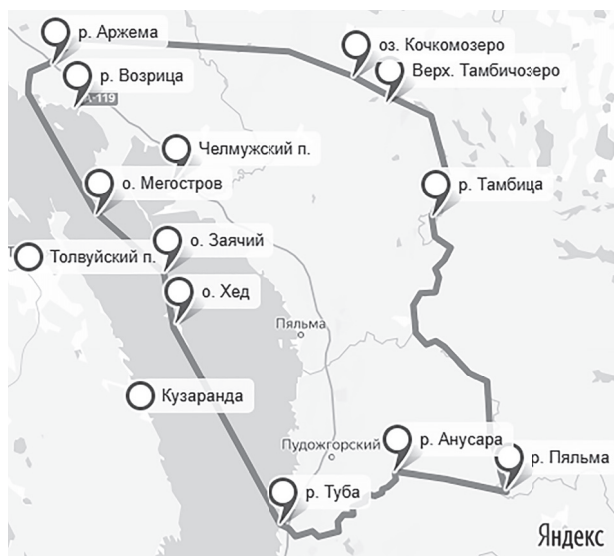

Рис. 2. Топонимические границы мировой грамоты 1375 года.
Реконструкция Б. И. Чибисова
с использованием сервиса «Яндекс Карты»

Figure 2. Toponymic boundaries in the 1375 Settlement Agreement. Reconstructed by B. I. Chibisov using the Yandex Maps service

Локализация межи свидетельствует о том, что по мировой грамоте боярину Григорию Семеновичу отходила территория приблизительно в 70 км вдоль восточного берега Повенецкого залива и примерно на 25 км в глубину общей площадью около 170 тыс. десятин, что приблизительно сопоставимо с территорией трех заонежских погостов. Упомянутые территории включали в себя земельные и рыболовецкие угодья («и в лешую пашню, ни в рыбную ловлю»), рыбные ловли «на Онежских островехъ», «во Зрицу реку» (на северной окраине погоста), «в сельги возле Онега озера» (на Челмужской косе) и «в Заецкой островъ» (остров Заячий к северу от острова Хед).

Интерес жителей Шунги, Толвуи и Кузаранды в разрешении конфликта вполне понятен: они пользовались землей, смежной с боярской. Однако первым в грамоте фигурирует староста Вымоченского погоста Артемий Оря. Попытка объяснить его участие в размежевании земель в Заонежье уже предпринималась в историографии. По мнению А. П. Шурыгиной, Вымоченский погост находился в Заонежье, рядом с Шунгским, Толвуйским и Челмужским погостами. Это были погосты с «черным» населением, которые выросли вокруг Палеостровского монастыря [12: 32]. В. Л. Янин считал, что Вымоченский погост как самостоятельная административная единица с таким названием не существовал. Он предположил, что с севера к Челмужскому погосту примыкал Выгозерский погост, тожде-

ственный Вымоченскому. В наименовании последнего, как оно передано в грамоте, возможно предполагать испорченное чтение «Вымолченский». Как заключил автор, «вымольцами назывался один из карельских родов на территории Выгозерского погоста» [13: 237]. Таким образом, согласно В. Л. Янину, Вымоченский (он же Выгозерский) погост граничил с Челмужским, а поземельный конфликт жителей с боярином имел чисто экономический характер. В целом и А. П. Шурыгина, и В. Л. Янин стремились разными способами показать, что все упомянутые в мировой грамоте погосты находились рядом, в Заонежье. Это довольно логично вписывается в картину «пограничного» спора. Однако второе название Выгозерского погоста как «Вымолченского» неизвестно по другим источникам, тем более родовая территория вымольцев находилась в северо-западном Приладожье, где известен топоним *Вымолский наволок*.

Между тем можно предложить еще один вариант объяснения того, почему первым в грамоте упомянут староста Вымоченского погоста. Предполагать испорченное чтение названия этого погоста в грамоте нет необходимости, поскольку по источникам хорошо известно и название данного погоста, и его географическое расположение. Под «Вымоченским погостом» мировой грамоты следует понимать Имоченицкий погост на реке Оя: именно под таким названием он фигурирует в писцовой книге 1563 года³. Погост располагался в 15 км от впадения Оя в Свирь и в 20 км от впадения Свири в Ладожское озеро (рис. 3).

Рис. 3. Локализация Имоченицкого погоста. Реконструкция Б. И. Чибисова с использованием сервиса «Яндекс Карты»

Figure 3. Localization of the Imochenitsky Pogost. Reconstructed by B. I. Chibisov using the Yandex Maps service

Имоченицкий погост известен как *Вымоченицкий* по сказанию о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия». В пяти версиях этого сказания, относящихся к концу XV–XVI веку, прямо указано, что впервые явление иконы произошло в месте, называемом *Вымоченицы*, расположенном на Ояти⁴. Писцовыми книгами зафиксированы две формы не только названия самого погоста, но и топонима *Имоченицкий* / *Вымоченицкий наволоок*, также находящегося на реке Ояти⁵. Ойконим *Имоченицы* входит в число других известных названий с конечным *-ицы*, замещающим в процессе славянской адаптации конечный *-i* вепсского оригинального ойконима *Himaçal*. Этот ойконим восходит к древнему вепсскому антропониму *Hima* в значении ‘желанный, долгожданный (ребенок)’, оформленному словообразовательным суффиксом *-č-* (*Himač*) [6: 95], [8: 87]. Двойная форма топонима в русских источниках обусловлена тем, что в процессе фонетической адаптации прибалтийско-финских названий в славянской системе имен происходит наращение протетического *в*, сопровождающееся переходом *и* в *ы* (например, *Ихлевицина* / *Вихлевицина*) [7: 148]. То есть Артемий Оря был старостой погоста, находившегося в юго-восточном Приладожье. Важно отметить, что староста упомянут в грамоте не один, но «со всем племянем». Племя следует понимать как кровнородственную группу, в которую входил Артемий и часть шунжан, толвуян и кузарандцев. Здесь возникает вопрос об интересах имоченицкого старосты и его «племени» в имущественном споре в Заонежье. А. Ю. Жуков справедливо утверждал, что, хотя погост находился на Ояти, его колонизируемые земли были в Шунгском и Толвуйском погостах [3: 13]. Экономическая сторона спора здесь очевидна, но есть и другая его грань. В этой связи важно обратить внимание на антропонию грамоты. Прозвище старосты Имоченицкого погоста Артемия может восходить к прибалтийско-финскому прозвищу *Orih* < *orih* ‘конь, жеребец’. Участвующие в заключении мировой некоторые шунгские смерды также имели прибалтийско-финские прозвища: *Василий* «прозвищемъ Стоивор» *Глебов* и *Игнатий* «прозвище Игоча» *Перфильев*. Комментируя берестяную грамоту № 8 «от Семнуновой жены к Игучку», А. А. Зализняк допускал возможное прибалтийско-финское происхождение этого мужского антропонима от имени *Игала* и усматривал параллель с грамотой 1375 года [4:

435]. Если видеть в носителях прибалтийско-финских прозвищ представителей неславянского населения, то на основании родственной связи к ним нужно отнести и брата Игнатия – *Осафия Перфильева*. Об этнической принадлежности *Ивана Герасимова* из Шунгского погоста однозначно сказать ничего нельзя. Названные выше прибалтийско-финские прозвища могут иметь как карельское, так и вепсское происхождение. Однако в данной ситуации можно сделать более определенные выводы. Как известно, Имоченицкий погост находился на реке Ояти. До середины XX века все юго-западное побережье Онежского озера было вепсским. Большое количество вепсских деревень сохранилось именно на Ояти: проживавшую здесь группу вепсов именовали приоятскими [9: 4]. Это обстоятельство дало основание некоторым исследователям считать вепсом Александра Свирского, который родился в селе Мандеры, расположенном на Ояти [10: 70]. Однако прямых подтверждений этому в тексте жития нет⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в грамоте предстает совершенно конкретная общность – вепсы Имоченицкого погоста со своим старостой, который, как показывает прозвище, был вепсом. Упомянутые в грамоте смерды также могут быть отнесены к вепсам, поскольку, во-первых, они имели прибалтийско-финские прозвища и, во-вторых, в их конфликт вмешались староста и «племя». Земли (или их часть) Шунгского и Толвуйского погостов рассматривались вепсским «племенем» как ему принадлежащие, несмотря на то, что участки находились в собственности боярина. Конфликт жителей Заонежских погостов с боярином привел к реакции приоятских вепсов. Вероятно, конфликт был весьма серьезен, если в его разрешении потребовалось участие старосты Имоченицкого погоста «со всем племенем». По всей видимости, с Ояти в Заонежье переселялись не отдельные семьи «новоприходцев», но группы насельников определенного погоста-метрополии, связанные в том числе кровнородственными узами. На новом месте они формировали дочерний погост по образцу прежнего. Переселения происходили на весьма значительные расстояния (так, Имоченицкий погост отстоит от Челмужского на 380 км), что было возможным благодаря водному пути по Свири и Онежскому озеру.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Барсов Е. В. Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М.: Университетская тип., 1868. Кн. 1. С. 19–222.

- ² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: АН СССР, 1949. С. 285.
- ³ Писцовые книги Новгородской земли (далее – ПКНЗ). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2. С. 100.
- ⁴ Кириллин В. М. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 1 (15). С. 110.
- ⁵ ПКНЗ. Т. 2. С. 247, 249.
- ⁶ Житие Александра Свирского: Текст и словоуказатель. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 25–26.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валк С. Н. Начальная история новгородского частного акта // Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. статей. М.; Л.: АН СССР, 1937. С. 285–318.
2. Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства Новгородской земли XIV–XV вв. М.: АН СССР, 1955. 440 с.
3. Жуков А. Ю. Формирование границ Карелии: крестьянское освоение территории и государство (XII–XVII вв.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов: Гуманитарные исследования. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. Вып. 1. С. 7–19.
4. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.
5. Корецкий В. И. Новгородские грамоты XV века из архива Палеостровского монастыря // Археографический ежегодник за 1957 г. М.: Наука, 1958. С. 437–450.
6. Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 157 с.
7. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. 242 с.
8. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 356 с.
9. Пименов В. В., Строгальщикова З. И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепской народности: Сб. статей. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1989. С. 4–26.
10. Строгальщикова З. И. Вепсы: очерки истории и культуры. СПб.: Инкери, 2014. 284 с.
11. Чернов С. З. Два погоста – одно «племя»: мировая грамота 1375 г. и механизмы вепской колонизации новгородского Обонежья // Русь в XIII–XV веках. Новые открытия в области археологии и истории. М.: Индрик, 2021. С. 119–152.
12. Шурыгина А. П. Новгородская боярская колонизация // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кафедра истории СССР. 1948. Вып. 78. С. 31–62.
13. Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М.: Наука, 1991. 385 с.

Поступила в редакцию 17.01.2025; принята к публикации 17.02.2025

Original article

Boris I. Chibisov, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Tver State Medical University (Tver, Russian Federation)
borischibisov@yandex.ru

THE SETTLEMENT AGREEMENT FROM THE ARCHIVE OF THE PALEOSTROVSKY MONASTERY: ETHNOTERRITORIAL ASPECT

Abstract. The article analyzes the Settlement Agreement dated 13 July 6883 (1375), which was preserved in the archive of the Paleostrovsky Monastery. The Agreement established the boundary and resolved the territorial dispute between a Chelmuzhsky boyar Gregory Semyonovich and the residents of three Zaonezhye pogosts (churchyards) and settlements located on the western shore of Povenetsky Bay. The localization of toponyms suggests that the Settlement Agreement gave the entire Chelmuzhsky Pogost, a district, which is approximately comparable in size to the territory of three Zaonezhye pogosts, to the boyar Gregory Semenovich. It is shown that the intervention of the head of the Imochenitsky Pogost, Artemy Orya, and his “tribe” in the territorial dispute suggests that both economic and ethnic interests of the Oyat region Veps were affected. The lands of the Shungsky, Tolvuysky, and Chelmuzhsky pogosts were considered by the Vepsian “tribe” as belonging to the community, despite the fact that the plots of land were owned by the boyar.

Key words: Novgorod Land, Zaonezhye, Veps, toponymy, interethnic relations

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation’s grant “Russia and neighboring peoples in the XIII–XV centuries: identities and political relations” (No 23-28-01032).

For citation: Chibisov, B. I. The Settlement Agreement from the archive of the Paleostrovsky Monastery: ethno-territorial aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):89–94. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1167

REFERENCES

1. Valk, S. N. Initial history of Novgorod private acts. *Supporting historical disciplines*. Moscow; Leningrad, 1937. С. 285–318. (In Russ.)
2. Danilova, L. V. Essays on the history of land ownership and economy of the Novgorod Land in the XIV–XV centuries. Moscow, 1955. 440 p. (In Russ.)
3. Zhukov, A. Yu. Formation of Karelian borders: peasants' development of the territory and the state (the XII–XVII centuries). *Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions: Humanities research*. Petrozavodsk, 2008. Issue 1. P. 7–19. (In Russ.)
4. Zaliznyak, A. A. The ancient Novgorod dialect. Moscow, 2004. 872 p. (In Russ.)
5. Koretsky, V. I. Novgorod credentials of the XV century from the archive of the Paleostrovsky Monastery. *The 1957 Archeographical Yearbook*. Moscow, 1958. P. 437–450. (In Russ.)
6. Mullonen, I. I. Essays on Vepsian toponymy. St. Petersburg, 1994. 157 p. (In Russ.)
7. Mullonen, I. I. Toponymy of Zaonezhye: Dictionary with historical and cultural commentary. Petrozavodsk, 2008. 242 p. (In Russ.)
8. Mullonen, I. I. Toponymy of Prisvirye: Problems of ethno-linguistic contacts. Petrozavodsk, 2002. 356 p. (In Russ.)
9. Pimenov, V. V., Strogalshchikova, Z. I. The Veps: settlement, history, problems of ethnic development. *Problems of history and culture of the Veps ethnic group*. Petrozavodsk, 1989. P. 4–26. (In Russ.)
10. Strogalshchikova, Z. I. The Veps: essays on their history and culture. St. Petersburg, 2014. 284 p. (In Russ.)
11. Chernov, S. Z. Two pogosts – one “tribe”: the 1375 Settlement Agreement and the mechanisms of the Vepsian colonization of the Novgorod Obonezhye. *Russia in the XIII–XV centuries. New archaeological and historical discoveries*. Moscow, 2021. P. 119–152. (In Russ.)
12. Shurygina, A. P. Novgorod boyars' colonization. *Proceedings of Herzen Leningrad State Pedagogical Institute*. 1948;78:31–62. (In Russ.)
13. Yanin, V. L. Novgorod acts of the XII–XV centuries: Chronological commentary. Moscow, 1991. 385 p. (In Russ.)

Received: 17 January 2025; accepted: 17 February 2025

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ МИНВАЛЕЕВ

кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-1079-4604; minvaleevs@gmail.com

ВКЛАД А. П. КОСМЕНКО В ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУР ФИННОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

А н н о т а ц и я . Статья посвящена Анне Павловне Косменко – выдающемуся этнографу, внесшему значительный вклад в изучение народного искусства финно-угорских народов России. Исследования А. П. Косменко, основанные на многолетних полевых экспедициях и анализе музейных коллекций, легли в основу ее фундаментальных трудов по орнаментальному искусству карелов, вепсов и саамов Кольского полуострова. Представлены малоизвестные страницы личной и научной биографии ученого, составленные на основе опубликованных работ, архивных материалов и интервью с коллегами и близкими, дополненных фотографиями из семейных архивов. Особое внимание уделено методологии исследований А. П. Косменко и потенциалу ее полевых материалов, которые хранятся в архиве и до настоящего времени остаются практически не изученными. Подчеркивается значимость ее научного наследия для современных этнологов, краеведов, мастеров-ремесленников.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Анна Павловна Косменко, биография, история этнографии, научное наследие, народное искусство, традиционные орнаменты, карелы, вепсы, саамы

Б л а г о д а р н о с т и . Публикация подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН (124022000029-0). Особую признательность выражаю Елене Эриковне Сабуровой за содействие в подготовке статьи.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Минвалеев С. А. Вклад А. П. Косменко в изучение культур финноязычных народов Северо-Запада России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 95–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1168

ВВЕДЕНИЕ

Анна Павловна Косменко является известным исследователем изобразительного искусства финно-угорских народов России. Ее научные труды по народным художественным промыслам и орнаменту карелов, вепсов, ижоры и саамов Кольского полуострова известны не только в России, но и за рубежом. В 2024 году выдающемуся этнографу исполнилось 80 лет, что послужило поводом вновь обратиться к работам Анны Павловны и отметить значимые вехи в ее профессиональной жизни.

Биография исследовательницы подробно представлена в статье К. К. Логинова, подготовленной к ее 70-летию [6]. Там же приведена и библиография, включающая в себя более 40 работ автора на русском, финском и английском языках. Поэтому я лишь кратко представлю основные моменты трудовой биографии Анны Павловны, дополнив текст фотографиями и воспоминаниями ее учеников, коллег и родственников, интервью с которыми я провел осенью 2024 года. Основное внимание в статье уделено анализу ее опубликованных работ и экспедиционных материала-

лов, хранящихся в Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ). Хорошим подспорьем в исследовании научной биографии А. П. Косменко послужили протоколы заседаний секторов Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (ИЯЛИ), в котором Анна Павловна работала с 1971 по 2004 год [8: 369–370]¹.

НАЧАЛО НАУЧНОГО ПУТИ

Анна Павловна Косменко (Хокконен) родилась 31 августа 1944 года в д. Старо-Сиверская Гатчинского района Ленинградской области в учительской семье ингерманландских финнов. Отец Павел Павлович был директором школы и преподавал математику, мать Дагмара Ивановна вела русский язык и литературу. В семье было четверо детей: Евгения, Эрик, Павел и Аня (рис. 1). После Второй мировой войны семья переехала в Карелию, где в 1961 году Анна закончила Пряжинскую школу. В этом же году она поступила на историческое отделение историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) (рис. 2). После окончания вуза в 1966 году

Анна по распределению один год работала учителем истории и обществознания в школе г. Пудож, а затем была принята на работу научным сотрудником в Карельский краеведческий музей. Здесь ее заметили Р. Ф. Никольская и В. В. Пименов – специалисты-этнографы из ИЯЛИ. Известные ученые высоко оценили ее вклад в разработку экспозиций музея «Бесовы следки» и раздела до-революционной истории Поморья Беломорского филиала музея и рекомендовали Анне поступить в аспирантуру и специализироваться в области изучения традиционного орнамента.

Анна Павловна поступила в целевую аспирантуру ИЯЛИ в 1968 году и была направлена на весь срок обучения (до 1971 года) в Институт этнографии АН СССР (Москва). Научным руководителем Анны Павловны стала известная исследовательница традиционного орнамента и одежды народов СССР Г. С. Маслова, уже имевшая опыт изучения карельской культуры [7]. Аспирантка приступила к написанию диссертации, посвященной этнокультурным связям карелов Карельской АССР на основе данных народного изобразительного искусства. Работа предстояла непростой, поскольку на тот момент тема традиционных орнаментов карелов практически не была изучена. Семь лет потребовалось А. П. Косменко, чтобы собрать полевой материал в русских и карельских поселениях, изучить экспонаты народного декоративно-прикладного искусства в столичных и региональных музеях, а также разработать собственную методику работы². Попутно Анна Павловна выступала на конференциях с докладами и готовила статьи по орнаменту, рукоделию и столлярному искусству карелов. К 1974 году у молодой

исследовательницы уже был готовый текст диссертации, опубликовано пять работ, подготовлены четыре рукописи. Еще один год потребовался, чтобы дождаться публикации статьи в центральном академическом журнале «Советская этнография» [9], рекомендованном для допуска к защите³. Наконец, 10 июля 1975 года кандидатская диссертация на тему «Народное изобразительное искусство карел Карельской АССР XIX – нач. XX вв. (в свете историко-культурных связей)» была успешно защищена в Институте этнографии АН СССР.

МЕТОДОЛОГИЯ РАБОТЫ А. П. КОСМЕНКО

Диссертационная работа А. П. Косменко стала первым комплексным исследованием различных типов традиционного искусства всех этнодиалектных групп карелов Карелии с применением историко-сравнительного метода. Кандидатская диссертация выявила лакуны, и дальнейшую трудовую деятельность Анна Павловна посвятила углублению и расширению своих знаний о народном искусстве не только карелов, но и вепсов, саамов, а также ижоры и води. Этнограф начала планомерно накапливать и анализировать материал по традиционным орнаментам народов Северо-Запада России, поэтапно собирая его с 1977 года у вепсов, с 1980-х годов – у саамов Кольского полуострова. В 1983–1985 годах она выезжала в экспедиции к ижоре и води в Ленинградскую область. Результаты работы А. П. Косменко почти ежегодно публиковала в виде статей, монографий и глав в коллективных трудах, многие из которых качественно иллюстрированы⁴.

В своих исследованиях Анна Павловна использовала новаторский на тот момент подход,

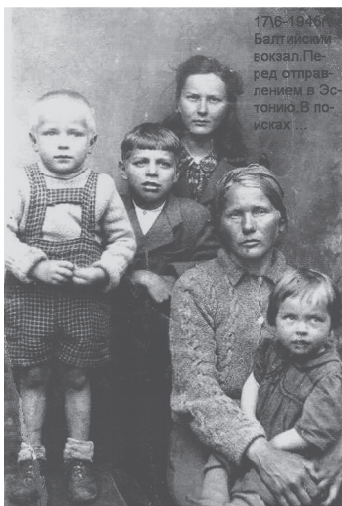

Рис. 1. Семья Хокконенов, 1949 год. Слева направо: Павел, Эрик, Евгения. На руках у матери Дагмары – Аня Хокконен. Личный архив Е. Э. Сабуровой

Figure 1. The Hokkonen family, 1949. From left to right: Pavel, Erik, Eugenia. Dagmara, the mother, holds Anya Hokkonen. Photo from the personal archive of E. E. Saburova

Рис. 2. 15-летняя Анна Хокконен, 1959 год. Личный архив Е. Э. Сабуровой

Figure 2. Anna Hokkonen, 15, 1959. Photo from the personal archive of E. E. Saburova

заклучавшийся в привлечении фольклорного и исторического анализа орнаментальных материалов. Например, сравнивая орнаменты карельских и вепсских вышивок, которые являются довольно консервативным явлением, А. П. Косменко обращалась к археологическим данным курганной культуры Юго-Восточного Приладожья. В выяснении функций и символики полотенец ей помогал фольклорный материал, например сказочные традиции, где вышитое полотенце играло ритуальную или магическую роль⁵. Эту методологию высоко оценили коллеги по институту. Так, при обсуждении рукописи об изобразительном искусстве вепсов в 1981 году известный фольклорист Н. А. Криничная отмечала:

«Мыслит автор такими категориями, которые приемлемы и для этнографов, и историков, и фольклористов, и археологов. Что фольклористы подтверждают на словесном материале, автор работы демонстрирует фотографиями вышивок»⁶.

С археологией у Анны Павловны была тесная связь не только в научной деятельности, но и в личной жизни. В 1973 году она вышла замуж за археолога Марка Георгиевича Косменко, с которым познакомилась во время обучения в Москве. Оба супруга затем работали в ИЯЛИ, где трудовая синергия семьи Косменко не раз давала плоды. Например, Марк Георгиевич выступил научным редактором *magnum opus* А. П. Косменко «Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России», который она представила в 2002 году и который был переиздан с дополнениями автора в 2011 году [4], [5]. Эта монография стала итогом 30-летнего изучения народного орнамента карелов, вепсов, кольских саамов и по своей форме и содержанию представляет уровень докторской диссертации. В ней посредством формального подхода были проанализированы традиционные орнаменты и выявлены хронологические пласты формирования различных элементов народного искусства финно-угорских народов Северо-Запада России.

Помимо академической работы А. П. Косменко проводила публичные лекции и консультации по традиционному искусству и одежде народов Карелии для сотрудников музеев, театров и мастеровых, выступала в СМИ, была членом Карельского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. У Анны Павловны была и педагогическая нагрузка в ПетрГУ, где она читала курс «Основы общей этнографии» и руководила студенческими исследованиями [6: 160–161]⁷. Так, в 1984–1985 годах она была научным наставником В. В. Сурво (в девичестве – Терентьева)⁸, которая на третьем курсе

историко-филологического факультета работала над курсовой работой по вышивке и росписи русских Карелии. Вера Викторовна вспоминает:

«Анна Павловна давала важные советы, как в экспедициях фиксировать сюжеты вышивок – помимо фотосъемки, переносить грифом на кальку. В середине 1980-х так я собирала материал для диплома. [Она] советовала, как разговорить и расположить к себе пожилых женщин, чтоб они показали семейные реликвии – именно так относились к традиционным вышивкам в Заонежье. Отзывы Анны Павловны [на мои тезисы и статьи] всегда были доброжелательными и высоко профессиональными. По ее рекомендации я получила перевод на кафедру этнографии ЛГУ⁹, где продолжила работу над темой “Образы вышивки русских Карелии”»¹⁰.

С самых ранних исследовательских лет А. П. Косменко не только самостоятельно выезжала в экспедиции, но и руководила полевыми отрядами. Во время отчета по итогам первого срока работы Анны Павловны в ИЯЛИ (1971–1974) старшая коллега Р. Ф. Никольская отметила, что ей нравится, как работает молодой специалист: «Целеустремленно, с любовью, на высоком уровне... Я довольна ее работой по руководству экспедиционным отрядом»¹¹ (рис. 3). Известные этнографы выезжали в свои первые «поля» под началом Анны Павловны: З. И. Етоева (после замужества – Строгальщикова), А. А. Кожанов, А. П. Конкка и др.¹² К. К. Логинов вспоминал, что по итогам своей первой экспедиции в Карелию к прионежским вепсам в 1977 году под руководством А. П. Косменко он составил полевой отчет на 242 страницах, но «в нем было немного сведений, которые бы не довелось записать Анне Павловне от ее стариков-информантов» [6: 160].

Рис. 3. Экспедиция ИЯЛИ в Медвежьегорский район Карелии, д. Карзиксельга (Мяндусельга), 1975 год. Слева направо: А. П. Косменко, П. Савельева (местная жительница), Р. Ф. Никольская, Р. П. Ремшуева, А. П. Конкка. Личный архив А. П. Конкка

Figure 3. Expedition of the Institute of Linguistics, Literature and History to the Medvezhyegorsk District of Karelia, village of Karziksella (Myanduselga), 1975. From left to right: A. P. Kosmenko, P. Savelyeva (a villager), R. F. Nikolskaya, R. P. Remshueva, A. P. Konkka. Photo from the personal archive of A. P. Konkka

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ А. П. КОСМЕНКО

О мастерстве и широте профессиональных взглядов А. П. Косменко свидетельствуют ее полевые материалы, хранящиеся в НА КарНЦ. Это дневники, отчеты и фотоальбом экспедиционных выездов к карелам¹³, вепсам¹⁴ и саамам¹⁵, которые на настоящий момент практически не изучены. Тематика сбора у Анны Павловны была самая широкая: отчеты и дневники изобилуют записями по бытовой, рабочей и праздничной одежде, тканям, деталям ткацких станков, посуде, мебели, архитектурным элементам, кустарному производству, отхожим промыслам и т. д. Полевые записи этнограф сопровождала эскизами, фотографиями (не все сохранились в НА КарНЦ) и подписями на родных языках опрашиваемых. Исследовательнице были важны не только элементы материальной культуры сами по себе, но и контекст их использования. Поэтому в записях можно найти информацию по праздникам, обрядам и верованиям; профессиональной и гендерной специфике использования предметов; социально-экономическим связям с соседними поселениями и др.

Остановлюсь подробнее на альбоме фотографий экспедиции к саамам с. Ловозера, составленном А. П. Косменко совместно с Г. В. Рапацкой и В. П. Кузнецовой в 1982 году¹⁶. Не все фотоснимки из альбома были опубликованы в монографиях, освещающих народное изобразительное искусство саамов [3], [4], [5]. Альбом содержит качественные черно-белые снимки видов Ловозера, экспонатов Ловозерского районного музея и местных жителей в традиционных саамских костюмах и украшениях. На некоторых photographиях мастерицы представлены за обработкой оленьей шкуры, прядением на прялке, убаюкиванием младенца в колыбели. Также исследователи запечатлели интерьеры жилых помещений, мебели и предметов быта, архитектурные элементы могильных сооружений, рисунок шаманских бубнов и танговых знаков. Особо отмечу, что все фотографии в альбоме прекрасно атрибутированы, подписи к ним содержат подробные описания, которые иногда занимают большее пространство, чем сама photographия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как можно видеть, Анна Павловна была очень трудолюбивым и увлеченным работой человеком. Племянница Е. Э. Сабурова отмечала рабочую атмосферу, которая царилa в доме семьи Косменко: повсюду было много бумаг, папок, альбомов, книг. Елена Эриковна шутила, что «любимым блюдом у тети Ани был бутерброд, так как заниматься готовкой с таким темпом жизни было некогда». Но для гостей Анна Павловна находила время приготовить блюда народной кухни. Елене Эриковне очень хорошо запомнилась рыба по-карельски (блюдо из ряпушки

или сельди-беломорки с картофелем и луком), которую Анна Павловна учила готовить свою племянницу¹⁷. На данный момент А. П. Косменко находится на заслуженном отдыхе и проживает у племянницы Елены Эриковны в п. Калевала.

Научное наследие А. П. Косменко остается востребованным как среди исследователей традиционной культуры народов России, так и среди практиков: экскурсоводов, ремесленников, мастеровых. Это подтверждает и этнограф А. П. Конкка, работавший с Анной Павловной в полевых выездах и институтских кабинетах с 1970-х годов (рис. 4):

«“Приобретение” Розы Федоровны (она взяла Анну Хокконен-Косменко в сектор) было более чем удачным. На уровне нашего ИЯЛИ Аня была хорошим, даже отличным, ученым. Нам повезло, что единственный человек, который занимался народным декоративным искусством в Институте, была именно Аня. Особенно была сильная книга о вепсах¹⁸. Я сам неоднократно пользовался ее богатыми материалами и находил подтверждение своим идеям в ее текстах. Ссылки на нее рассыпаны в моих работах, начиная со статей и до “Карсикко”¹⁹. <...> Я несомненно в своих исследованиях еще не раз обращусь за аналогиями к Косменко»²⁰.

Рис. 4. Сотрудники сектора этнографии и этносоциологии ИЯЛИ, 1985 год. Первый ряд (слева направо):

А. П. Косменко, И. Ю. Винокурова, О. Н. Ольхович, М. И. Мухина. Второй ряд (слева направо): Ю. Ю. Сурхаско, А. П. Конкка, В. Н. Бирин, К. К. Логинов, А. А. Кожанов, Е. И. Клементьев. Источник: сайт ИЯЛИ

Figure 4. Employees of the Sector of Ethnography and Ethnopsociology at the Institute of Linguistics, Literature and History, 1985. First row (from left to right): A. P. Kosmenko, I. Yu. Vinokurova, O. N. Olkhovich, M. I. Mukhina. Second row (from left to right): Yu. Yu. Surkhasko, A. P. Konkka, V. N. Birin, K. K. Loginov, A. A. Kozhanov, E. I. Klementyev. Source: website of the RAS Institute of Linguistics, Literature and History

Пообщавшись с коллегами и близкими А. П. Косменко, я могу резюмировать, что ее вспоминают как трудолюбивого, непубличного, скромного и в то же время прямолинейного человека. Человека, преданного своей профессии. Анна Павловна не только изучала карельскую культуру, но и расширила исследовательские рамки, охватив регионы проживания финно-угорских и славянских народов Северо-Запада России. Эти заслуги делают А. П. Косменко классиком российской и мировой этнологии и антропологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В результате структурных изменений внутри ИЯЛИ с момента окончания аспирантуры в 1971 году Анна Павловна работала в секторе фольклора и этнографии, с 1983 года – в секторе этносоциологии и этнографии, с 1991 года и до выхода на пенсию в 2004 году – в секторе этнологии.
- ² Косменко А. П. Народное изобразительное искусство карел Карельской АССР XIX – нач. XX вв. (в свете историко-культурных связей): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. 177 с. НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 114. Л. 1–22.
- ³ Протоколы заседаний сектора фольклора и этнографии с № 1 по № 12, 1974 г. // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 44. Д. 325. Л. 39–53.
- ⁴ Здесь я еще раз отсылаю читателя к библиографическому списку работ А. П. Косменко, подробно составленному К. К. Логиновым [6: 162–164].
- ⁵ Lukkarinen A. Anna Kosmenko, kansantaiteen tutkija Neuvosto-Karjalasta // Karjalan Heimo. 1988. № 11–12. S. 201.
- ⁶ Протоколы заседаний сектора фольклора и этнографии с № 1 по № 12, 1981 г. // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 44. Д. 485. Л. 77–78.
- ⁷ Протоколы заседаний сектора фольклора и этнографии с № 1 по № 12, 1974 г. // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 44. Д. 325. Л. 42; Протоколы заседаний сектора фольклора и этнографии с № 1 по № 12, 1981 г. // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 44. Д. 485. Л. 13.
- ⁸ Протоколы заседаний сектора этносоциологии и этнографии с № 1 по № 12, 1985 г. // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 44. Д. 567. Л. 36.
- ⁹ Ленинградский государственный университет имени А. А. Жданова, ныне – Санкт-Петербургский государственный университет.
- ¹⁰ Интервью из личного архива С. А. Минвалеева.
- ¹¹ Протоколы заседаний сектора фольклора и этнографии с № 1 по № 12, 1974 г. // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 44. Д. 325. Л. 39–40
- ¹² Косменко А. Этнографы на земле прионежских вепсов // Ленинская правда. 1977. № 284 (17322). С. 3.
- ¹³ Полевой дневник А. П. Косменко, Медвежьегорский р-н, 1970 г. // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 8; Материалы экспедиций А. П. Косменко за 1973–74–75 гг. в Медвежьегорский р-н КАССР по теме «Сегозерские карелы» (раздел «Одежда и украшения. Декоративное искусство») // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 9; Отчет А. П. Косменко об экспедиционной работе по теме «Сегозерские карелы», проведенной в Медвежьегорском и Муезерском районах КАССР в июле 1975 г. // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 12; Отчет А. П. Косменко об экспедиционной работе карельского фольклорно-этнографического отряда в средней и северной Карелии летом 1975 г. // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 13.
- ¹⁴ Полевой дневник А. П. Косменко. Записи экспедиции в Прионежском р-не КАССР и в Ленинградской обл. в июле – августе 1977 г. по теме «Народное искусство вепсов» // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 23; Полевые записи А. П. Косменко у южных вепсов д. Сидорово, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл. (июнь 1979 г.) // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 457; Полевой дневник А. П. Косменко. Сбор этнографических материалов по теме: «Народное изобразительное искусство вепсов», с. Ладва Подпорожского р-на Ленинградской области (средние вепсы) // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 459; Полевой дневник А. П. Косменко. Сбор этнографических материалов по теме: «Народное изобразительное искусство вепсов», с. Озера, Ленинградская обл., 1980 г. // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 458.
- ¹⁵ Фотоальбом экспедиции 1982 г. к саамам Ловозерского р-на Мурманской области (сост. А. П. Косменко, Г. В. Рапацкая, В. П. Кузнецова) // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 867; Косменко А. П. Отчет экспедиции к саамам Кольского полуострова за 1983 г. (с. Краснощелье) // НА КарНЦ. Ф. 1. Оп. 50. Д. 868.
- ¹⁶ Фотоальбом экспедиции 1982 г. ...
- ¹⁷ Интервью из личного архива С. А. Минвалеева.
- ¹⁸ Имеет в виду монографию [2].
- ¹⁹ Имеет в виду монографию [1].
- ²⁰ Интервью из личного архива С. А. Минвалеева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013. 286 с.
2. Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л.: Наука, 1984. 200 с.
3. Косменко А. П. Народное изобразительное искусство саамов Кольского полуострова XIX–XX вв. Этнографический очерк. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1993. 170 с.
4. Косменко А. П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2002. 220 с.
5. Косменко А. П. Послания из прошлого: традиционные орнаменты финноязычных народов Северо-Западной России (2-е изд.). Петрозаводск: Скандинавия, 2011. 304 с.
6. Логинов К. К. А. П. Косменко – исследователь изобразительного искусства прибалтийско-финских народов России // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 158–164.
7. Маслова Г. С. Народный орнамент верхневолжских карел. М.: Академия наук СССР, 1951. 158 с.

8. Ученые Карельского научного центра Российской академии наук: Биографический словарь / Карел. науч. центр Рос. акад. наук; [Отв. ред.: Ю. В. Савельев]. 3-е доп. и перераб. изд. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 2012. 420 с.
9. Хокконен А. П. Карельская народная вышивка второй половины XIX – начала XX века // Советская этнография. 1975. № 1. С. 92–101.

Поступила в редакцию 18.02.2025; принята к публикации 05.03.2025

Original article

Sergei A. Minvaleev, Cand. Sc. (History), Research Associate, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-1079-4604; minvaleevs@gmail.com

A. P. KOSMENKO'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE CULTURES OF THE FINNIC-SPEAKING PEOPLES OF NORTHWESTERN RUSSIA

Abstract. The article pays tribute to an outstanding ethnographer Anna Pavlovna Kosmenko (born 1944) who made a significant contribution to the study of the folk art of Russia's Finno-Ugric peoples. Her research was based on long-term field expeditions and a thorough analysis of museum collections, which served as the foundation for her fundamental works on the ornamental art of the Karelians, Veps, and Sami of the Kola Peninsula. The article uncovers lesser-known aspects of Kosmenko's personal and professional life, drawing on publications about her, archival materials, interviews with her colleagues and relatives, and photographs from her personal archive. Particular attention is given to Kosmenko's research methodology and the untapped potential of her fieldwork materials, which are preserved in archives. The article underscores the importance of her scholarly legacy for contemporary ethnologists, local historians, and artisans.

Key words: Anna Pavlovna Kosmenko, biography, history of ethnography, scholarly legacy, folk art, traditional ornaments, Karelians, Veps, Sami

Acknowledgements. The study was conducted as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (project No 124022000029-0). The author expresses his sincere gratitude to Elena E. Saburova for her invaluable assistance in preparing this article.

For citation: Minvaleev, S. A. A. P. Kosmenko's contribution to the study of the cultures of the Finnic-speaking peoples of Northwestern Russia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):95–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1168

REFERENCES

1. Konkka, A. Karsikko: trees-signs in the rituals and beliefs of the Baltic-Finnic peoples. Petrozavodsk, 2013. 286 p. (In Russ.)
2. Kosmenko, A. P. Vepsian folk art. Leningrad, 1984. 200 p. (In Russ.)
3. Kosmenko, A. P. Folk art of the Sami people of the Kola Peninsula in the XIX–XX centuries. An ethnographic essay. Petrozavodsk, 1993. 170 p. (In Russ.)
4. Kosmenko, A. P. Traditional ornaments of the Finnic-speaking peoples of Northwest Russia. Petrozavodsk, 2002. 220 p. (In Russ.)
5. Kosmenko, A. P. Messages from the past: traditional ornaments of the Finnic-speaking peoples of Northwest Russia. Petrozavodsk, 2011. 304 p. (In Russ.)
6. Loginov, K. K. A. P. Kosmenko, a researcher of fine art of the Baltic-Finnic peoples of Russia. *Transactions of the Karelian Research Centre of RAS*. 2014;3:158–164. (In Russ.)
7. Maslova, G. S. Folk ornaments of the Upper Volga Karelians. Moscow, 1951. 158 p. (In Russ.)
8. Scientists of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences: Biographical dictionary. Petrozavodsk, 2012. 420 p. (In Russ.)
9. Хокконен, А. П. Карельская народная вышивка второй половины XIX и начала XX веков. *Soviet Ethnography*. 1975;1:92–101. (In Russ.)

Received: 18 February 2025; accepted: 5 March 2025

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ ПЕТРОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева
(Йошкар-Ола, Марий Эл)
petrovom@mail.ru

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ ГЛЕЗДЕНЁВ КАК ОРГАНИЗАТОР ПЕРВЫХ ГАЗЕТ НА МАРИЙСКОМ И УДМУРТСКОМ ЯЗЫКАХ

А н н о т а ц и я . Освещается просветительская и издательская деятельность Павла Петровича Глезденёва – выдающегося педагога и общественного деятеля, внесшего значительный вклад в развитие образования, культуры и печати народов Поволжья. Цель статьи – проследить основные этапы биографии П. П. Глезденёва, выявить его вклад в становление первых газет на удмуртском и марийском языках. Используются материалы периодической печати, а также научные труды исследователей по данной проблематике. Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения вклада П. П. Глезденёва в развитие национальной прессы и просвещения марийского, удмуртского и других народов, что долгое время оставалось недооцененным. Новизна работы заключается в комплексном анализе его роли как организатора и редактора первых газет на марийском и удмуртском языках. Исследование показывает, что П. П. Глезденёв успешно реализовал свои проекты в сложных исторических условиях, заложив основы для формирования первых журналистских кадров среди марийцев и удмуртов. Наследие П. П. Глезденёва остается значимым для изучения истории культурного и образовательного развития народов Поволжья, подчеркивая его роль как одной из ключевых фигур в становлении их национальной идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а : марийцы, удмурты, биография, печать, газеты, Первая мировая война, П. П. Глезденёв, просвещение

Д л я ц и т и р о в а н и я : Петров О. М. Павел Петрович Глезденёв как организатор первых газет на марийском и удмуртском языках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 101–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1169

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы имя Павла Петровича Глезденёва (1870–1923) – выдающегося педагога и издателя – все чаще упоминается в научных трудах исследователей. Это внимание неслучайно: масштаб его личности и вклад в просветительское движение народов Поволжья имеют исключительное значение. Его труд был по достоинству оценен лишь спустя много лет после его кончины. Ввиду отсутствия у П. П. Глезденёва «классового подхода», характерного для идеологических установок того времени, его имя долгое время оставалось в забвении. Однако начиная с 1960-х годов благодаря усилиям ряда советских историков, таких как К. К. Васин, А. С. Патрушев, К. Н. Сануков и других, началось переосмысление его наследия. В последнее десятилетие в научный оборот было введено внушительное количество новых сведений о П. П. Глезденёве, в то же время отсутствуют специальные работы, изучающие его роль как организатора и редак-

тора первых газет на марийском и удмуртском языках.

Источниками для нашего исследования стали опубликованные работы по данной тематике, а также материалы периодической печати. Методологическую основу составили генетический, сравнительный и проблемный методы исторического исследования.

* * *

Павел Петрович родился 9 (21) апреля 1870 года в деревне Тамбагул (Тумбагуш), расположенной на территории Кичкиняшевской волости Белебеевского уезда Уфимской губернии (ныне – Шаранский район Республики Башкортостан). Он происходил из семьи марийского крестьянина-язычника и в школьные годы носил имя Ислам Гирей Мендияров. Крещение, состоявшееся в 1892 году, стало поворотным моментом в его жизни, тогда же он принял имя Павел Петрович Глезденёв. Начальное образование он по-

лучил в родной деревне, а в 1887 году успешно окончил Бирскую учительскую семинарию. В последующие годы Павел Петрович преподавал в начальных школах, формируя свои педагогические принципы. В период с 1898 по 1902 год он продолжил обучение в Уфимской духовной семинарии, где получил духовное звание диакона, а затем и священника [6].

В 1906 году Павел Петрович окончил Казанскую семинарию и начал преподавать в мужской и женской учительских семинариях. Еще во время учебы в Казани он сблизился с другим семинаристом – Валерианом Михайловичем Васильевым, своим земляком, с которым впоследствии и начал совместную работу по изданию книг, брошюр и газет на родном языке. В 1907 году они выпустили «Начальную марийскую книгу». Учебник был написан доступным языком, содержал в себе небольшие рассказы, много песен, загадок, пословиц. В этом же году была издана «Другая марийская книга», ставшая продолжением первой. Эти две книги принесли значительную пользу практической деятельности учителей. Благодаря сотрудничеству П. П. Глезденёва и В. М. Васильева не одно поколение детей мари ощутило силу и красоту родного языка.

Историческая обстановка, сложившаяся в начале XX века, вызвала необходимость в массовых изданиях светского характера. В годы Первой русской революции у татар, чувашей и других инородцев появлялись первые периодические издания. В 1906 году у чувашей вышла первая газета «Хыпар» («Весть»), удмурты подготовили календарь на родном языке. На формате ежегодного журнала в виде календаря остановились и марийцы, издав в 1907 году первый номер. Всего до 1915 года выйдет восемь журналов [4: 30]. Однако формат ежегодных календарей не мог в полной мере соответствовать просветительским амбициям Глезденёва. Возникла необходимость в регулярном издании, которое бы в еженедельном режиме оперативно информировало народ о ключевых событиях, происходящих в стране и мире. Кроме того, с началом Первой мировой войны интерес к новостям с фронта значительно возрос не только среди марийского населения, но и среди других народов Российской империи. Именно в этот период П. П. Глезденёв пришел к идее создания еженедельной газеты, которая бы издавалась одновременно на трех языках: марийском, удмуртском и татарском [1: 120]. Для реализации издательского проекта Павел Петрович предполагал привлечь учащихся миссионерских кур-

сов, располагавшихся в городе Вятке. Основу содержания газеты планировалось формировать за счет материалов, заимствованных из русскоязычных периодических изданий. Такой подход позволял компенсировать возможный недостаток профессиональной подготовки среди курсистов, поскольку их задача сводилась бы преимущественно к переводу готовых статей, что минимизировало требования к их журналистскому уровню.

Сложнее было найти источник финансирования и заручиться поддержкой местных властей. В 1914 году, обращаясь к Вятскому губернатору А. Г. Черняковскому, Глезденёв писал:

«...с началом войны от инородцев, более или менее привыкших к книге, начали поступать ко мне заявления с требованием давать им периодические сведения о ходе военных событий. Кроме того, я лично получил во многих инородческих селениях подобные заявления от женщин-инородок» [8: 25].

Пусть и не сразу, но губернатор поддержал предложенную инициативу, выделив необходимые средства. Данное решение во многом было обусловлено сложной военно-политической обстановкой, сложившейся в 1915 году. На Западном фронте российские войска потерпели ряд значительных поражений, что привело к активизации мобилизационных мероприятий по всей империи. В условиях военных неудач наблюдался рост случаев уклонения от призыва на военную службу. Так, например, в Царевококшайском уезде за 1915 год было зафиксировано 333 случая уклонения от мобилизации, что представляло собой резкий контраст с предыдущими периодами, когда подобные инциденты в данном районе отсутствовали вовсе [2: 13].

Таким образом, интересы государственной власти и Глезденёва оказались взаимосвязанными. Если последний видел в издании газеты возможность продолжения своей просветительской деятельности, то власти рассматривали данный проект как инструмент для усиления агитационной работы среди нерусских народов, предотвращения панических настроений и нейтрализации распространения деструктивных слухов. Так, на основании указанных мотивов были учреждены три издания: на марийском языке – «Война увер» («Военные известия»), на татарском – «Сугыш хабарляре» («Военные известия») и на удмуртском – «Войнаысь ивор» («Вести с войны»). Несмотря на формальное создание отдельных редакций для каждой газеты, фактически они представляли собой единое издание с идентичным содержанием. Важно отметить, что общее руководство всеми редакциями

осуществлял П. П. Глезденёв, который свободно владел тремя языками, что обеспечивало согласованность и единство информационной политики [9: 59].

Первый номер газеты «Войнысь ивор» вышел 4 февраля 1915 года в городе Вятке. К сожалению, до наших дней не сохранился экземпляр первого выпуска марийской газеты «Война увер», однако с высокой степенью вероятности можно предположить, что ее выход в свет состоялся в тот же день. Примечательно, что «Войнысь ивор» и «Война увер» стали первыми печатными изданиями в истории удмуртского и марийского народов, что подчеркивает их значимость для развития национальной культуры и самосознания. Дата 4 февраля в Удмуртской Республике сегодня официально отмечается как День национальной печати, символизируя важность этих изданий в становлении региональной журналистики и сохранении этнокультурного наследия.

Удмуртская версия газеты редактировалась священником-миссионером В. Д. Крыловым, который известен как составитель «Вотско-русского словаря на глазовском наречии», опубликованного в 1919 году. В качестве корреспондентов издания выступали учителя, агрономы, а также учащиеся инородческих миссионерских курсов. Авторам статей выплачивался гонорар в размере 2–3 копейки за строку. Номера газеты печатались в Вятской губернской типографии с использованием алфавита, разработанного Н. И. Ильминским [9: 59–60].

Газета издавалась с периодичностью два раза в месяц, стоимость одного экземпляра составляла 1 рубль 20 копеек. В 1915 году издание представляло собой один лист, на котором печатный материал располагался как на лицевой стороне, так и на обороте. К 1916 году формат газеты претерпел изменения: ее размер уменьшился, внешне она стала напоминать школьную тетрадь. При этом количество листов увеличилось до четырех, что соответствовало восьми страницам. Сообразно своему названию, газета активно публиковала официальные информационные материалы, включая сообщения Главного штаба, фронтовые сводки и распоряжения государственных органов. Однако наряду с этим издание уделяло значительное внимание освещению различных аспектов армейской жизни: подробно описывались бытовые условия военнослужащих, приводились примеры проявлений доблести, героизма и самопожертвования русских солдат.

В первых выпусках издания П. П. Глезденёв строго придерживался официального курса,

что отражалось в содержании газетных страниц, насыщенных патриотическими призывами и лозунгами, характерными для той исторической эпохи. Будучи человеком глубоко верующим и терпеливым, он избегал активного участия в политической жизни и стремился минимизировать конфликты с властями. Это особенно ярко проявилось в период выпуска первого «Марийского календаря» в 1906 году, когда на фоне революционных событий издание едва не было запрещено из-за публикации материалов, содержащих критику самодержавия. Уже в 1907 году Павел Петрович принял решение изменить направленность журнала, отказавшись от политической повестки и сосредоточившись на культурно-просветительской тематике [7: 76].

Исторические события подтвердили правильность его выбора: революционная активность пошла на спад, и сознательный отказ от острых тем позволил П. П. Глезденёву не только продолжить выпуск журнала, но и впоследствии получить разрешение на издание газет. В качестве контраста можно привести пример издателей первой чувашской газеты «Хыпар» («Весть»), которые продолжали публиковать материалы революционного характера, что привело к закрытию издания в 1907 году. Возобновить его выпуск удалось лишь спустя два десятилетия [5: 107–108]. Таким образом, мудрость и глубокое понимание реалий позволяли П. П. Глезденёву продолжать свою просветительскую миссию, несмотря на сложные исторические условия.

В 1915 году Павлу Петровичу удалось осуществить выпуск приблизительно десяти номеров газет. Однако впоследствии редакция столкнулась с серьезными финансовыми трудностями. Вятское губернское земство, отказавшись выделить средства на издание в новом году, поставило под угрозу дальнейшее существование газет. Несмотря на это, Глезденёв принял решение продолжить выпуск, используя собственные ресурсы [3: 121].

Редакция обратилась к читателям с призывом активнее выписывать издание, подчеркивая, что только таким образом можно обеспечить его дальнейшее существование. Так, по плану газетам совокупно нужно было набрать 700 подписчиков, но необходимый объем средств собрать не удалось, что привело к нерегулярному выходу газеты в 1916 году. 15 ноября 1916 года редакция, обращаясь к своим подписчикам, отмечала, что до сентября и октября их число было чрезвычайно ограничено, но к ноябрю резко выросло. Так, на марийскую газету подписались

412 человек, на удмуртскую – 360, а на татарскую – 222 человека. В связи с этим редакция сообщала:

«Благодаря этому обстоятельству в ноябре и декабре с. г. имеем полную возможность дать своим любезным подписчикам свои издания по 2 номера в месяц. Да простят нам нашу вину любезные наши подписчики! Мы, чуждые всяких коммерческих целей, надеялись, что наши интеллигентные работники на ниве просвещения инородцев, идя навстречу проснувшейся любознательности, дадут возможность каждому инородцу тем или иным путем приобрести наш маленький орган»¹.

За время издания содержание газеты претерпевало значительные изменения. На начальном этапе редакция строго придерживалась военной направленности, однако со временем тематика стала более разнообразной. Павел Петрович, оставаясь верным своей просветительской миссии, начал публиковать на страницах газеты литературные произведения – рассказы и стихи. Учитывая, что значительную часть аудитории составляли крестьяне, в газете регулярно размещались практические рекомендации по ведению животноводства, сельского хозяйства и домоводства. Кроме того, издание предоставляло информацию о доступных учебных заведениях для представителей инородческих общин, перечни специальностей, по которым осуществлялась профессиональная подготовка, а также материалы, посвященные вопросам медицины, гигиены и многим другим темам. Таким образом, газета стала выполнять не только информационную, но и образовательную функцию, способствуя расширению кругозора своих читателей [8: 28–29].

Особенно сильно изменилось содержание издания в 1917 году, что было обусловлено масштабными политическими преобразованиями. Несмотря на личные взгляды и характер П. П. Глезденёва, редакция не могла оставаться в стороне от политических событий. В публикациях газеты стал отчетливо прослеживаться процесс угасания монархических настроений. Если в первые годы издания активно пропагандировались лозунги: «За Веру, Царя и Отечество», то в революционном 1917 году характер материалов существенно изменился. На страницах все чаще стали появляться критические статьи, посвященные недостаточной подготовленности страны к ведению военных действий, а также растущему недовольству среди крестьянства, вызванному многочисленными сборами и повинностями, направленными на обеспечение нужд фронта [1: 121].

После Февральской революции газета много писала о новых путях развития России. Редакция и сам П. П. Глезденёв приветствовали демократические изменения в стране, выразив доверие Временному правительству. Газета активно выступала в поддержку Учредительного собрания, в частности марийская «Война увер» призывала отдать голоса за Л. Я. Мендиярова.

В стремительном и сложном 1917 году газета стала уступать вызовам времени. В редакцию приходили письма с просьбой переименовать издание. Кроме того, ее нахождение в Вятке, вдали от основных событий, не позволяло быстро реагировать на происходящие изменения. В июле 1917 года на Первом Всероссийском съезде мари в Казани было принято решение закрыть газету «Война увер» и открыть новое издание под названием «Ўжара» («Заря»). Последний номер «Война увер» вышел 15 сентября 1917 года. В прощальном обращении редакция сообщила читателям о предстоящих изменениях:

«“Ўжара” продолжает работу “Война увер”. Те, кто раньше приобретал нашу газету, переходите в “Ўжару”. “Война увер” была небольшой газетой по низкой цене, “Ўжара” большая и очень хорошая, поэтому цена вырастет...»².

Поменяла свое название и удмуртская газета: с 15 августа она стала называться «Удмурт» («Удмурт»), а позднее сменила издателей и прописку, переехав в город Елабуга, где стала выходить под названием «Виль синь» («Новый взгляд») [9: 60].

После прекращения издания газет П. П. Глезденёв уже в советские годы (1917–1919) заведовал отделом инородческого образования Вятского губернского отдела народного образования. С 4 сентября 1919 года по день смерти (28 мая 1923 года, похоронен в городе Вятке) работал в Вятском институте народного образования (ныне – Вятский государственный гуманитарный университет) руководителем отделения нацменьшинств, преподавателем марийского и удмуртского языков, руководил административно-хозяйственной частью (1919–1922) и был секретарем научно-педагогической части института (1922–1923), заведовал кабинетом по изучению этнографии, истории и языков местных национальных меньшинств. В эти годы он неоднократно выезжал в Москву для решения хозяйственно-снабжениеских вопросов [8: 46–48].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Павел Петрович Глезденёв – одна из ярких личностей марийской, удмуртской, татарской

национальной культуры и образования начала XX века. Он проявил себя как талантливый организатор, сумевший в сложных исторических условиях начала XX века не только создать, но и поддерживать выпуск первых периодических изданий на марийском и удмуртском языках. Его инициатива по изданию газет «Война увер» и «Войнаысь ивор» стала важным шагом в развитии национальной журналистики и просвещения. Эти издания не только информировали читателей о событиях Первой мировой войны, но и выполняли образовательную функцию, спо-

собствуя распространению знаний среди крестьянского населения.

Исследователи высоко оценивают роль выпущенных П. П. Глезденёвым печатных изданий. Так, некоторые из них утверждают, что именно Павлу Петровичу в Вятке фактически удалось организовать выпуск первых журналистских кадров среди удмуртов и мари. Конечно же, основной этап складывания прессы у удмуртов и марийцев произошел в советские годы, однако основу этому процессу удалось заложить именно П. П. Глезденёву.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Война уверым налшы-влаклан пытаргыш мут (Последнее слово подписчикам Война увер) // Война увер. 1917. 15 сентября.
- ² Обращение редакции // Война увер. 1916. 15 ноября.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аблинов В. Н. Первой марийской газете – 60 лет // 200 лет марийской письменности: Материалы научной сессии. Йошкар-Ола, 1977. С. 119–123.
- Марийский край в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Мемориальная книга. Т. 1. Царевококшайский уезд Казанской губернии. Йошкар-Ола, 2018. 384 с.
- Москвина Л. П. Марийская национальная интеллигенция в конце XIX – начале XX веков. Йошкар-Ола, 2017. 200 с.
- Петров О. М., Иванов А. А. Периодическая печать Марийской автономной области в 1920-е годы. Йошкар-Ола, 2024. 288 с.
- Петров О. М. Чувашская и марийская периодическая печать в начале XX в. // Мари и чуваша: этнокультурный диалог в исторической ретроспективе. Йошкар-Ола, 2023. С. 104–113.
- Помелов В. Б. Выдающийся просветитель марийского народа П. П. Глезденёв и его миссионерская деятельность в Вятской губернии // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2016. Т. 2, № 2 (6). С. 21–28.
- Сануков К. Н. «Марийскому календарю» 100 лет // Финно-угроведение. 2007. № 1. С. 70–80.
- Сануков К. Н. Просветитель Павел Петрович Глезденев: Очерк жизни и деятельности. Йошкар-Ола, 2005. 56 с.
- Шкляев А. Г. Газета «Войнаысь ивор» («Вести с войны») у истоков удмуртской общественно-политической периодики // Этническая журналистика: история и современность: Ежегодник № 10. М., 2017. С. 58–62.

Поступила в редакцию 03.02.2025; принята к публикации 28.02.2025

Original article

Oleg M. Petrov, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History (Yoshkar-Ola, Russian Federation)
petrovom@mail.ru

PAVEL PETROVICH GLEZDENYOV AS THE FOUNDER OF THE FIRST NEWSPAPERS IN THE MARI AND UDMURT LANGUAGES

Abstract. The article covers the educational and publishing activities of Pavel Petrovich Glezdenyov, an outstanding educator and public figure who made a significant contribution to the development of education, culture, and press of the peoples of the Volga region. The article aims to trace the main stages of Glezdenyov's biography and identify his contribution to establishing the first newspapers in the Udmurt and Mari languages. The research utilizes materials from periodicals, as well as relevant scholarly literature. The relevance of the study stems from the necessity to study Glezdenyov's contribution to the development of the national press and education of the Mari, Udmurt, and other peoples, which has long been underestimated. The originality of the research lies in the comprehensive analysis of Glezde-

nyov's role as the founder and editor of the first newspapers in the Mari and Udmurt languages. The findings reveal that Glezdenyov successfully implemented his projects despite challenging historical circumstances, thereby laying the foundations for training the first generation of journalists of Mari and Udmurt descent. His legacy remains vital for understanding the history of the cultural and educational development of the peoples of the Volga region, emphasizing his pivotal role in shaping their national identity.

Key words: Mari, Udmurts, biography, press, newspapers, World War I, Pavel Glezdenyov, enlightenment

For citation: Petrov, O. M. Pavel Petrovich Glezdenyov as the founder of the first newspapers in the Mari and Udmurt languages. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):101–106. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1169

REFERENCES

1. Ablinov, V. N. The 60th anniversary of the first Mari newspaper. *The 200th anniversary of the Mari written language: Materials of the scientific session*. Yoshkar-Ola, 1977. P. 119–123. (In Russ.)
2. The Mari Region in World War I, 1914–1918. Memorial book. Vol. 1. Tsarevokokshaysky Uyezd of the Kazan Province. Yoshkar-Ola, 2018. 384 p. (In Russ.)
3. Moskvina, L. P. The Mari national intelligentsia in the late XIX and the early XX centuries. Yoshkar-Ola, 2017. 200 p. (In Russ.)
4. Petrov, O. M., Ivanov, A. A. Periodical press of the Mari Autonomous Region in the 1920s. Yoshkar-Ola, 2024. 288 p. (In Russ.)
5. Petrov, O. M. Chuvash and Mari periodical press in the early XX century. *The Mari and the Chuvash: ethnocultural dialogue in historical retrospective*. Yoshkar-Ola, 2023. P. 104–113. (In Russ.)
6. Pomelov, V. B. P. P. Glezdenyov, an outstanding educator of the Mari people and his missionary work in the Vyatka Region. *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*. 2016;2(2-6):21–28. (In Russ.)
7. Sanukov, K. N. "Mari Calendar" is 100. *Finno-Ugric Studies*. 2007;1:70–80. (In Russ.)
8. Sanukov, K. N. Pavel Petrovich Glezdenyov, an educator: An overview of his life and work. Yoshkar-Ola, 2005. 56 p. (In Russ.)
9. Shklyayev, A. G. The newspaper "Voynays ivor" (War News) at the origins of Udmurt socio-political periodicals. *Ethnic Journalism: History and Modernity: Yearbook No 10*. Moscow, 2017. P. 58–62. (In Russ.)

Received: 3 February 2025; accepted: 28 February 2025

ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ПЧЕЛОВОДОВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы
Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН (Ижевск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5553-0100; orimush@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УДМУРТОВ: ОПЫТ СЦЕНИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ

А н н о т а ц и я . Современная этноорганология основное внимание уделяет изучению инструментальной культуры этноса в комплексе с такими науками, как этнография, этномузыковедение, антропология, археология, культурология и т. д. Изучение огромного круга вопросов традиционного бытования инструментария включает в том числе рассмотрение его современного состояния. Сегодня инструментальная традиция претерпевает изменения, в первую очередь касающиеся исполнительского аспекта: естественная среда бытования перемещается на сцену, что приводит к ряду трансформаций. Этот аспект стал основополагающим в представленном исследовании по инструментальной культуре удмуртов. В центре внимания четыре инструмента, которые благодаря своей особой значимости выделяются в удмуртской традиции: *крезь* (шлемовидные гусли), *кубыз* (трехструнный смычковый инструмент), *узъыгумы* (продольная обертоновая флейта), *чипчирган* (натуральная продольная труба). Как показывают опубликованные и экспедиционные материалы, все эти инструменты уже не используются в традиционном бытовании. Однако они обрели сценическую форму воплощения. На сцене, будучи акустическими по природе, эти инструменты требуют усиления звука за счет дополнительных технических средств. В частности, удмуртский мастер и исполнитель Евгений Бикузин создал *кубыз* с электронным звучанием. Сами инструменты и репертуар исполняемых произведений, в зависимости от поставленных задач исполнителя или коллектива, также претерпевают некоторые изменения, касающиеся конструкции (*кубыз*, *пыжкресь*) и приемов игры (*кресь*). Наибольшие трансформации сегодня наблюдаются в освоении игры традиционно «мужских» музыкальных инструментов (*кубыз*, *узъыгумы*, *чипчирган*) женщинами.

К л ю ч е в ы е с л о в а : удмурты, музыкальные инструменты, традиция, трансформации, этноорганология, этномузыковедение

Д л я ц и т и р о в а н и я : Пчеловодова И. В. Традиционные музыкальные инструменты удмуртов: опыт сценического воплощения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 3. С. 107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1170

ВВЕДЕНИЕ

Инструментальная традиция удмуртов – важная составляющая национального достояния этноса. На протяжении многих веков одни музыкальные инструменты сменялись другими, усложнялись по форме, менялся репертуар и т. д. Сегодня благодаря этнографическим источникам, архивным материалам и экспедиционным записям мы имеем уникальный материал по традиционному инструментарию удмуртов. Исследователями проделана большая собирательская и аналитическая работа по выявлению музыкальных инструментов, их функционального бытования, конструктивных особенностей, исполнительских приемов, мифологических связей

и жанрового состава инструментальной музыки. Однако, несмотря на попытки успеть зафиксировать то, что еще функционирует в деревенской и сельской местности, сегодня в целом наблюдаются угасание инструментальной традиции и возникновение новых форм ее существования. Последнее находит отражение в ситуации исполнения: естественная среда функционирования сменилась сценической, что в дальнейшем привело к ряду изменений. Именно этот аспект исследования лег в основу настоящей статьи. Внимание сосредоточено на четырех инструментах, которые в удмуртской традиции играли особую роль: *кресь* (шлемовидные гусли), *кубыз* (трехструнный смычковый инструмент), *узъыгу-*

мы (продольная обертоновая флейта), *чипчирган* (натуральная продольная труба). Подобное исследование на удмуртском материале проводится впервые.

Прежде чем приступить непосредственно к рассмотрению поставленной проблематики, остановимся на кратком описании традиционных форм бытования вышеуказанных инструментов в удмуртской традиции для понимания их значимости.

ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ БЫТОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Крезь – струнно-щипковый инструмент шлемовидной формы (рис. 1).

Рис. 1. *Крезь* бытовой (конец XIX века). Д. Дубровский Киясовского района Удмуртской Республики (УР). Фото М. Егорова, 2024 год. Фотоархив Национального центра декоративно-прикладного искусства и ремесел УР

Figure 1. Home *krez* (late XX century). Dubrovsky village, Kiyasovo District, Udmurt Republic. Photo by M. Egorov, 2024. The photo archive of the National Center for Decorative and Applied Arts and Crafts of the Udmurt Republic

В народе различали *покчи* (малый) и *быдзьым* (великий) *крезь*. К последнему у удмуртов было особое отношение, так как он предназначался для игры на общественных молениях. Во всех этнографических источниках XVIII – начала XX века при описании обрядовых молений отмечается обязательное присутствие *крезьчи* (исполнителя на *крезе*, как правило, мужчины) рядом со жрецом *вöсьясь*¹. Звучание *Быдзьым крезь*, в некоторых случаях усиленное за счет наличия внутри корпуса дополнительных струн², предназначалось Верховному божеству удмуртов *Инмар*. Более того, согласно этнографическим источникам XIX века, сам верховный Бог удмуртов *Кылчин Инмар* играл на этом инструменте, чтобы избавить от страха ученика – будущего шамана *туно* – во время его обучения этому непростому ремеслу³. Другой пример обязательного использования игры на *Быдзьым крезь* – выбор жреца шаманом, проходящий в виде пляски под игру на музыкальном инструменте⁴. Соглас-

но легенде, *Быдзьым крезь* изготавливали из ели, пораженной молнией. Удмуртский музыкант С. Н. Кунгуров объяснил этот факт тем, что «пораженное молнией дерево высыхает в своей естественной среде, максимально сохраняя свои акустические свойства» [2: 6]. Все эти обстоятельства позволяют говорить об особом статусе как самого музыканта, так и инструмента, которые выступают в роли медиаторов между человеческим и верхним мирами.

Игра на обычных гусях *покчи крезь* сопровождала все семейные праздники. В традиционном удмуртском обществе *крезь* был неотъемлемой частью народного быта, каковым оставался еще в первой трети XX века. Исполнителями на *покчи крезь* были женщины. Ярким примером женского исполнительства на этом инструменте служат экспедиционные записи от Варвары Васильевны Романовой, сделанные в 1985 году в д. Сизнер Мари-Турекского района Республики Марий Эл удмуртским исследователем М. Г. Атамановым. Основной прием игры основывается на том, что мелодическую партию ведет правая рука, а басовую (аккомпанирующую) – левая, при этом басовое сопровождение сохраняет кварто-квинтовое соотношение⁵.

Кубыз – трехструнный смычковый инструмент (рис. 2).

Рис. 2. Александр Николаевич Копаров. Д. Карек-Серма Балтасинского района Республики Татарстан. Фото И. М. Нуриевой, 1990-е годы

Figure 2. Alexander Nikolaevich Koparov. Karek-Serma village, Baltasi District, Republic of Tatarstan. Photo by I. M. Nurieva, 1990s

Игра на *кубызе* сопровождала обряды (календарные, свадебные, рекрутские) и молодежные гуляния. Особенно он был востребован в свадебном обряде, что зафиксировано в традиционной культуре шошминских удмуртов

(Балтасинский район Республики Татарстан, Малмыжский район Кировской области, Мари-Турекский район Республики Марий Эл). Как отмечает этномузыковед И. М. Нуриева, о свадьбе, проводимой с гармонью, говорили, что она подобна «собачьей свадьбе» [3: 13]. За неимением в деревне своего музыканта, его обязательно приглашали из других населенных пунктов. Эта традиция сохранялась вплоть до конца 60-х годов XX века, когда широкое распространение получила гармонь.

Многие названия деталей *кубыза* сохраняют антропоморфную и зооморфную символику. Среди них выделяются детали инструмента, названия которых связаны с элементами женской одежды. При этом акцент делается на детали женского костюмного комплекса – фартуке *айшет*. Одной из причин такого обозначения названий отдельных деталей инструмента является внешнее подобие его (корпус инструмента – дека и гриф – напоминает по форме фартук) и его отдельных частей женскому переднику [4]. Этот факт, на наш взгляд, объясняет сугубо мужское исполнительство на *кубызе*.

Обычно на инструменте играют сидя, зажимая его между коленями, реже на левом колене, в вертикальном положении. В традиционном бытовании во время гуляний, а также при сопровождении свадебного напева играют стоя, при этом *кубыз* придерживают на запястье при помощи веревочки, привязанной к шейке инструмента. Это игра сразу на двух или трех струнах (за счет плоской подставки под струны). Все исполнители используют отрывистые штрихи с некоторыми отличиями, украшают наигрыши разными типами мелизматик (форшлагги, трели и т. п.). Третья струна является резонансной, даже если на ней не играют [8].

Узыгумы – продольная обертоновая флейта без игровых отверстий (рис. 3), популярная на всей территории УР, а также за ее пределами в местах компактного проживания этнографических групп удмуртов.

Рис. 3. *Узыгумы*. Д. Новый Унтем Кезского района УР. Фото И. В. Пчеловодовой, 2005 год

Figure 3. *Uzygumy*. Novy Untem village, Kez District, Udmurt Republic. Photo by I. V. Pchelovodova, 2005

Традиционным материалом является полый стебель растения дягиля / дудника лекарственного. Во время игры *узыгумы* придерживают левой рукой, слегка направляя нижнюю часть инструмента в правую сторону. Высота звука зависит от силы вдвухания воздуха, напряжения губного аппарата, открывания и закрывания нижнего отверстия инструмента указательным пальцем правой руки. Превалировала сольная игра, в таких случаях лучшие игроки оценивались во время проведения соревнований между собой. Встречалась также игра в дуэте или в ансамбле с другими инструментами (например, с гармошкой), если совпадал звукоряд инструментов.

Применялся инструмент, как правило, в пастушеской среде, под ее звуки молодежь плясала во время гуляний. В период Великой Отечественной войны *узыгумы* был единственным музыкальным инструментом в деревне. По словам музыкантов, играли всей деревней (только парни и мужчины), исполняли трудовые, обрядовые (рекрутские, гостевые) и необрядовые (плясовые, песенные) наигрыши [5], [6], [11].

Чипчирган – натуральная труба. Во время игры инструмент держат в приподнятом положении, придерживая правой или обеими руками, в редких случаях он направлен вниз перед исполнителем (рис. 4).

Рис. 4. Игра на *чипчиргане*. Семен Николаевич Романов, 1952 г. р. Д. Пуро-Можга Малопургинского района УР. Фото О. О. Байсаровой, 2023 год

Figure 4. Playing the *chipchirgan*. Semyon Nikolaevich Romanov, born in 1952. Puro-Mozhga village, Malaya Purga District, Udmurt Republic. Photo by O. O. Baysarova, 2023

Для удмуртской трубы характерен очень редкий и уникальный способ звукоизвлечения – втягивание воздуха в себя, требующее сильной физической нагрузки, поэтому исполнителями были только молодые парни и мужчины в расцвете сил. На нем виртуозно играли рекрутские, гостевые, плясовые наигрыши, импровизации. Аналоги подобного инструмента зафиксированы только в традиции народов коми [9: 86–88] и удэ́гэ (Сибирь) [10: 105], что позволило музыковеду А. Н. Голубковой сделать предположение о древних корнях *чипчиргана* в удмуртской традиции [1: 5]. Единичные аудиозаписи и экспедиционные материалы показывают его распространение на севере, западе и юге республики.

СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ БЫТОВАНИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Крезь сегодня прочно занял свое место в академической сфере образования УР: открыты классы игры в районных домах искусств, музыкальных школах. Одним из главных центров по подготовке исполнителей и преподавателей игры на *крезе* остается Воткинский музыкально-педагогический колледж им. П. И. Чайковского, на базе которого под управлением преподавателя С. С. Трофимова активную популяризацию этого инструмента ведет ансамбль «Сайкан». Основное количество играющих на нем составляют девушки, что соответствует традиционному представлению.

С 2023 года исполнительство на *крезе* вновь возобновилось в Удмуртском государственном университете, которое в свое время в этих стенах начал С. Н. Кунгуров – выпускник Петрозаводской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. С именем этого талантливого исполнителя связано возрождение национального инструмента *крезь* в УР. Сегодня в Удмуртском государственном университете преподает его ученица В. Ю. Федорова. Выпущены методические пособия, обучающие игре на *крезе*, сборники произведений местных композиторов, преподаватели делают обработки традиционных наигрышей, а также музыкальных произведений зарубежных и русских классиков. В этом направлении хотелось бы отметить деятельность преподавателя Петрозаводской государственной консерватории М. С. Трофимова, выступающего solo или в дуэте со студенткой Елизаветой Чирковой. В их репертуаре, помимо произведений удмуртских композиторов и обработок традиционных песен и наигрышей (в том числе и собственных обработок М. С. Трофимова), звучат произведения карельских и японских композиторов.

Современная техника игры на *крезе*, при сохранении традиционного кварто-квинтового басового сопровождения мелодии, привносит новые приемы, в частности: перенос мелодии в левую руку, игра обеими руками в разных регистрах, проигрывание многоголосия в мелодии, арпеджированные ходы, отдельные штрихи (например, искусственный флажолет). Кроме того, используется постукивание по корпусу инструмента в качестве ритмического сопровождения.

Крезь используется в фольклорных коллективах и народных ансамблях Удмуртии. Современным музыкальным проектом, направленным на развитие этого инструмента (и не только его) в республике, можно также назвать экспериментальное трио «Азвезям», работающее в фолк-направлении. Наряду с выработанными в академической сфере приемами игры, участницы трио стараются реконструировать традиционное исполнительство на *крезе*, которое имеет свои нюансы и требует отдельного изучения.

В поиске гармоничного соотношения формы и звука находятся и современные мастера. Большим подспорьем для них служат мифологические образы и археологические находки, позволившие дать вторую жизнь некоторым традиционным музыкальным инструментам. Одним из них является пятиструнный *крезь*, получивший название *пыжкрезь* (букв. ‘лодка-крезь’). Находка костяной подставки на месте археологических раскопок средневекового городища Иднакар IX–XIII веков (Глазовский район УР) дала возможность мастерам проявить свои разнообразные представления о форме инструмента (рис. 5, 6).

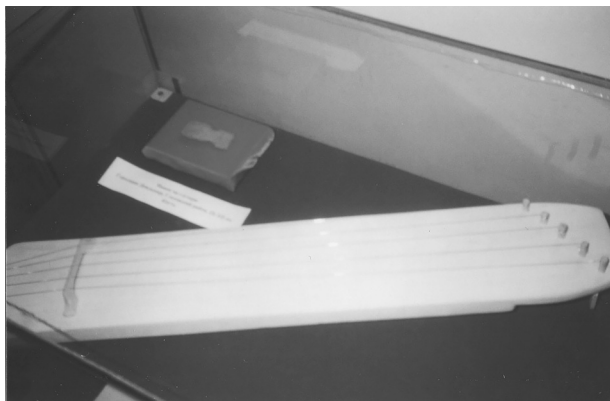

Рис. 5. *Пыжкрезь*. Реконструкция С. Н. Кунгурова по костяной подставке, найденной на раскопках городища Иднакар (Глазовский район УР), X век. Национальный музей УР им. Кузубая Герда

Figure 5. *Pyzhkrez*, reconstruction by S. N. Kungurov on a bone stand found at the excavations at Idnakar settlement (Glazov District, Udmurt Republic), X century. Kuzebay Gerd National Museum of the Udmurt Republic

Фото 6. *Пыжкрэзь* в руках С. С. Трофимова.
Авторы Станислав и Дмитрий Калистратовы.
Источник: интернет-ресурс

Figure 6. *Pyzhkrez* made by Stanislav and Dmitry Kalistratov, held by S. S. Trofimov. Photo taken from the open web

В отличие от *крэзя*, *кубыз* свою новую жизнь на сцене начал в творческой среде молодежи. Он не закрепился в академической сфере, хотя попытки открыть классы по обучению в стенах среднего и высшего учебного звена в УР предпринимались неоднократно. Интересен тот факт, что *кубыз* до сих пор активно развивается именно среди молодых мужчин, которые одновременно являются и мастерами по его изготовлению. Возрождение инструмента в республике связано с двумя именами – это С. Н. Кунгуров, работающий совместно со скрипичным мастером С. Г. Капустиним, и венгерский мастер и исполнитель Миклош Деметер, к которому впоследствии подключились молодые исполнители А. А. Кузнецов и Е. Ю. Бикузин.

На примере *кубыза* ярко проявляется его разнообразное «прочтение» в современном музыкальном пространстве республики. Во-первых, инструмент полноправный участник отдельных фольклорных ансамблей, в том числе в творческой деятельности Удмуртского государственного театра фольклорной песни и танца «Айкэй» (рук. П. П. Данилов). Другое направление связано с именем Е. Ю. Бикузина (сценический псевдоним Чудья Жени), разработавшего авторский вариант *кубыза* – «разветвленные» резонаторные отверстия-эфы и своеобразная форма корпуса инструмента. Кроме того, желание усилить и придать новое звучание привело мастера к созданию инструмента с электронным звучанием, на котором

он играет в группе «Post-dukes» (<https://vk.com/postdukes>), а также в отдельных совместных проектах с другими молодыми исполнителями республики (например, с Иваном Белослудцевым, известным как Ivinavi, и со Степаном Плотниковым). При этом приемы игры на *кубызе* сохранились.

Изменения по звучанию *узыгыумы* были приняты еще традиционными музыкантами, которые с целью длительного использования инструмента применили современные материалы – резиновый шланг, алюминиевые или пластмассовые трубки, что отразилось в более ярком звуковоспроизведении. Сегодня исполнители в своей концертной практике в большинстве случаев используют инструменты с игровыми отверстиями (в отличие от традиционной конструкции без игровых отверстий).

Кубыз и *узыгыумы* составляют основу экспериментального трио «Азвесям». Особенностью коллектива является то, что его участницы – женщины, которые освоили традиционно «мужские» инструменты. Эта ситуация дает возможность наблюдать особенности мужского и женского исполнительства: более активного в руках мужчин и нежного у женщин.

Благодаря экспедиционным материалам 2023–2024 годов был выявлен факт бытования уникального инструмента удмуртов *чипчирган* [7]. В настоящее время искусство игры на удмуртской трубе возрождают в стенах Республиканского музыкального колледжа на базе отделения хорового народного пения, исполнителями являются девушки – студентки отделения.

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ современного состояния традиционной инструментальной культуры удмуртов показывает ее постепенное угасание в естественной среде, но при этом наблюдается перемещение звучания традиционных инструментов на сцену. Особый статус отдельных инструментов в жизни этноса (в частности, *крэзя*, *кубыза*, *узыгыумы*, *чипчиргана*) обусловил интерес к ним современных музыкантов. Последние внедрились их звучание в разные музыкальные направления (вторичные формы фольклора, академическое, фолк-музыка, фолк-троника).

Выступления на больших концертных площадках потребовали усиления звука акустических по природе традиционных музыкальных инструментов, что привело к созданию *кубыза* с возможностью электронного звучания. Сами инструменты и репертуар исполняемых произведений, в зависимости от поставленных задач исполнителя или коллектива, претерпели некоторые изменения. Так, *кубыз*, наряду с традиционным, приобрел авторский вариант формы, а *пыжкрэзь*,

благодаря находке костяной подставки в археологических раскопках, получил множество конструктивных «прочтений». Современный репертуар способствовал появлению новых приемов, что более всего отразилось на примере многострунного

щипкового инструмента *крезь*, вошедшего в академическую сферу образования. Наибольшие трансформации наблюдаются в том, что на традиционно «мужских» инструментах (*кубыз*, *узыгыумы*, *чипчирган*) сегодня играют и женщины.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Богаевский П. М. Очерк быта Сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском Этнографическом музее / Под ред. В. Ф. Миллера. Вып. III. М.: Типография Е. Г. Потапова, 1888. С. 35; Блинов Н. Языческий культ вотяков. Вятка: Губернская типография, 1898. С. 35.
- ² Наличие внутри корпуса резонаторных струн отмечает немецкий исследователь Макс Бух в своем труде «Вотяки (Этнологическое исследование)» (1880, стр. 82). Еще один подобный образец хранится в Национальном музее УР им. Кузееба Герда.
- ³ Богаевский П. М. Очерки религиозных представлений вотяков // Этнографическое обозрение. 1890. Кн. IV, № 1. С. 127.
- ⁴ Богаевский П. М. Очерк быта Сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском Этнографическом музее / Под ред. В. Ф. Миллера. Вып. III. М.: Типография Е. Г. Потапова, 1888. С. 28–29; Верещагин Г. Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 4. Фольклор. Кн. 1: Удмуртский фольклор: Предания. Легенды. Побывальщины. Сказки. Басни. Пословицы. Поговорки. Загадки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. С. 66–67. (Памятники культуры).
- ⁵ Аудиозаписи хранятся в Научном архиве Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубкова А. Н. К вопросу о ранних этапах формирования музыкальной культуры удмуртов // Истоки искусства Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 3–11.
2. Кунгуров С. Н. Удмуртские традиционные музыкальные инструменты. Ижевск, 1994. 30 с.
3. Нуриева И. М. Песни завятских удмуртов. Вып. 2. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 5–17.
4. Пчеловодова И. В. Конструкция удмуртского традиционного инструмента кубыз в терминологическом аспекте // Вестник угроведения. 2015. № 1 (20). С. 46–51.
5. Пчеловодова И. В. Продольная флейта удмуртов // PAX SONORIS: история и современность. 2009. № 3. С. 148–154.
6. Пчеловодова И. В. Узыгыумычи в удмуртской традиционной культуре: феномен исполнительской личности // Историко-культурное наследие. 2020. № 1 (8). С. 120–126.
7. Пчеловодова И. В., Байсарова О. О. Натуральная труба чипчирган: традиция и современность (по материалам экспедиций 2023–2024 гг.) // Историко-культурное наследие. 2024. Т. 14, № 2. С. 218–226.
8. Пчеловодова И. В., Дэметэр М. Кубыз: способы и приемы игры традиционных исполнителей // Отечественная этномузыкология: история науки, методы исследования, перспективы развития: Материалы Междунар. науч. конф., 30 сентября – 3 октября 2010 г. СПб.: Университетский образовательный округ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2011. Т. 2. С. 310–321.
9. Чисталев П. И. Коми народные музыкальные инструменты. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. 104 с.
10. Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири: Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002. 718 с.
11. Pchelovodova I. An Udmurt flute // Udmurt mythology and folklore. SATOR 22. Tartu: ELM Scholarly press, 2021. P. 427–437.

Поступила в редакцию 05.02.2025; принята к публикации 28.02.2025

Original article

Irina V. Pchelovodova, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5553-0100; orimush@mail.ru

TRADITIONAL MUSICAL INSTRUMENTS OF THE UDMURTS: THE EXPERIENCE OF STAGE PERFORMANCE

Abstract. Contemporary ethnoorganology pays special attention to the study of traditional musical instruments of various ethnic groups in the context of related sciences such as ethnography, ethnomusicology, anthropology, archeology, and cultural studies. The study of a wide range of issues related to the traditional use of tools includes, among other

things, consideration of its current state. Today, the instrumental tradition is undergoing changes. This is especially true for performance practice, as instruments move from their original environment to the stage, leading to significant and minor transformations. It was this aspect that became the basis for the presented research on the instrumental culture of the Udmurts. The focus is on four instruments that, due to their special significance in the Udmurt tradition, deserve special attention: *krez* (helmet-shaped gusli), *kubyz* (three-stringed bowed instrument), *uzygumy* (longitudinal overtone flute), and *chipchirgan* (natural longitudinal pipe). As the published and expedition materials show, all these instruments have lost their traditional function, but they have found a new life on stage. Being acoustic in nature, they require sound amplification using additional technical means that do not always accurately convey their timbral coloring. This prompted the Udmurt master and performer, Evgeny Bikuzin, to create an electronic-sounding *kubyz*. The instruments themselves and the repertoire of the performed works also undergo changes depending on the tasks of the performer or the team. These changes relate to the shape of instruments (e. g., *kubyz* or *pyzhkrez*) as well as the playing techniques (e. g., *krez*). The biggest transformations today are observed in women learning to play traditionally “male” musical instruments (e. g., *kubyz*, *uzygumy* or *chipchirgan*).

Key words: Udmurts, musical instruments, tradition, transformations, ethnoorganology, ethnomusicology

For citation: Pchelovodova, I. V. Traditional musical instruments of the Udmurts: the experience of stage performance. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(3):107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1170

REFERENCES

1. Golubkova, A. N. Revisiting the early stages of the formation of the musical culture of the Udmurts. *The origins of the art of Udmurtia*. Izhevsk, 1989. P. 3–11. (In Russ.)
2. Kungurov, S. N. Udmurt traditional musical instruments. Izhevsk, 1994. 30 p. (In Russ.)
3. Nuriyeva, I. M. Songs of the West Vyatka Udmurts. Vol. 2. Izhevsk, 2004. P. 5–17. (In Russ.)
4. Pchelovodova, I. V. The construction of the Udmurt traditional stringed instrument *kubyz* in the terminological aspect. *Bulletin of Ugric Studies*. 2015;1(20):46–51. (In Russ.)
5. Pchelovodova, I. V. Longitudinal flute of the Udmurts. *PAX SONORIS: History and Modernity*. 2009;3:148–154. (In Russ.)
6. Pchelovodova, I. V. Uz'ygumychi in the Udmurt traditional culture: phenomenon of the performing personality. *Historical and Cultural Heritage*. 2020;1(8):120–126. (In Russ.)
7. Pchelovodova, I. V., Baysarova, O. O. Natural chipchirgan pipe: tradition and modernity (based on the materials of the expeditions in 2023–2024). *Historical and Cultural Heritage*. 2024;14(2):218–226. (In Russ.)
8. Pchelovodova, I. V., Demeter, M. *Kubyz*: playing methods and techniques of traditional performers. *National ethnomusicology: history of science, research methods, development prospects: Proceedings of the international research conference, 30 September – 3 October 2010*. St. Petersburg, 2011. Vol. 2. P. 310–321. (In Russ.)
9. Chistalev, P. I. The Komi folk musical instruments. Syktyvkar, 1984. 104 p. (In Russ.)
10. Sheykin, Yu. I. History of the musical culture of the peoples Siberia: A comparative historical study. Moscow, 2002. 718 p. (In Russ.)
11. Pchelovodova, I. An Udmurt flute. *Udmurt mythology and folklore. SATOR 22*. Tartu, 2021. P. 427–437.

Received: 5 February 2025; accepted: 28 February 2025

БУБРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР¹

С 23 по 25 октября 2024 года в Петрозаводском государственном университете проходила XX Всероссийская научная конференция «Бубриховские чтения: традиции и новации в исследовании финно-угорских языков и культур», организаторами которой выступили Институт филологии ПетрГУ и ИЯЛИ КарНЦ РАН. Юбилейная конференция объединила более ста участников – ученых, преподавателей, общественных деятелей, студентов, магистрантов, аспирантов из 15 городов Российской Федерации. История проведения «Бубриховских чтений» насчитывает без малого четверть века, на сегодняшний день это одна из крупнейших в стране конференций в области финно-угроведения.

Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949) – профессор, член-корреспондент АН СССР, основатель советского финно-угроведения, автор основополагающих трудов по общим проблемам финно-угроведения, финскому, карельскому, мордовскому, коми, удмуртскому и другим языкам. Исследовательские традиции, заложенные ученым, развиваются усилиями карельских финно-угроведов, специалистов в области культуры и этнографии, выросших в лоне Бубриховской исследовательской научной школы, сложившейся в Карелии.

Решение о проведении научной конференции «Бубриховские чтения» было принято в 2000 году – в год 110-летия со дня рождения профессора Д. В. Бубриха. Первую конференцию провели уже в 2001 году, и до 2016 года она была ежегодной, с 2017 года – организуется один раз в два года. Конференция «Бубриховские чтения» является дискуссионной площадкой, собирающей исследователей и преподавателей целого ряда дисциплин, связанных с финно-угорской тематикой, в которой традиционно принимают участие не только ведущие ученые, но и молодые специалисты и аспиранты из Карелии и других регионов РФ, а также из-за рубежа. Итоги этой работы опубликованы в виде восьми сборников материалов (2002, 2005, 2008, 2009, 2011, 2015, 2016, 2020)².

На юбилейной XX конференции прозвучало 80 докладов на двух пленарных заседаниях, пяти секциях и двух круглых столах. На сайте конференции было представлено восемь стендовых докладов³. В первый день было проведено пленарное заседание, которое открыл доклад

З. И. Строгальщиковой (Петрозаводск) «Значение деятельности Д. В. Бубриха в Ленинградском обществе исследователей культуры финно-угорских народов для становления отечественного финно-угроведения». В докладе А. Н. Биткеевой (Москва) «Российская социалингвистика сегодня: новые задачи, концепции, методы» были рассмотрены основные направления развития современной российской социалингвистики, особое внимание уделено социалингвистическим исследованиям Института языкознания РАН, а также разработке концепции языковой политики РФ, вопросам методологии социалингвистического прогнозирования в полиэтническом государстве. В докладе О. П. Илюха (Петрозаводск) «Образ православия в книгах для обучения чтению карельских школьников (от рубежа XIX–XX к рубежу XX–XXI вв.)» были раскрыты общие подходы к репрезентации Православной церкви и веры для младших школьников на страницах книг дореволюционного и постсоветского периодов. Завершил пленарное заседание доклад О. В. Ломакиной (Москва) «Ценностные константы финно-угорских народов РФ (на паремииологическом материале)», в котором был представлен сопоставительный лингвоаксиологический анализ пословиц ряда финно-угорских народов России. Таким образом, в вышеназванных докладах была освещена проблематика конференции с точки зрения лингвистического и исторического аспектов⁴.

Секция «История финно-угроведения в лицах» была посвящена ученым, общественным деятелям, внесшим вклад в развитие финно-угроведения по разным дисциплинам. На секциях «Исследования финно-угорских языков: от традиций к новациям» и «Проблемы языковой номинации» обсуждались доклады, посвященные различным аспектам языкознания, а также вопросам, связанным с созданием и функционированием языковых электронных ресурсов.

Секция «История и культура финно-угорских народов: изучение, сохранение и репрезентация» ставила целью познакомить слушателей с исследованиями, выполненными на стыке истории, этнологии и лингвистики. Секция «Литературоведение и фольклористика» включала доклады о литературе разных жанров, проблемах перевода и восприятия культур.

В рамках конференции были проведены два круглых стола. Первый из них – «Языки в по-

лилингвальном пространстве: практики, стратегии, решения» включал 15 докладов, посвященных различным аспектам социолингвистики. Второй круглый стол «Вопросы функционирования языков и культур финно-угорских народов» собрал начинающих исследователей, магистрантов и аспирантов – участников молодежной школы имени Д. В. Бубриха⁵. В работе молодежной школы приняли участие студенты ПетрГУ, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва) и Удмуртского государственного университета. Участниками рассматривались вопросы финно-угорского языкознания и литературоведения. Заседания круглых столов стали важными дискуссионными площадками для обсуждения ключевых вопросов социолингвистики, сохранения и популяризации языков и культур малых народов, цифровизации финно-угорских языков.

На заключительном Пленарном заседании сотрудники ПетрГУ и ИЯЛИ рассказали о новых изданиях кафедры прибалтийско-финской филологии и Института языка, литературы

и истории, а также поделились информацией об электронных ресурсах: М. В. Казакова «Издавания кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии ПетрГУ», С. В. Нагурная «Издавания ИЯЛИ КарНЦ РАН за 2022–2024 гг.», И. П. Новак «Электронные ресурсы ИЯЛИ КарНЦ РАН»⁶.

Бубриховские чтения уже давно стали доброй традицией не только в жизни университета и ИЯЛИ, но и всего финно-угорского мира Карелии и за ее пределами. Участники сошлись во мнении, что данная конференция явилась крупным событием в научной жизни не только нашей республики, но и многих регионов страны, которое объединило преподавателей, исследователей, студентов и всех тех, кто интересуется изучением истории, культуры, языков финно-угорских народов. Неизменно участников объединяет стремление к поиску новых методов сохранения, развития и популяризации финно-угорских языков и культур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование А. П. Родионовой осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

² История конференции «Бубриховские чтения»: <https://illh.ru/bubrih/history.htm>.

³ См.: <https://illh.ru/bubrih/docs.html>.

⁴ Родионова А. П., Пашкова Т. В. Хроника юбилейной XX Всероссийской научной конференции «Бубриховские чтения: традиции и новации в исследовании финно-угорских языков и культур» // Язык и культура. 2024. № 2. С. 271.

⁵ По следам юбилейных «Бубриховских чтений»: <https://petrsu.ru/news/2024/135465/po-sledam-yubileinyh>.

⁶ Родионова А. П., Пашкова Т. В. Хроника юбилейной XX Всероссийской научной конференции... С. 278.

*Т. В. Пашкова, доктор исторических наук,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-0505-4767; tvpashkova05@mail.ru*

*А. П. Родионова, кандидат филологических наук, научный сотрудник Сектора языкознания
Карельский научный центр Российской академии наук
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5645-9441; santrar@krc.karelia.ru*

Поступила в редакцию 27.01.2025; принята к публикации 17.02.2025

Scientific information

Tatyana V. Pashkova, Dr. Sc. (History), Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0505-4767; tvpashkova05@mail.ru

Aleksandra P. Rodionova, Cand. Sc. (Philology), Research Associate, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5645-9441; santrar@krc.karelia.ru

THE BUBRIKH READINGS: TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE STUDY OF THE FINNO-UGRIC LANGUAGES AND CULTURES

Received: 27 January 2025; accepted: 17 February 2025

14 февраля 2025 года исполнилось 75 лет кандидату филологических наук, известному фольклористу и этнографу, крупнейшему специалисту по русской свадьбе Карелии, без малого полвека посвятившему работе в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН, *Валентине Павловне Кузнецовой*.

Celebrating the 75th anniversary of *Valentina P. Kuznetsova*

ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВНА КУЗНЕЦОВА

К 75-летию со дня рождения

Валентина Павловна пришла в сектор фольклора Института языка, литературы и истории в 1974 году после окончания историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета. С 1974 по 2011 год ею было осуществлено более 40 фольклорно-этнографических экспедиций и проведено более 10 стационарных интервью, в результате которых было записано более 200 часов аудиозаписей и значительная коллекция видеоматериалов, которые поступили в фонограммархив ИЯЛИ КарНЦ РАН. Расшифровки отдельных экспедиций составили 15 коллекций Научного архива КарНЦ РАН. Еще с конца 1980-х годов Валентина Павловна сначала на общественных началах, а потом в роли руководителя фонограммархива вела работу по сохранению богатейшей звуковой коллекции фольклорных, этнографических и лингвистических материалов. С 1999 года сотрудники фонограммархива под руководством В. П. Кузнецовой одними из первых в стране занялись оцифровкой архива: разрабатывали и реализовывали проекты по оцифровке записей, созданию базы данных и сайтов. Наравне с огромной архивной работой продолжались и научно-теоретические исследования. Защита диссертации по теме «Причитания в северно-русском свадебном обряде» (под руководством Б. Н. Путилова) состоялась в Минске в 1988 году. После защиты диссертации Валентина Павловна перешла в сектор этнографии и этносоциологии и с 1989 по 2005 год заведовала им. В 2006–2012 годах она возглавляла отдел фольклора в музее-заповеднике «Кижы».

В. П. Кузнецова является автором более 120 научных трудов, в том числе монографии «Русская свадьба Заонежья: Конец XIX – начало XX в.» (в соавторстве с К. К. Логиновым) и монументального сборника «Духовные стихи Русского Севера». В 2022 году Валентина Павловна вышла на пенсию, но продолжает работу над очередной монографией.

Заслуги В. П. Кузнецовой по сохранению историко-культурного наследия отмечены почетными грамотами Министерства культуры РФ и Министерства культуры РК, историко-литературной премией «Александр Невский». Валентина Павловна является заслуженным работником культуры Карелии, одним из редких примеров бескорыстного и самозабвенного служения науке и людям.

Уважаемая Валентина Павловна, примите поздравления с юбилеем, пожелания здоровья, научных и творческих успехов!

*Е. В. Марковская, канд. филол. наук, науч. сотр. ИЯЛИ КарНЦ РАН
Коллектив ИЯЛИ КарНЦ РАН присоединяется к этому поздравлению.*

VIII Международная конференция

«РОССИЯ И ГРЕЦИЯ: ДИАЛОГИ КУЛЬТУР»

Россия и Греция:
Диалоги культур

3–4 октября 2025 года в Петрозаводском государственном университете состоится VIII Международная конференция «Россия и Греция: диалоги культур», посвященная 85-летию профессора Т. Г. Мальчуковой и 30-летию классического направления в ПетрГУ.

Организаторами конференции выступают кафедра классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии ПетрГУ совместно с Отделением русской филологии и славистики Афинского национального университета им. И. Каподистрии.

Для участия в работе конференции приглашаются ученые, преподаватели, аспиранты, магистранты в области филологии, культурологии, истории, философии. Цель конференции – обсудить актуальные для современной гуманитарной науки вопросы тысячелетнего взаимодействия культур России и Греции.

Основные направления работы конференции:

- Классическая филология
- Византистика
- Неоэллинистика
- Греческая тема в русской литературе и культуре
- Культурно-исторические связи России и Греции

Языки конференции: русский, новогреческий, английский.

Формы участия: очно, дистанционно.

Отобранные оргкомитетом материалы конференции (в виде научной статьи) будут опубликованы в научном журнале «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» (включен в список изданий, рекомендуемых ВАК для публикации научных работ). Редакция журнала также предоставляет участникам конференции возможность анонсировать издания (монографии, учебные пособия и т. д.), вышедшие из печати в 2024–2025 годах. Сайт журнала: <https://uchzap.petrso.ru>

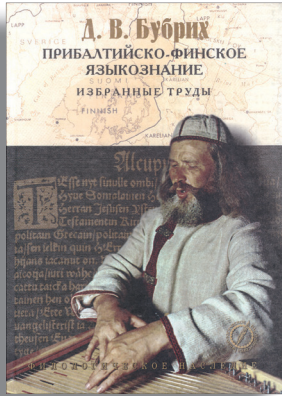
Заявки на участие в конференции необходимо отправить до 24 августа 2025 года
Евгении Петровне Литинской по электронному адресу: litgenia@yandex.ru

CONTENTS

<p>Editorial note 7</p> <p>RUSSIAN LANGUAGE. NATIONAL LANGUAGES OF RUSSIA</p> <p><i>Dyachenko Yu. A., Pravednikov S. P., Kovalev A. E.</i></p> <p>THE CONCEPT OF THE STEED/HORSE IN KURSK FOLK TALES 8</p> <p><i>Smirnova L. G.</i></p> <p>THE QUESTION OF GRAMMATICAL MEANS FOR EXPRESSING EVALUATION IN THE LIGHT OF A. A. SHAKHMATOV'S SYNTACTIC RESEARCH 17</p> <p><i>Novoselova V. A.</i></p> <p>MILITARY TERMINOLOGY IN MEDIA TEXTS: THE "UNMANNED AERIAL VEHICLES" THEMATIC GROUP 24</p> <p>THEORETICAL, APPLIED, AND CONTRASTIVE LINGUISTICS</p> <p><i>Malysheva E. Yu., Sharifullina S. R.</i></p> <p>STRUCTURAL AND PROBABILISTIC RESEARCH OF PASSIVE VERBS IN AMERICAN AND BRITISH PROSE 29</p> <p>NATIONAL LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES</p> <p><i>Firstov M. S.</i></p> <p>SOCIO-RITUAL ORAL MONOLOGICAL PUBLIC SPEECH AS A VERBAL ELEMENT OF COMMEMORATIVE TRADITION 39</p> <p>RUSSIAN LITERATURE AND NATIONAL LITERATURES OF THE RUSSIAN FEDERATION</p> <p><i>Gritsevskaya I. M., Brovkina T. V.</i></p> <p>"QUESTIONS AND ANSWERS OF PSEUDO-ATHANASIUS OF ALEXANDRIA TO PRINCE ANTIOCHUS" AS A SOURCE FOR AN OLD BELIEVER POLEMICAL WORK 47</p> <p><i>Kazakova M. V., Dorozhko A. A.</i></p> <p>FOLKLORE AND MYTHOLOGICAL MOTIFS AS MEANS OF CREATING FANTASY REALITY IN TATYANA MESHKO'S NOVEL <i>THE SORCERER IS HERE</i> 58</p>	<p>FOLKLORE STUDIES</p> <p><i>Ivanova T. G.</i></p> <p>"LANGUAGE OF FLOWERS" AS A PHENOMENON OF FOLKLORE CULTURE 65</p> <p>THE BUBRIKH READINGS: TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE STUDY OF THE FINNO-UGRIC LANGUAGES AND CULTURES</p> <p><i>Bratchikova N. S.</i></p> <p>METAPHORICAL CONCEPTS AND THEIR EXPRESSION IN TOMMI KINNUNEN'S NOVEL <i>WHERE FOUR ROADS MEET</i> 71</p> <p><i>Dementieva A. M.</i></p> <p>TITLES OF RUSSIAN AND FINNISH SCIENTIFIC ARTICLES: TWO STRATEGIES WITHIN THE SAME STYLE 77</p> <p><i>Mukovskaya L. Yu.</i></p> <p>THE AFFIX <i>-KOND</i> AND PLURALITY REPRESENTATION IN THE MODERN ESTONIAN LANGUAGE 82</p> <p><i>Chibisov B. I.</i></p> <p>THE SETTLEMENT AGREEMENT FROM THE ARCHIVE OF THE PALEOSTROVSKY MONASTERY: ETHNOTERRITORIAL ASPECT 89</p> <p><i>Minvaleev S. A.</i></p> <p>A. P. KOSMENKO'S CONTRIBUTION TO THE STUDY OF THE CULTURES OF THE FINNIC-SPEAKING PEOPLES OF NORTHWESTERN RUSSIA 95</p> <p><i>Petrov O. M.</i></p> <p>PAVEL PETROVICH GLEZDENYOV AS THE FOUNDER OF THE FIRST NEWSPAPERS IN THE MARI AND UDMURT LANGUAGES 101</p> <p><i>Pchelovodova I. V.</i></p> <p>TRADITIONAL MUSICAL INSTRUMENTS OF THE UDMURTS: THE EXPERIENCE OF STAGE PERFORMANCE 107</p> <p>Scientific information</p> <p><i>Pashkova T. V., Rodionova A. P.</i></p> <p>The Bubrikh Readings: traditions and innovations in the study of the Finno-Ugric languages and cultures ... 114</p> <p>Anniversaries</p> <p>Celebrating the 75th anniversary of Valentina P. Kuznetsova 116</p> <p>Scientific information 117</p>
--	--

Д. В. Бубрих

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ: ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

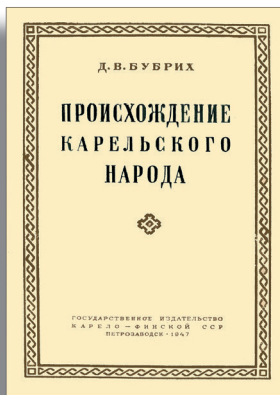
Труды выдающегося отечественного ученого чл.-корр. АН СССР проф. Д. В. Бубриха (1890–1949) по сравнительно-историческому финно-угорскому языкознанию давно стали библиографической редкостью. Д. В. Бубрих работал в условиях господства так называемого нового учения о языке Н. Я. Марра, которое не признавало родства языков. Инакомыслие, отход от официальной идеологии беспощадно пресекались. Поэтому его работы если и выходили из печати, то с большими купюрами.

В настоящем издании восстановлены авторские варианты трудов ученого, сохранившиеся в архиве. В книгу включены фундаментальные исследования по прибалтийско-финскому языкознанию: «Историческая фонетика финского-суоми языка», «Историческая морфология финского языка в связи с синтаксисом», «Грамматика карельского языка», «Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере». Избранные труды не только повысят авторитет отечественного финно-угроведения, дадут новые стимулы к исследованию финно-угорских языков, но и восстановят в науке истинный масштаб личности Д. В. Бубриха.

Д. В. Бубрих. Прибалтийско-финское языкознание: Избранные труды / Под ред. Г. М. Керта, Л. И. Сувиженко. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 382 с. – (Филологическое наследие).

Д. В. Бубрих

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАРЕЛЬСКОГО НАРОДА

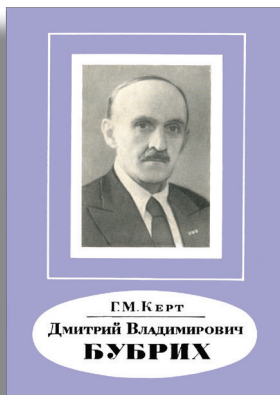
В очерке излагается в популярной форме то, что в более специальной форме изложено в других работах члена-корреспондента АН СССР Д. В. Бубриха. Данный вопрос о происхождении карельского народа освещается в двух главах: 1. Догосударственный период истории Балтийско-беломорского севера и 2. Государственный период истории Балтийско-беломорского севера

Очерк рассчитан на широкий круг читателей.

Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. 52 с.

Г. М. Керт

ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БУБРИХ

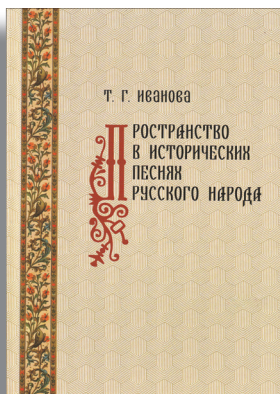

В издании освещается биография Д. В. Бубриха, начало его научной деятельности, исследование им финно-угорских языков и их значение, дается список печатных трудов ученого. В Приложении публикуется работа Д. В. Бубриха «Происхождение именного словоизменения в финно-угорских языках».

Керт Г. М. Дмитрий Владимирович Бубрих (1890–1949). Очерк жизни и деятельности. Л.: Ленинградское отд-ние изд-ва «Наука», 1975. 104 с.

Т. Г. Иванова

ПРОСТРАНСТВО В ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ РУССКОГО НАРОДА

В монографии рассматривается пространство в исторических песнях русского народа. Основной базой послужили академические сборники «Исторические песни XIII–XVI веков», «Исторические песни XVII века», «Исторические песни XVIII века», «Исторические песни XIX века», изданные в 1960–1973 гг. Соответственно исследованию сформировано по разделам, построенным в хронологии: XIII–XVI вв.; XVII в.; XVIII в.; XIX в. Специально в разных разделах рассматриваются такие идеологически нагруженные топонимы, как Русь, Московское царство, Россия и др., а также имена столиц государства Москвы и Петербурга. Анализируются пространства Казани и Ермакова цикла XVI в., пространства Крестьянских войн под предводительством Степана Разина и Емельяна Пугачева и других социальных выступлений. В центре внимания раздела о XVIII столетии находятся пространства русско-шведских и русско-турецких войн, в разделе о XIX в. – об Отечественной войне 1812 г. и Крымской войне. Исследуется также пространство в песнях о Кавказской войне. Помимо необходимых исторических комментариев анализируется роль топонимов в построении мифопоэтических формул.

Иванова, Т. Г. Пространство в исторических песнях русского народа / Т. Г. Иванова. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2024. – 522 с.

